

СВЕТЛАНА
ГОЛЬШАНСКАЯ

18+

ПУТЬ СУМЕРЕЧНИЦЫ

ОНА МОЖЕТ САМА СТАТЬ МРАКОМ...

Young Adult. Нетореными тропами

Светлана Гольшанская

Путь Сумеречницы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гольшанская С.

Путь Сумеречницы / С. Гольшанская — «Эксмо»,
2024 — (Young Adult. Нетореными тропами)

ISBN 978-5-04-197649-1

Лайсве — дочь знатного лорда. Каждую ночь ее одолевают пророческие сны о конце света, виновником которого однажды станет ее темный суженый. На шестнадцатый день рождения горевестница предрекает девушке скорую смерть. Чтобы изменить свою судьбу и участь всего мира, Лайсве и ее брат-близнец Вейас должны вступить на нетореную тропу и отыскать Безликого бога. Если Вейасу не удастся добыть клыки мифического зверя, что охраняет гробницу Безликого, его ждет позор, а орден Сумеречников навсегда отречется от него. Темный суженый уже заметил Лайсве и будет преследовать их, пока не настигнет. Удастся ли Сумеречнице избежать его соблазнов или же ее пламенеющее сердце навсегда останется в его руках?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197649-1

© Гольшанская С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	44
Глава 6	58
Глава 7	66
Интерлюдия I	77
Глава 8	81
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Светлана Гольшанская

Путь Сумеречницы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Светлана Гольшанская, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Пролог

*Война богов,
в сиянии Червоточин*

Ритмично пульсировала в ночном небе лестница: ступень красная, за ней – зеленая, синяя. Вместе с северным сиянием раскрывались в вышине Врата Червоточин. Морозный воздух гудел и искрился, выстуживая душу сквозь почти омертвелую плоть. Вдалеке полыхали зарницы, лязгала небесная сталь и грохотали летящие с гор глыбы – отголоски уже выигранной войны, Войны богов и Предвечного Мрака, что охватила все девять сфер мироздания и погубила целый континент.

– Когда же вы угомонитесь? Разве не видите, что все уже кончено? – выкрикнул в пустоту безликий Ветер.

Меховая одежда пропиталась кровью и отяжелела. Одной рукой он опирался на железный посох, второй – зажимал рану на боку. Хорошо, что Ветер утратил Благодать, иначе зараза уже убила бы его, покрыв тело язвами. Какая ирония! Будучи смертным, он протянул немного дольше, чем если бы остался богом. И хорошо! Эти мгновения дороже всего золота мира.

За Вратами уже виднелись переливающиеся радугой своды Пещеры духов. Приглушить бы нестерпимый свет, но сил вряд ли хватит, а они еще нужны.

Оказавшись внутри, Ветер замер и попытался отдышаться. Эхом отражаясь от сводов, по пещерному залу пронесся испуганный шепот. Развоплощенный братец Тень подоспел – жаждал вернуть себе тело.

Ветер усмехнулся:

– Не надейся. Ты останешься здесь, со мной. Навечно.

Бесплотный братец нырнул в темную Сумеречную реку и помчался по течению к Мельнице душ. Ее колесо черпало воду и с грохотом опрокидывало обратно, унося мертвых к переждению. Того же добивался и братец.

Ветер собрался с силами и вонзил посох в мельничное колесо. Лопасты заскрежетали, пытаясь смять преграду, но та выдержала. Осталось лишь одно усилие, чтобы наверняка заклинить демонов механизм и помешать брату.

На его руке вздулись жилы. Ветер выжимал из себя последние капли магии. Хватит ли их? Он положил ладонь на колесо. Белым пятном от нее побежал иней, перерос в толстую ледяную корку и намертво сковал реку вместе с Мельницей.

Последний шаг – и ноги подкосились. Ветер оперся о стену и сполз на пол.

Зрение угасало. Звуки отдалялись за грань. Ветер и сам приближался к ней. Стирались имена братьев, матери, жены, его собственное. Лица уходили в забвение. Манящее безмятежной синевой небо забирало боль от раны, горечь предательства и тоску разлуки. Становилось легко, будто корка льда покрывала его самого. Ветер растворялся в прозрачной дымке, был всем и ничем одновременно, жил в каждой букашке и каждом горном исполине, слышал и видел все. Почти осязаемой грезилась свобода.

Дрему нарушила тяжелая поступь. Сознание с оглушительной болью вернулось в тело. Почему покоя нет даже в смерти?!

– Что ты наделал, сын? – пророкотал над головой строгий голос Небесного Повелителя, который так пугал в детстве.

Ответ дался ему с трудом:

– Остановил бойню, отец! Разве не видишь?

Рану накрыла теплая ладонь. Стало немного легче.

– Но какой ценой... – с сожалением выдохнул Небесный Повелитель.

– Я заплатил ее сполна. – Его присутствие заставляло Ветра огрызаться, даже когда для этого было не время. – Вы выиграли войну длиною в вечность. Празднуй, а мне позволь спокойно умереть.

– Мрак вернется, – возразил отец.

– Я этого не увижу, а ты будешь знать, как справиться.

– Справляться впредь будешь ты.

Ноздри защекотал запах тлена, ушей коснулся зловеющий шепот. Ветер распахнул глаза.

Небесный Повелитель осунулся и постарел: запомнившееся молодым лицо бороздили глубокие морщины. С разбитого виска по щеке текла кровь. В разорванной на груди меховой одежде копошился осколок Мрака – выедал душу, заполняя пустоту темной сущностью.

– Видишь, жизни в нас двоих осталось лишь на одного. Им будешь ты. Прости.

– За что? – ужас с хрипом вырвался из его гортани. Ветер догадывался, что задумал отец, но отказывался в это верить.

Небесный Повелитель со звоном вытянул меч из ножен. Обнаженный клинок вспыхнул фиолетовыми огнями и с хрустом вонзился в сердце Ветра.

Боль накатывала удушливыми волнами, переплеталась с жизнью. Сопротивляться не осталось сил. Ветер мог лишь смотреть, как лезвие проворачивается, убивает все сыновье, то, что не успело стереться с именами и лицами, и вживляет свое – отцовское.

Силы Небесного Повелителя текли сквозь звездный металл. В лицо Ветра впивалась костяная маска, тело каменело, а мировая твердь вдавливала его плечи в пол.

Сознание кануло в темные воды, но не ушло за грань, не растворилось, – хотя Ветер так жаждал смерти.

– Спи спокойно, сын мой, – зашептал Небесный Повелитель, укладывая его, обездвиженного, на каменное ложе. Коснулся влажными губами лба. – Когда-нибудь ты примешь эту силу, как примешь и себя. Прощай.

Глава 1

Белоземская принцесса

1526 г. от заселения Мунгарда.

Белоземье, Веломовия

Лайсве готовили к свадьбе по древним, почти забытым обрядам: искупали в отваре ромашки и полыни, одели в простое платье из беленого льна, распустили волосы и возложили на голову венок из кувшинок. Рядом находились лишь незамужние девушки: на праздниках юности старости не место. С танцами и песнями невесту провожали в священную дубраву, где уже ждал жених со своей свитой.

Царствовала ночь. Полная луна венчала небо. Трещали костры, освещая путь и напитывая воздух запахом хвои.

Меж вековых дубов показался силуэт суженого. Высокий, широкоплечий, по стати ясно, что он могучий воин и благородный человек. Такой же простоволосый, в длинной неподпоясанной рубахе. Его мужественное лицо озарила улыбка. Столько восхищения и нежности было в ней, сколько Лайсве никогда прежде не видела.

– Клянусь, я отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива, и даже после смерти, – сорвались с его губ искренние слова.

Зашелестели листья, хрустнула сухая ветка, заставив ее отвернуться от суженого. В кустах затаился таинственный зверь, припал к земле. Белое пятно по всей морде походило на маску. Глаза сияли синевой неба, горела рыжим пламенем шерсть. Зверь принюхался, выгнулся и зашипел.

Лайсве оглянулась на поляну. Ее устилали растерзанные тела, над которыми возвышался суженый. Его черная рубаха сливалась с ночной мглой, а на груди извивались угольные змеи. Он протянул руку и колдовским голосом прошептал: «Будь со мной, будь одной из нас!»

Огненный зверь взревел, разрывая паутину наваждения, и бросился прочь. Лайсве – следом.

Сквозь тонкую ткань кожу студил мертвенный холод. Низко нависающие ветки хлестали руки, раздирали платье, вырывали клочья волос. Сердце грохотало, ноги уже не держали, но Лайсве не останавливалась. По пятам мчалось нечто темное, страшное, злое. Оно не убьет – захватит, выжрет сердцевину и заставит жить безвольной куклой.

Лайсве зацепилась за корень и упала, разбив колени, затем подскочила и снова побежала. Зверь свернул с большой дороги на едва заметную стежку. Нельзя его потерять. Только он знал путь к спасению.

Впереди забрезжил просвет. Зверь замер у опушки.

Спасение рядом?

Лайсве едва успела остановиться на краю пропасти. Из-под ног посыпались камни, потонули в пустоте, так и не достигнув дна. Противоположный край земли было не разглядеть. В небе грозные тучи доедали остатки луны. Где-то позади гудел мертвыми голосами Мрак; он валил высоченные сосны, иссушая и разнося их в труху, смердел гнилью и скрежетал, протягивая к Лайсве свои щупальца.

Он был там, ее суженый, в самом сердце. Это он крушил и убивал все живое. Он и был самим Мраком!

Огненный зверь метался вдоль обрыва, оборачивался на погибающий лес, рычал и продолжал кружить.

Мрак замер в двух шагах от них. Суженый снова протянул руку и позвал Лайсве по имени.

– Ты не тронешь Зверя?

– Мне нужна только ты.

Она почти приняла Мрак, когда Зверь выскочил вперед, обнажив клыки. Щупальца кинулись было наперерез, но тут же загорелись. Вспыхнул чудовищный пожар, очищая мир от живых и от Мрака разом, но ни Лайсве, ни Зверь уже не видели этого, растворившись в огненном зареве.

– Не осталось больше у Небесного Повелителя владений, чтобы наделить ими младшего сына, безликого Западного Ветра, – проскрипел над ухом нянюшкин голос. – И наказал ему отец во всем подчиняться старшим братьям.

Лайсве вздрогнула и укололась об иглу, торчащую из растянутой на пяльцах ткани. Выступила кровь. Пришлось слизнуть, чтобы не испортить вышивку, над которой Лайсве корпела весь последний месяц.

Надо же, заснула среди бела дня! Да еще и на жестком стуле, в неудобной позе. Нет, нельзя подолгу за работой засиживаться, а то и не такое приснится. Так всегда говорил отец, когда Лайсве прибегала к нему в слезах после очередного кошмара. «Мы не ясновидцы, наши сны не сбываются. Да и какое зло может угрожать за надежными стенами родового замка, который охраняют доблестные Сумеречники?»

В углевом камине потрескивали сосновые поленья, обогревая маленькую гостиную. Лайсве дожидалась брата-близнеца Вейаса. Пока его учили фехтовать и пользоваться родовым даром – мыслечтением, Лайсве приходилось вышивать и выслушивать наставления о хороших манерах и добронравии. А ей порой так хотелось сбежать в лес и насладиться свободой!

– Но Безликий был горд и вольнолюбив, – продолжала нянюшка.

Лайсве слышала это сказание, как и все остальные, добрую сотню раз, но уж очень она их любила. Они словно переносили во времена, когда они с братом, еще совсем крохи, трепетали от каждого слова и прятали головы под одеяла в самые пугающие моменты.

Лайсве выглянула в окно. На улице сгущались серые весенние сумерки, но Вейаса все не было. Неужели опять развлекается с какой-то служанкой? А ведь обещал навестить! Сколько еще таких вечеров осталось? После церемонии взросления им придется расстаться: Лайсве уедет в замок будущего мужа, а Вейас отправится проходить испытание, чтобы стать рыцарем.

– Отказался Безликий подчиняться отцу и вступил на тропу нетореную, чтобы самому решать свою судьбу. – Голос нянюшки опустился до хрипловатого шепота. – Долго скитался он по свету неприкаянным, стоптал семь пар железных башмаков, изломал семь железных посохов, изглодал семь железных караваев, прежде чем обрел свои владения. Была та земля широка и плодородна, но кишели на ней демоны, что мешали возделывать поля, пасти стада и строить новые села. Позвал тогда Безликий самых смелых охотников и повел их в поход против злокозненных тварей. Кололи их копьями, секли топорами, стреляли из луков – три человеческие жизни бились, пока не очистилась земля от Мрака. Когда затрубили горны победы, Безликий почувствовал смертельную усталость. Наказал он охотникам создать орден, который хранил бы всех людей от демонов, и удалился на край земли. Но белоглазые вельвы говорят, что ушел Безликий не навсегда, а лишь уснул до поры.

– Да-да, и проснется он, когда наступит конец времен, – заявил Вейас, вваливаясь в комнату. На его красивом лице играла удовлетворенная ухмылка. Значит, хорошо развлекся. – Никогда не понимал этой истории. Если Безликий – наш покровитель, то почему дрыхнет, пока его мир катится демонам под хвост? – Испортив волшебство нянюшкиного сказания, он развалился на обитом голубым бархатом диване.

Конечно, куда Лайсве и нянюшке до его распутных девиц. От раздражения ей захотелось заскрежетать зубами.

– Ничего ты не понимаешь в настоящих историях, – поддела она брата. – Безликий набирается сил в ожидании последней битвы, а люди еще должны доказать, что достойны спасения. Правда, нянюшка?

– Откуда ж мне знать, что думают боги? – Старуха развела морщинистыми руками.

– И кто из нас ничего не понимает? – Вейас швырнул в сестру подушкой.

– Всяко больше тебя, – хмыкнула Лайсве, поймав ее у своего лица.

Вейас самодовольно сцепил пальцы в замок и смачно ими хрустнул. Лайсве подкралась сзади и стукнула его все той же подушкой. Брат зарычал. Они покатались кубарем, барахтаясь и скача по дивану, прямо как в детстве. На мгновение даже показалось, будто они вернулись в ту счастливую пору, когда в их жизни еще не было ощущения, что все вот-вот закончится.

– А ну-ка хватит! – заругалась нянюшка. – Ишь, расшалились! Взрослые совсем, а все деретесь. Тебе, Лайсве, вообще должно быть стыдно: свадьба скоро, дети, хозяйство, дом одной вести придется, мужа голубить, а ты все брата задираешь. Женщине надо быть кроткой, покорной и ласковой, а не дерзить и кулаками размахивать.

– Да, нянюшка, – Лайсве вернулась на прежнее место, и паршивец Вейас показал ей язык. Обидно! Почему это так плохо – оставаться ребенком?

– Вот, гляди, подарок для жениха. – Вынув ткань из пяльцев, Лайсве протянула ее нянюшке, чтобы отвлечь от потасовки. Не приведи Безликий, еще отцу наябедничает! – Красиво?

Старуха покрутила вышивку в руках, разглядывая ее подслеповатыми глазами. Выверенный до последнего стежка узор: белая горлица с мечом в когтях на голубом фоне – родовой герб Веломри. По ним виднелся девиз, вышитый золотом: «Наше сердце легче пуха».

– Искусно, – кивнула нянюшка. – И дорого.

– Сама на ярмарке нитки выбирала, – Лайсве улыбнулась. – Не хуже, чем у мамы?

– Алинка большой мастерицей была. Такие узоры выходили из-под ее пальцев, глаз было не оторвать, словно вся жизнь в них заключена, – разоткровенничалась нянюшка и тяжело вздохнула. – Твой узор красивый, конечно. Видно, что старалась. Но он холодный, нет в нем огня, понимаешь? Души нет.

Вейас зашевелился на диване, потянулся к Лайсве, чтобы утешить, но она отпрянула.

– Ну и ладно. – Ей хотелось выбросить дрянную вышивку в камин. Нет, нельзя здесь. Лучше у себя. И не показывать слез. Веломри не плачут. Никогда.

Забрав у нянюшки вышивку, Лайсве улыбнулась, как того требовал этикет, и умчалась к себе, забыв даже пожелать спокойной ночи. Опять заругают! Но так гораздо лучше, чем показать слезы.

В спальне она распахнула окно и проскользнула в узкий проем, затем прошлась по парапету до приметной башни, ухватилась за выступ и, подтянувшись, нырнула в щель бойницы. Худая и невысокая, она всегда находила место, где спрятаться ото всех и помечтать в одиночестве.

Ночная прохлада бодрила. Здесь, наверху, было хорошо – лежать на смотровой площадке, разглядывать звездные рисунки и размышлять.

Лайсве перебирала пальцами вышивку. Столько усилий потрачено на идеальный узор, но он все равно никому не понравился. Нет души. Можно купить дорогую ткань и нитки, можно обрисовать силуэт мылом и наловчиться делать ровные стежки. Но где взять душу, если ее нет?

Вышивка выскользнула из ее пальцев и упала на пол. Лайсве достала из-за пазухи медальон с портретом и принялась рассматривать изображение своей матери. Та была южанкой, очень красивой: с темными волосами, темными бровями и карими глазами. Большая искусница – прекрасно шила, вышивала, рисовала, пела да танцевала. Все ее обожали, особенно отец с нянюшкой. Все, что Лайсве о ней знала, – с их слов. Мама умерла сразу после родов. Отец до сих пор тосковал по ней, хоть и не говорил этого.

Лайсве и Вейас совсем на нее не походили: оба светловолосые настолько, что казались седыми. Глаза холодные – кристально-голубые, как у отца. Брат выделялся некрупными чертами лица и холеной красотой. Лайсве свою внешность недолюбливала; она чувствовала себя совершенно не такой, какой отражалась в зеркале, когда ее рядили в роскошные платья из сверкающей парчи и бархата и делали сложные, высокие прически. Окружающие же считали ее милым сорванцом в юбке, которому еще только предстояло расцвести в прекрасного лебедя.

Сейчас ее больше всего волновала помолвка. В детстве на каждый день рождения Лайсве загадывала, чтобы ее мужем стал сильный и благородный рыцарь, который бы обожал ее и хранил верность до конца своих дней, но после недавнего сна одержимая любовью перестала

казаться ей такой уж привлекательной. Может быть, все из-за волнения перед помолвкой, ведь переживать было о чем!

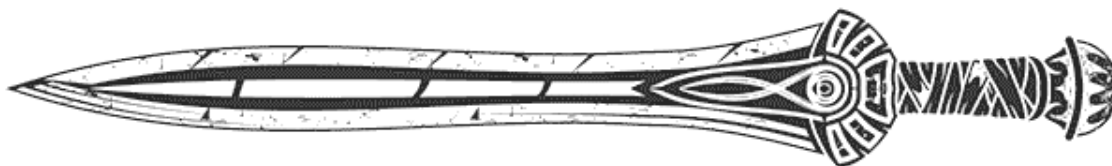
Жених родом из Заречья; он увезет Лайсве в свой жаркий степной край. Там нет ни лесов, ни каменистых пригорков, ни даже снега. Что за зима без снега? Днем с этой заброшенной башни был виден и густой бор на юге, и прозрачные озера на западе, и гряды древних курганов на востоке, и выющаяся меж холмами дорога на севере. Как жить без всего этого? Без шалостей Вейаса, без назиданий отца, без нянюшкиных сказок. Хозяйство, дети... Какие дети, если Лайсве сама еще ребенок? Ребенок, который не желал вырастать. А церемония взросления всего через пару недель!

Ей так хотелось к этому времени научиться делать хоть что-то идеально, как мама. Нет души... Может, потому что у нее не было мамы? Она бы рассказала и про красоту, и про мужа, и про рукоделие. Почему боги забрали ее столь рано? Нянюшка права: не людям о них судить.

Лайсве подняла вышивку и взгляделась внимательней. Хорошо, что не сожгла: через несколько дней приедет жених. Без подарка будет стыдно встречать, а ничего лучше она уже не придумает. Как говаривала нянюшка, главное – внимание. Лайсве уж постарается быть внимательной и любезной. Тогда все получится идеально.

Она снова посмотрела на небо. Черный бархат с россыпью алмазной пыли, луна неполная, словно от головки сыра отрезали кусочек сбоку. Звезда сверкнула и понеслась к земле, будто рисунки Охотника подмигнул ей, напоминая о сне.

Отбросив страшные видения, Лайсве выделила лишь то, что ее очаровало – Огненного зверя на фоне беспроглядного Мрака. Именно его она вышьет следующим и подарит отцу на прощание. Благо, красных ниток осталось много. Нужна черная ткань. Жаль, что из нее только траурные одежды шьют, но найти все-таки можно. Надо торопиться. И плевать на кошмары!

Глава 2

Господин дворняга

1526 г. от заселения Мунгарда.

Заречье, Веломовия

од кожей копошился Мрак: угольными змеями обвивался вокруг костей, заполнял собой суть, пожирая все помыслы и воспоминания, кроме одного – отомстить. Отомстить за боль и унижения, несправедливость и ложь. Ярость изливалась наружу огнем; чудовищный пожар летел по степи гудящими волнами. Горели села с жителями, табуны золотых лошадей и даже каменные стены замков. А сверху проливным дождем хлестала людская кровь.

Он был тем, кто разжег пламя, он был сердцем Мрака. Веселье прорывалось хмельным смехом: больше не надо сдерживаться и притворяться. Теперь он по-настоящему свободен!

– А ну подъем, безродная дворняга! – разбудил его визгливый голос Йордена.

Сонливость стяхнулась привычно быстро, и Микаш успел перехватить прицелившийся в бок сапог.

После вчерашней попойки наследник лорда Тедеску стал совсем несносен. Недавно посвященный в Сумеречники, Йорден уже собирал жидкие светло-каштановые волосы в церемониальный пучок на затылке, но, коротконогий и пухлый, на удалого рыцаря все равно походил мало. Какой из него защитник от демонов? Просто смешно!

Микаш протянул к нему нити мыслечтения – своего родового дара.

Йорден отступил. Маленькие глаза болотного цвета осоловели. Длинноватый нос и выступающая вперед челюсть делали его похожим на тотем рода Тедеску – шакала. А уж когда высокородный скалился на прислугу!

Со стороны костра его подначивали наперсники:

– Эй, чего твой увалень-оруженосец не идет?

– Стукни его хорошенько, чтобы поторапливался!

– Уже, – отуплено отозвался Йорден.

Использовать мыслечтение разрешалось только в битвах, но небольшое внушение засекли бы лишь опытные Сумеречники, а поблизости таких не наблюдалось. Всяко лучше пойти на хитрость, чем ругаться с балбесом, который дальше собственного носа не видит.

Микаш рывком поднялся, заставляя Йордена смотреть на него снизу вверх.

«Увалень-оруженосец» был на полторы головы выше хозяина, шире в кости и выглядел значительно старше несмотря на то, что им обоим едва минуло восемнадцать лет. Микаш взъерошил слипшиеся от холодного пота волосы соломенного оттенка. Серая рубашка из грубого льна и черные суконные штаны прилипли к телу, но времени привести себя в порядок не осталось. Он натянул сапоги и побежал собирать вещи.

– Если б не отец, давно бы нашел себе оруженосца порасторопней, – жаловался тем временем Йорден наперсникам.

Рыжего забияку постарше звали Драженом, а чернявого молчуна – Фанником. Менее знатные, чем Йорден, парни принадлежали к семьям, приближенным к лорду Тедеску, а потому с малолетства составляли компанию наследнику. Им повезло, что все важные вопросы решал не Йорден, а его ушлый отец, иначе они не пережили бы даже прошлой ночи, когда их за шкирки пришлось вытаскивать из пьяной драки в придорожной корчме.

Микаш затянул их пояса с оружием, проверил стрелы в колчанах и мечи в ножнах.

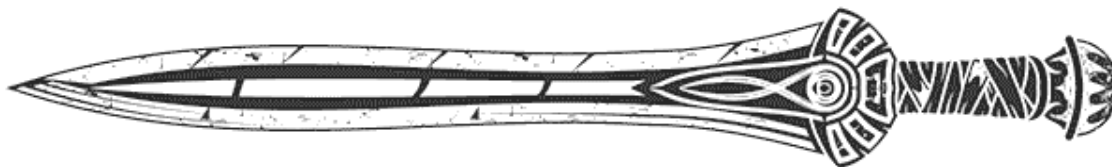
– Все готово, можем выдвигаться, – предложил он.

– Я сам решу, когда можно! – прикрикнул на него Йорден и пихнул в живот локтем. Не больно, если вовремя напрячь мышцы. – Знай свое место, дворняга!

В груди поднималась ярость, но Микаш подавил ее, вспомнив часто мучивший его сон и проговорив про себя: «Я не стану таким, как бы сильно ни была судьба. Буду защищать людей от демонов. Я живу только ради этого».

Йорден повернулся к друзьям:

– Выдвигаемся.

Путь на гору Выспу занимал не больше часа. Вчера Микаш добрался туда вдвое быстрее, но теперь приходилось тащить за собой обузу из трех человек, которые то и дело оскальзывались на сыпучих камнях и норовили сверзиться с узких выступов. Он умел ненадолго перехватывать контроль над чужим телом, но растрачивать силы впустую не хотелось – пригодятся в бою.

Крепкое весеннее солнце било в макушку и слепило глаза, но воздух еще не прогрелся после зимы. Под ногами журчали ручьи, делая скользким и без того опасный грунт. Дышалось сладко, будто пьешь изысканный нектар. Тело наполнялось легкостью, открывалось навстречу бескрайней синеве неба, словно падаешь в него и летишь к тонким полосам облаков. Хотелось кричать от восторга вместе с парящими рядом орлами.

Лихорадочный восторг! Он всегда накрывал его при единении с материнской стихией. Внутренний резерв силы заполнялся так, что кожа горела, точно весеннее солнце. Помыслы взметались ввысь, заставляя взирать на сырую землю с презрением.

– Тащиться в такую даль ради каких-то палесков? Вот гыргалицы с Доломитовых гор – это нечто. Жаль, вас тогда не было, – похвастался Йорден, нарушив сосредоточение Микаша.

Дети других стихий наслаждения небом и высотой не понимали. Йорден был оборотнем-шакалом, Дражен – мертвошептом, и им ближе земля. Фанник пускай и слабенький, но ясновидец – связан с водой. Впрочем, эта троица никогда не расходовала так много силы, чтобы ощущать близость к пределу – сосущую пустоту внутри и тяжесть во всем теле.

– Да что нам эти бабы с грудями до колен. Страшные? Да ни разу! – подначил задира Дражен. – Вот стрыги в Сечевой степи – это жуть. Особенно когда их полчища целые села выгрызают. Даже скотом не брезгуют. Горы обескровленных трупов – то еще зрелище. Жаль, ты не видел.

Йорден скривился.

– Те бабы были великанские, семь, нет, десять футов ростом! И руки как лопаты. Гыргалицы – твари редкие, а ваших стрыгов только слепой не видел.

Дорога ушла с обрыва и запетляла меж каменных круч и чахлах сосенок.

– Пусть дворняга рассудит. Он ведь был и там, и там, – Дражен ухмыльнулся, глядя на Микаша. – Так какие демоны самые страшные?

– Лунные Странники, – ответил тот, только чтобы от него отстали.

– У-у-у, – протянул Дражен. – Что-то личное?

– Кто хитрее, тот и страшнее.

Микаш отвернулся и, сам того не желая, встретился взглядом с Йорденом. Его окатило завистью. От чужих мыслей закрываться получалось легко, но гораздо сложнее не воспринимать отголоски сильных эмоций.

Чему Йорден мог завидовать? У Микаша даже такой малости, как друзья, нет. Ни похвастаться, ни посмеяться, ни поговорить по душам не с кем. Раньше хоть мать и сестра были, да не сберег их.

– Стрыги страшнее, Странники к ним ближе, – заключил Дражен и положил руку на плечо Йордену.

– Нет, гыргалицы. Гыргалицы! – огрызнулся тот, отталкивая друга.

– Да повзрослей ты уже! Научись проигрывать.

– Тише, – оборвал их перебранку Микаш.

Впереди устремлялась к небу серая скала, покрытая разводами лишайников. По наплывам каменной породы можно было подняться на вершину, как по ступеням. У подножья черным пятном выделялся пещерный лаз. Микаш еще вчера привязал к ближайшему валуну толстую веревку. Сейчас оставалось лишь проверить ее на прочность, а узел – на крепость.

– Демон внизу. Удостоверюсь, что все в порядке, а затем подам знак, чтобы вы следовали за мной, – Микаш повернулся к Йордену. Тот продолжал полушепотом спорить с Драженом. Ну и пусть: свой ум в чужую голову не вложить даже с помощью мыслечтения.

Сегодняшняя охота, как и многие другие, была потехой для господ ради трофеев и славы. А ведь Микаш, когда шел в услужение, мечтал защищать людей.

Он зажег факел и схватился за веревку. Спускаться пришлось в узкую галерею. Веяло сыростью. Внизу ледяная вода доходила до щиколоток, точила камень, пробивая себе новый путь. Ноги сводило даже сквозь толстые сапоги. От затхлого воздуха перехватывало дыхание. Факел чадил едва-едва, тускло освещая дорогу. Лишь бы не поскользнуться на мокрых камнях.

Впереди манила фиолетовыми всполохами демоническая аура. Всплеск эхом разнесся по пещере. Сотня шагов, и показался палеск – крупная водяная ящерица. Он тряс черным гребнем на хребте и разевал пасть, сверкая рядами острых зубов. Сеть расставленной на него ловушки обвивалась вокруг длинного туловища. Чем больше палеск рвался из нее, тем сильнее вгонял между чешуйками смазанные ядом шипы. Промокшие веревки скрипели, но все же удерживали демона.

Сейчас ослабнет, и можно будет добить. Но отчего же тогда по спине побежали мурашки?

Микаш вернулся и позвал остальных. Высокородные господа спускались медленно и неуклюже, при ходьбе шумели так, будто хотели перебудить всех подземных духов.

– Это все? – спросил Йорден при виде палеска и вытянул меч из ножен.

– Что, даже боя не будет? Фу, скучно, – поддакнул Дражен.

Палеск обвис на веревках. Йорден подошел вплотную к нему и замахнулся. Шмяк! У его ноги клацнули внушительные зубы, что Йорден едва успел отскочить.

– Ты давай, – махнул он Микашу. – Не дело это благородному Сумеречнику тварей свежевать.

Микаш достал собственный меч. Палеск скосил на него выпученный желтый глаз. Мол, зачем, я ведь ничего тебе не сделал. Это высокородные из тебя все соки пьют. Микаш встряхнул головой, отгоняя наваждение, и отвел руку для замаха.

Что-то шевельнулось внутри уходящего в темноту тоннеля. Сверкнул фиолетовый огонек, посылая по телу мелкую дрожь.

– Бегите! – закричал Микаш.

Йорден с Драженом оцепенели, только Фанник не растерялся и потянул обоих прочь. Микаш в несколько ударов отсек палеску голову, закинул ее в мешок, который забросил за спину. Тело демона еще билось в конвульсиях, а вдалеке уже сверкало с десятков желтых глаз.

Микаш припустил к веревке. Ноги скользили, но каким-то чудом он добежал до лаза. Наверху заметил Фанника – тот уже выбирался из пещеры.

Мешок с трофеем пришлось привязать покрепче и живо карабкаться следом. Шорохи и плеск нахлестывали в спину, заставляя сдирать ладони в кровь. Набухший от крови мешок

тянул вниз, словно не позволял унести трофей из подземелья. Последний рывок, и Микаш выкарабкался наружу, обливаясь потом. Остальные лежали у выхода и, раскрасневшись, глотали ртом воздух.

– Выбрались! – возликовал Фанник.

Йорден с Драженом с презрением покосились на него.

Солнечный свет придавал уверенности, но тревога не унималась. Микаш сбросил со спины мешок и заглянул в лаз. Нет, не туда надо было смотреть. Вдали, за скалой, мелькнула демоническая аура. Палески ползли наружу, будто прогрызая себе выход в камне.

– Бегите! Бегите живее! – крикнул Микаш.

В этот раз высокородные среагировали быстрее. Они петляли между валунами и кручами, продирались сквозь колючий кустарник. Микаш прикрывал отступление. По сыпучим камням на парашюте бежать нельзя: угодишь в пропасть. Один бы он рискнул, но не с высокородными. Нужно выиграть время – придется дать бой.

Он развернулся лицом ко врагу и обнажил меч.

Десяток тварей окружали их со всех сторон. С рогатиной на открытом пространстве было бы сподручнее, но среди валунов и круч короткий клинок – даже лучше. Микаш рванулся вперед, ударил ближайшего палеска по голове и отскочил к стоявшим углом камням – здесь не смогут напасть скопом.

Раненый палеск набросился первым. Несколько взмахов, и клинок попал в выпученный глаз. Демон задержался. Микаш отпихнул его сапогом. Следом полезли и остальные существа. Он ударил одного, второго.

Только бы высокородные ушли. Почему они не уходят?

Очередной палеск получил мечом по голове. Микаш запрыгнул на него сверху, скатился по хребту и увернулся от другого. Весьма кстати рядом оказался хвост третьего. Микаш со всей силы припечатал его каблуком и отбежал на несколько шагов.

Так вот в чем дело!

Из-за ближайшего валуна выглянул Дражен, размахивая мечом.

– Ну давайте, вот он я!

Зеленоватой дымкой его прикрывал маленький призрак – единственный, кого ему удалось вызвать, потому что могил поблизости не было.

Следом вышел Йорден, будто стремился доказать, что ничем не хуже. С помощниками тому повезло больше: на зов откликнулись мелкие птицы, кролики и козы. Зверье напало скопом, внося сумятицу в строй противника. Правда, палески без труда справлялись с ними: кого заглатывали целиком, а кого сбивали хвостом или лапами. Лучше бы Йорден обернулся шакалом и бежал.

Фанник же явно предвидел, что дело пахнет жареным, и забрался на кручу повыше. Удачное место, чтобы отстреливаться; к тому же ясновидение усиливало меткость и позволяло попадать между чешуйками.

– Бегите же! – прикрикнул Микаш.

Демоны наседали со всех сторон.

Он раскрутил клинок вокруг себя, не позволяя зубастым пастьям подобраться близко.

Несколько демонов устремились к Йордену и Дражену.

Не достать, не вырваться из тугого кольца!

Разогреваясь, Дражен сделал пробный замах и понесся на врага. Зеленый призрак вился вокруг демона, отвлекая.

Ближний палеск снова получил по голове. Микаш вонзил меч в оглушенную тварь по самый эфес. Кувырком ушел от другого демона, высвобождая оружие.

Дражен двигался недостаточно проворно; он тратил силы на суматошные замахи – лезвие соскакивало с чешуек демона, лишь слегка царапая и срывая их.

Не давая себе передышки, Микаш отрубил промелькнувший хвост, упал на землю и саданул лезвием по незащищенному брюху. Подскочил и попятился к валунам, косясь на Йордена. Зверей-союзников у него почти не осталось. От высокородного разило паникой, замахи сделались лихорадочными и глупыми. Здоровый палеск вцепился ему в штанину.

Надо бы расщепить сознание, сражаться самому и подхватить Йордена внушением, чтобы управлять его телом, как марионеткой. Сложная техника, особенно для самоучки, но иначе никак.

Йорден внезапно отклонился и сделал резкий выпад снизу. Челюсти палеска разошлись пополам. Хлестнул шипастый хвост, но шакаленок ловко ускользнул от него.

Микаш переключился на Дражена. С одним демоном тот, может, и справился бы, но сзади уже подступал второй. Зеленый призрак бессмысленно крутился рядом. Палеск отмахивался от него хвостом и пер напралом. Повинуясь чужой воле, Дражен крутанулся вокруг своей оси и отогнал подальше обоих демонов. Добить не удалось – пришлось снова спасти Йордена.

Микаш так и метался между ними, подталкивая в нужном направлении то одного, то другого. Жаль только, не хватало времени загнать их на кручу.

Опасность приближалась шелестящей поступью. Большая часть палесков полегла, но выжившие будто очнулись от спячки. Их атаки стали стремительней и сильнее.

На Микаша уже наваливалась усталость, дыхание сбилось.

Два палеска напали на Йордена и Дражена одновременно. Отчаявшись, Микаш в один удар перешиб хребет ближнего демона и сделал последнюю попытку.

Сознание разлетелось на осколки, как разбитое камнем зеркало.

Один – в Йордена. Тот в прыжке отсек палеску голову.

Второй – в Дражена. Тот кувырком поднырнул под горло твари и пронзил его насквозь.

Третий – в Фанника. Тот направил лук в ближайшего к Йордену демона и двумя выстрелами вышиб глаза.

Последний рывок! Кураж придал сил, отчего открылось второе дыхание. Мышцы гудели, когда клинок со свистом разорвал воздух, и голова последнего палеска повисла на лоскуте кожи.

Азарт отхлынул, оставив его в немом оцепенении. Микаш все слышал и видел, но ни говорить, ни шевелиться, ни даже думать не мог.

– Победили! – возликовал Дражен, потрясая клинком в воздухе. Зеленый призрак быстро развеялся за ненадобностью. – Славная битва!

– Да-а-а, не хуже, чем с гыргалицами. – Йорден подошел к другу. – У тебя кровь.

Дражен отер поцарапанную щеку.

– О, боевой шрам! Девчонки их обожают.

Фанник слез с кручи и присоединился к ним.

– Что, отсиделся в безопасности? А, трус несчастный? – смеясь, Дражен встряхнул его за плечо.

– Уж поумнее вас. Мне, знаете ли, жить хочется! – фыркнул Фанник.

– Дворняга, а ты что? – Йорден обернулся к Микашу.

Оцепенение резко отпустило его. Промолчав, дворняга укрылся за валуном. Из носа текла кровь, окрашивая подбородок и капая на грязную рубашку. Перед глазами все кружилось и трепыхалось, то отдаляясь, то приближаясь. Голову будто сдавило тисками, а зрение сузилось до тонкой полоски.

Его стошнило.

– Надорвался? – некстати воспылил участием Йорден, подкрадываясь со спины. – Свой предел даже необученные желторотики чувствуют!

– Я в порядке, – просипел Микаш.

– Тогда иди челюсти вырезай. Никто за тебя работу не сделает.

Правильно. За работой всегда становится легче.

Под мечом хрустели кости, рвалась плоть, черная кровь пачкала руки по самые локти, но Микаш держался – за взмахи верного клинка, за монотонное скольжение лезвия охотничьего ножа. Челюсти нехотя покидали головы палесков. Первая пара, вторая... последняя. Он сложил их в мешок, умылся из фляги и позвал остальных.

До подножья Высы он дотащился с трудом. Колени дрожали, стопы цеплялись за камни, зрение то угасало, то возвращалось мутным оконцем. Внизу паслись лошади. Длинноногие и ухоженные скакуны – для высокородных, косматая низкорослая кобыла – для Микаша. Он наскоро взобрался в седло и обмяк. Кобыла покорно затрусилась за остальными лошадьми.

Его ноги практически волочились по земле, а от неровного хода хорошо трясло. Боль вспыхивала то в бедре, то в плече, то прихватывала голову. Неужто он и вправду надорвался? А если не восполнится резерв, то не будет силы. Какая это мука – видеть Горний мир демонов, но быть не в силах бороться. Интересно, как быстро высокородные поймут, что Микаш теперь бесполезен, и вышвырнут его на улицу? Может быть, лучше уйти самому? Все равно обещания лорда Тедеску были пусты, и рыцарства Микашу не видать как собственных ушей.

Впереди окружил насыпь полузаброшенный замок-крепость. Светло-серый булыжник покрылся от времени темными пятнами, полусухой плющ вился ключьями, а венчавшие стены и башни зубцы местами обвалились. Будто чудовище щерит пасть в гнилозубой улыбке и изрыгает воду в глубокий ров.

Дубовые ворота отворились, и с натужным скрипом канатов начал опускаться въездной мост. Лошади нетерпеливо взрывали копытами землю. Также нетерпеливо переговаривались Йорден и его наперсники, бахвалясь подвигами и посмеиваясь над дворнягой, надорвавшимся на пустом месте. На самом деле, чем сильнее дар, чем ближе человек с ним сживается, чем свободнее использует, то тем зыбче становится запретная грань. Кажется, что нет ее и ты всемогущ – самоуверенно ступаешь на край и падаешь в бездну, чтобы переломать себе все кости.

Вскоре кони въехали в замок. Широкий внутренний двор пустовал. На кольях у ворот были насажены человеческие головы. Видно, снова казнили бесноватых фанатиков с юга – поборников веры в Пресветлого-милостивого, как они себя называли. Дурачье, конечно, куда им со своими молитвами тягаться с одаренными рыцарями.

С псарни доносился залиvistый лай. По правде сказать, зареченские степи славились вовсе не псами, а табунами резвых и сильных лошадей нарядной золотистой масти. Так их и называли – зареченское золото. Вот только лорд Тедеску предпочитал охотничьих собак, баловал и лелеял их, даже кормил на порядок лучше, чем слуг.

Троица высокородных спешили. Один Микаш остался в седле. Любое его движение отзывалось болью. Темные пятна слепили.

– Чего расселся? – прикрикнул Йорден. – Никто за тебя работать не будет.

Микаш спустился на землю и повел лошадей в конюшню. Ноги подвели его, отчего он едва не рухнул.

– Эй, парень, ты чего? – из длинной приземистой постройки выбежал конюший. – Смотрите, он же вот-вот преставится!

Засуетились-забегали слуги, лошадей позабирали; они хотели было отвести куда-то под руки и его, но Микаш отмахнулся.

– Я в порядке!

Слабость показывать нельзя – ни высокородным, ни даже простолюдинам. Первые за слабость готовы были сожрать, а вторые презирали. Жалость делала мужчину ничтожным. Подыхать лучше одному.

Микаш дополз до пустого денника, застеленного чистой соломой, распластался на ней и уснул.

Глава 3

Последнее задание

Пробуждение выдалось не из приятных: его окатили ледяной водой.

Микаш дернулся. Тело ломило, боль отдавалась пульсацией в голове.

Над ним возвышался Олык, пожилой камердинер. Он одевался всегда аккуратно, в рыже-зеленую ливрею, а волосы гладко зачесывал назад. Карие глаза в обрамлении глубоких морщин смотрели на него с усталой тревогой.

– Три дня не могли тебя добудиться. Думали, околел, – заговорил Олык, едва заметно шепелявя.

– Да что со мной станется. Как на собаке все заживет, – отозвался Микаш.

– Тогда собирайся живее, лорд зовет. Он в дурном настроении – ждать не будет.

Лорд Тедеску и в хорошем расположении духа терпением не отличался.

Микаш выпил несколько черпаков воды, чтобы промочить ссохшееся горло, и поспешил к хозяину. Он обнаружился в малом каминном зале на втором этаже. На дубовом столе лежали распечатанные письма. Рядом стоял Йорден и беседовал с отцом на повышенных тонах.

Микаш замер на пороге и прислушался.

– Маршал Комри пишет, что не может взять тебя командиром звена.

Лорд Тедеску вручил Йордену одно из писем. Тот пробежался глазами по бумаге, и его лицо покраснелось совсем не от каминного жара.

– То есть как «нет опыта»? А гыргалицы и эти... как их? Палески! Не стану я рядовым служить, как босяк! Почему маршал Комри не может никого ради меня подвинуть? Я же высокородный, а не абы кто! – Йорден скомкал письмо и швырнул в камин.

– Авалорский выскочка тот еще самодур, некоронованным королем себя возомнил. Забудь и наплюй. В его армии хоть и герои все как на подбор, а живут недолго. Не для тебя такая служба. – Лорд протянул серебряный медальон, в каких обычно хранились миниатюрные портреты. – Вот, это гораздо интереснее будет. Совет ордена посватал за тебя дочь белоземского лорда Веломри.

Йорден расвирепел еще пуще:

– Жениться? Ни за что!

Лорд Тедеску недовольно прищурился.

– Уж извини, это приказ. Не знаю, кого Совет решил таким образом приструнить, меня или белоземского гордеца, но отказаться нельзя.

– Ох, какая немочь бледная, – Йорден покривился, разглядывая изображение внутри медальона. – Небось даже ухватиться не за что.

– Хвататься за простолюдинок будешь, а это высокородная госпожа. Обидишь – ее отец тебя в порошок сотрет. Про крутой нрав белоземцев легенды слагают. Скажи спасибо, что она молоденькая совсем. Такие обычно кроткие и непритязательные, а с возрастом, глядишь, поправится и похорошеет.

– Но я не хочу! Дражен с Фанником старше меня, а о женитьбе и не помышляют.

– Они не наследники высокого рода. Если породнишься с белоземцами, и тебя не то что во главе звена поставят, целый отряд выхлопочут.

– Но...

– Не смей прекословить. Ступай собираться, завтра отправишься в Белоземье на помолвку.

Йорден закатил глаза и, шаркая ногами, направился к двери.

– Почему всего приходится добиваться столь несуразным способом? – вопрошал он в пустоту, пока не столкнулся с Микашем. – Чего пялишься, недоносок?

С этими словами Йорден удалился.

В зал забежала старая серая борзая. Колыхались ее обвислые от кормления щенят соски.

– Эх, Моржана-Моржана, что с нашим молодняком случилось? Совсем жить разучились: ни ума, ни силы. – Лорд Тедеску подозвал собаку и потрепал ее за ухом. Взял со стоявшей на столе тарелки мясную косточку и бросил любимице. Та поймала угощение в воздухе и принялась с аппетитом его обглаживать. – Чего в углу жмешься? Выходи на свет! – позвал он, выпрямляясь в полный рост. Собака распласталась у его ног.

Микаш встал перед ним. Склонный к полноте, как и его сын, с возрастом лорд Тедеску стал грузным. Лицо опухло, воспаленные белки глаз едва просматривались под мясистыми веками. В отсветах пламени блестела лысина, закручивались кончики пышных развесистых усов.

– Что за вид? – Он оглядел Микаша с ног до головы, подмечая грязную одежду, слипшиеся в сосульки волосы и помятое со сна лицо с залегшими над широкими скулами тенями. – Можно вытащить дворнягу с помойки, но помойку из дворняги не вытащишь, а, Моржана? – Лорд снова склонился к собаке, которая заискивающе заглянула ему в глаза.

– Я хочу уйти, – объявил Микаш. – Меня обещали за хорошую службу посвятить в орден, но я хожу в оруженосцах уже шестой год и прекрасно понимаю, что рыцарем никогда не стану. Я ничего не требую и никого не упрекаю. Отпустите меня с миром.

– Ах ты неблагодарный щенок!

Собака подорвалась с места и гавкнула.

Мясистая ладонь лорда со свистом врезалась в щеку Микаша, отчего из глаз аж искры посыпались. Голова загудела еще сильнее, из разбитой губы потекла кровь, но он стоял, ни одним движением не выдавая своей слабости.

Моржана продолжала рычать, когда лорд Тедеску разразился гневной тирадой:

– И это после того, как я нашел тебя полудохлого посреди пепелища, выходил и выкормил? Я выучил тебя, как собственного сына!

Микаш хотел было возразить, что все это случилось только потому, что его сын оказался к учебе неспособным, но прикусил язык.

– А сколько раз я тебя с того берега вытаскивал? Сколько раз латал, когда твои кишки наружу вываливались?

Лет в двенадцать Микаша, может быть, и впечатляли столь патетичные речи, но сейчас ему становилось противно от собственной глупости.

– Я заплатил за ваши милости сполна. Проходил за вашего сына и других высокородных господ испытания, пока их родители отваливали вам золотишко за это. Прикрывал их грудью, когда они искали славы в бесполезных схватках. Моими стараниями, моим потом и кровью вы заполнили весь этот зал трофеями. – Микаш обвел рукой выставленные повсюду чучела, рога, зубы и когти, шкуры на стенах и полу, огромные круглые панцири.

Лорд Тедеску сложил руки на груди.

– Потерпи чуток и получишь свое рыцарство. Будешь у моего сына помощником в отряде. Думаешь, где-то местечко потеплее найдется?

– Не нужно мне теплое местечко. Я хочу защищать людей от демонов и искупить вину, а не тратить время на ваши утехы.

– Бешеных псов убивают, мой мальчик, как только они пытаются откусить руку, что их кормит. – Старый шакал сменил тактику; он говорил тихо и нарочито ласково, что совершенно не вязалось со смыслом его слов.

Впрочем, даже это уже не пугало. Пора детства ушла безвозвратно.

– Вы перепутали волка с собакой. Убивайте, коли хотите. Терять мне нечего.

Молчание затянулось.

Микаш отвернулся и зашагал к выходу. Ударят в спину, значит, так тому и быть.

– Стой! – крикнул лорд Тедеску. – Последнее поручение исполни и можешь проваливать.

Микаш замер у двери, с трудом сдерживая торжествующую ухмылку.

– Слышал, мой пострел едет в Белоземье на помолвку? Сопроводишь его туда. Война, беженцы повсюду – на дорогах неспокойно. А заодно приглядишь, чтобы Йорден не ослабил меня на весь орден. Знаешь ведь, он порой делает, а потом уже думает.

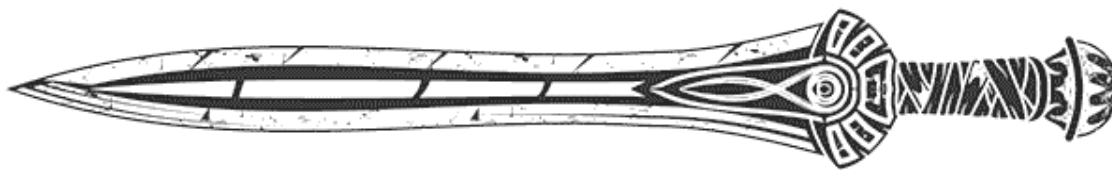
Микаш сказал бы иначе, но промолчал.

– Я подумаю.

– Думай, а завтра утром в дорогу. – И лорд Тедеску направился прочь. Собака затрусила следом, цокая по каменному полу когтями.

Микаш подскочил к камину и кочергой вытащил письмо. Огонь его не тронул – лишь края немного почернели. Он стряхнул пепел и спрятал письмо за пазуху.

Умывшись и переодевшись, он сбегал на кухню. Ему даже удалось потихоньку умыкнуть двойную порцию овсянки. Он запихивал ее в себя руками, облизывая перемазанные в каше пальцы. Невкусно и не хочется, но надо. Еда – это жизнь. Любой, кто когда-нибудь испытывал голод, хорошо это знал.

В личной каморке во флигеле царил полумрак. Микаш запалил оставленную на тумбе свечу. Старая кушетка скрипела, шелестела солома в постеленном сверху тюфяке, когда Микаш развалился на нем и принялся за письмо, написанное разборчивым твердым почерком.

Надо же, а маршал просек, что все достижения Йордена – пустышка. Так тонко и вежливо намекнуть, что служба в армии не для сопляков. То-то Йорден расвирепел. И ведь не придерешься, все по строжайшему этикету. Хочешь служить – начинай с низов. А Микаш бы согласился. Даже не рядовым, – оруженосцем, кем угодно, но в настоящей битве.

Может быть, взять письмо и отправиться в Эскендерию прямо к маршалу? Выдать себя за Йордена, поступить на самую низкую должность. Нет, там бы проверили записи в родовых книгах. Высокий, плечистый и сухощавый, с крупными чертами лица и глубоко посаженными серыми глазами, Микаш никак не походил на шарообразных членов рода Тедеску. Да и дар у него был другой. Обман тут же раскроют. Еще и казнят, а голову на кол посадят, выставив на всеобщее обозрение, как тех фанатиков во дворе.

А если сказать правду? Мол, безродный, мать простолюдинка, отца знать не знает, и дар имеется. Сдохнуть как служить хочет! Да не где-то, а на передовой. Возьмите! Любое испытание хоть на самом краю света пройдет, сокрушит любого демона, целое полчище. Только возьмите!

Микаш потянулся к оставленной на тумбе книге. Страницы были переложены разноцветными лоскутами. Поначалу лорд Тедеску собирался научить его лишь фехтованию. Микаш схватывал науку на лету, готов был заниматься денно и ночью и вскоре быстро перерос всех наставников. В конце концов, лорд Тедеску согласился обучить Микаша еще и грамоте. Наставники никогда на него не жаловались, в сравнении с нерадивым Йорденом, да и сам Микаш старался не доставлять хлопот, ведь любая провинность могла стоить добытых с таким трудом привилегий.

Позже его допустили в замковую библиотеку. Книги там хранились красоты ради, а хозяева заглядывали разве что в родовые и геральдические списки. Но Микаша интересовало совершенно другое. За прошедшие шесть лет он перечитал все и жалел, что лорд Тедеску не выписывает новые книги.

Кодекс ордена он изучил вдоль и поперек, спросонок мог процитировать любой отрывок. В витиеватых древних строках он хотел отыскать лазейку, которая бы позволила ему стать рыцарем. Но ее не было. Точнее, там даже не говорилось о том, что Сумеречник должен обладать знатным происхождением, – достаточно было лишь иметь родовой дар и желание защищать людей от демонов.

Вот только сейчас до Кодекса никому не было дела. Йорден его и вовсе ни разу не читал, а его отец вряд ли помнил хоть одну строчку.

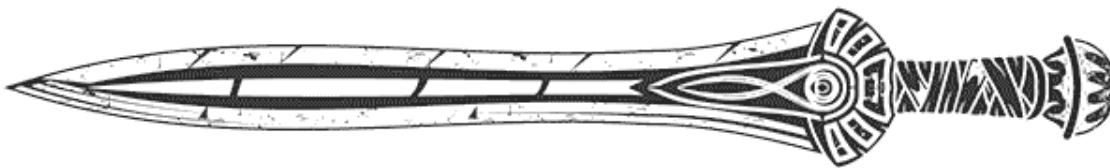
Микаш взгляделся в подпись на письме. Резкая, строгая, без вычурной витиеватости, легко читаемая. Маршал Гэвин Комри. Некоронованный король. Он представлялся Микашу таким же грузным, как лорд Тедеску. Хитрым и коварным. Если и пообещает взять, то обманет. Нет, наступать дважды на одни грабли – непростительная глупость.

К тому же резерв еще не восстановился и, вполне вероятно, не восстановится никогда.

Нужно искать другой путь.

– Что ж, белоземская принцесса, я еду к тебе.

Он отложил книгу с письмом и затушил свечу.

Месяц пути пролетел незаметно.

На воле дышалось свободней, синее небо над головой придавало сил.

Весна севернее Заречья оказалась куда более влажной. Под копытами чавкала и расплзлась почва, деревья подернулись девственно-зеленой листвой, свежа была молодая трава. Яркое солнце еще не пригревало. Воздух звенел от птичьих трелей. На грани зрения мелькало пробудившееся в лесах зверье.

Хмельно и раздольно.

И только вечные жалобы Йордена мешали. То холодно, то жарко, то под низкими ветками пригибаться приходится, то болотом воняет и конь на кочках спотыкается, то спать по ночам невмоготу из-за волчьего воя на опушке. А виноват, конечно, Микаш. Хотя дорогу и не он выбирал, просто ехал в сопровождении.

Резерв постепенно восстанавливался: вернулись легкость в движениях и острота зрения, тело наполнилось живительными соками. Былые тревоги казались несуразными – излечился ведь! В одной книжке писалось про рискованный способ увеличить мощь дара: всегда работать на пределе возможностей, доходить до опасной грани, раздвигать горизонты. Может, попробовать снова? Стать истинно великим?

Микаш усмехнулся своему тщеславию. Если бы эти способности были кому-то нужны! А так... уйдет он после этой поездки, оставит коня и меч. Хотя без них уже как без рук и без ног – считай, калека. Что он умеет, кроме как демонов по долам и весям гонять? Да и всю жизнь за него решали другие: мать, потом лорд Тедеску. Микаш бы прибил к селу победнее, вспомнил ремесло пахаря, да только люди его дар не хуже демонов чуяли и сторонились.

Восемь лет назад Микаш узнал, что нет ему места среди людей.

Стоял такой же весенний день.

1518 г. от заселения Мунгарда.

Село Остенки, Заречье, Веломовия

Пахло грозой.

Он шел с поля, где корчевал пни вместе с мужиками. Свой участок Микаш очистил давно, но соседский мальчишка сильно повредил спину, и его отец, Грацек, попросил подсобить, чтобы управиться засветло. Такое от него исходило отчаяние, что Микаш не смог отказать. Теперь возвращался в ночи, потный и чумазый, как маленький демон-трубочист.

Поясница ныла, ноги не сгибались, в голове шумело от усталости, а ведь он хотел еще ночью табун пасти. Коневоды всегда хорошо платили: сеном, овсом, даже овечьей шерстью. Мать ткала из нее пряжу и продавала, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Заругает!

На лицо упала крупная капля.

У самого края села показалась маленькая покосившаяся мазанка с худой соломенной крышей. На крыльце стояло корыто с дождевой водой. Микаш умылся и виновато заглянул в дом. Внутри в ожидании грозы повсюду стояли горшки и миски.

– Где тебя демоны носили?

Мать помешивала кипевший в котле на печи суп. Она была крупной и костистой, как Микаш, а ее густые и темные волосы, подернутые сединой, были заплетены в толстенную косу.

Глаза были зелеными, как глубокие омуты, – не заметишь, как утонешь. В селе говорили, что в молодости она слыла первой красавицей, статной и яркой. Вот только тяжкий труд и невзгоды состарили ее раньше времени. Но она никогда не жаловалась и злой не была вовсе. Просто, когда сын задерживался, ей казалось, что он не вернется. Как бы Микаш ни уверял ее, что никуда бежать не собирается, ее страх изжить не удавалось.

Он вошел в дом и остановился возле матери.

– Грацек попросил помочь.

– Ага, а Грацек-то когда нам помогал? Хоть кто-нибудь из них помогал, а, дубина ты стоеросовая?

Микаш понурился. Все их чурались: то ли из-за сестры, то ли из-за его затаенной странности.

– У тебя и тут дел невпроворот. – Мать плеснула суп в миску и вручила Микашу. – Не оправдывайся мне тут! Иди вон сестрицу покорми.

Агнежка сидела на лавке за столом у окна и раскачивалась взад-вперед. Толстые темные косы растрепались, волосы взмокли от пота и курчавились на лбу. Зеленые, слегка раскосые глаза смотрели в никуда. Пухлые губы шевелились в едва слышном бормотании. Всклипы то и дело вторили ветру на улице. Перед ненастьем ей всегда становилось хуже.

Она была красивейшей из всех, кого он видел. Простое открытое лицо, огромные глаза, доверчивые и искренние, добрая улыбка. Агнежка никогда не злословила. Была чище и лучше всех. Хотя остальные считали ее страшилищем. Даже мать.

Кап-кап-кап – заколотило в крышу.

Кап-кап-кап – в подставленные миски.

Громыкнуло. Отсветы молний пробивались сквозь тусклое окно.

Агнежка затряслась, отчего лавка стала подпрыгивать.

Микаш поставил на стол миску и присел рядом. Положил ладони на голову сестры, посылая волны тягучей безмятежности. Сколько себя помнил, он умел это – чувствовать чужие эмоции, подслушивать мысли, успокаивать драчунов или заставлять людей отвести глаза. Это было столь же естественно, как дышать. Иногда, неосторожным взглядом или жестом, он выдавал, что знает чужие мысли, чего люди пугались. Ему бы хотелось стереть это из их памяти, как мать стиравала пятна с его рубашек.

Агнежка медленно расслабилась, задышала глубоко. Взгляд ее сделался более осмысленным.

– Мика, – измученно произнесла она с улыбкой. – Мой Мика прийти.

– Пришел! А сейчас будем есть. – Он зачерпнул полную ложку супа и, немного остудив, поднес ко рту сестры. Но Агнежка замотала головой. – Давай, Одуванчик, ложку за меня, чтобы я был сильным, много работал, и мы пережили зиму.

Она сдалась и открыла рот.

– Ложку за маму, чтобы она не хворала и заботилась о нас. Ложку за тебя, Одуванчик, чтобы ты поправилась, и к тебе посватался самый богатый парень на селе!

– Мика! – хихикнула она.

Он рассмеялся вместе с ней.

– Микаш! Хватит нести вздор! – оборвала их мать. – Поторапливайся. У тебя еще куча работы. Никто ее за тебя не сделает.

– Успею, разве я когда-нибудь не успевал? – отмахнулся он и повернулся к сестре. – Ам, чтобы лихо белоглазое наш дом всегда стороной обходило.

Микаш еще долго корил себя за эти слова, ведь в дверь тут же постучали. Он знал, что это была не ветка. Сердце ухнуло в пятки.

Стук повторился.

– За печь, живо! – велела мать, вытирая руки о передник.

Микаш нехотя оставил Агнежку и спрятался.

Мать открыла дверь, впуская на порог бурю. Гремел гром, завывал ветер, капала вода с потолка. Среди всех этих звуков отчетливо слышалось, как стучала клюка о земляной пол.

– Зачем пожаловали, госпожа? – мать говорила ласково и мягко, будто обращалась к высокородному.

– Искала приют в бурю. Нельзя? – проворчал старческий голос.

– Да ну что вы! Мы так бедны. Боюсь, наше гостеприимство покажется вам очень скудным.

– Я неприхотлива.

Снова раздался стук клюки и ковыляющие шаги.

Любопытство пересилило, и Микаш выглянул из укрытия. На лавку рядом с Агнежкой опустилась древняя старуха в сером балахоне, полноватая и сгорбленная. Мать налила еще одну тарелку супа и поставила перед ней вместе с последними ломтями хлеба.

– Вы уж простите, у нас больше ничего нет.

– Ай, врешь! – укорила ее старуха.

– Мика-мика-мика, – забормотала сестра и снова принялась раскачиваться.

– Хворая она у тебя? – Старуха взяла Агнежку за подбородок и повернула ее голову к себе. – Не любишь ее, да? Обуза? Так и она тебя не пожалеет, когда время придет.

Старуха разразилась лающим хохотом.

Микаш стиснул кулаки. Да как она посмела!

Будто услышав его мысли, старуха обернулась. Когда он увидел ее белые глаза, ему пришлось напомнить себе, как дышать.

Вельва-горевестница!

– А ну-ка, иди сюда! – позвала его старуха. – Иди, не бойся. Хуже будет, если не выйдешь. Так про горевестниц и говорили: послушаешься их – вовек бед не оберешься.

Микаш показался на свет.

Старуха обратилась к матери:

– Тоже твой мальчонка? От кого прижила, глупая?

– От мужа, – на пределе терпения ответила мать.

– Угу, от твоего пьяницы-мужа только такие убогие, как она, – старуха кивнула на заходившуюся в припадке Агнежку, – могли родиться. А мальчик-то совсем не в вашу породу, смекаешь?

– Мой он, мой! Я его выносила и вырастила! Моя кровь! Никому не отдам.

– Нет, не твой. Не можешь ты его как ломовую скотину использовать. У него великая судьба. Это она привела меня на ваш порог.

– Хоть великая, хоть малая – не отдам!

Микаш взял за руку разволновавшуюся до красноты мать.

– Я никуда отсюда не уйду. Уходите вы! – сказал он, без страха глядя в белые глаза горевестницы.

– Ишь какой своевольный! Как зов предназначения услышишь, так сам побежишь. А не услышать не сможешь: это твоя суть. Слышишь и ты, глупая? – Горевестница повернулась к матери, и ее голос сделался зловеще-таинственным, похожим на шум бури за окном. – Он отмечен грозным духом возмездия и должен учиться у короля Сумеречников. Его поведет Искатель, отмеченный мятежным духом перемен – Северной звездой. Но как только звезда погаснет, Мрак сойдет гнездо в его душе. Станет твой сын проклятием для людского рода, Разрушителем – демоном лютым, самым страшным из всех. Загорится степь под его ногами, прольются небеса людской кровью, проложит он путь по мертвой плоти к Небесному Престолу и возведет на него дух несправедный.

Агнежка верещала долго и пронзительно, точно птица. Мать кусала губы. Исходившая от нее завеса страха загустела до вязкой болотной жижи. Мысли скакали тревожной чехардой.

– Забирайте, – тихо произнесла она и понурила голову, пряча от сына глаза.

– Мама! – Микаш вздрогнул. – Нет, нет, я не стану таким. Клянусь, я буду хорошим. Буду слушаться во всем и всегда, буду работать больше, я...

– Не сопротивляйся, мальчик, ты ведь и сам знаешь про демона внутри. Даже сейчас его чувствуешь, – усмехнулась горевестница.

Микаш всю свою жизнь чувствовал его. Иногда он скребся о ребра когтями, и тогда хотелось схватить топор и разнести все кругом. Только бы односельчане поняли, что сестрица не плохая, а другая. Что мама не засохший цветок, а сильная, достойная уважения женщина. Что он вовсе не злой и никогда не хотел им быть...

– Уходи, – сказала мать со смертельным спокойствием. – Ты мне больше не сын.

Горевестница протянула костлявую ладонь.

«Забудьте! Забудьте об этом!» – взмолился Микаш так отчаянно, что голову схватил спазм, а из носа ручьем хлынула кровь.

Они забыли.

Агнежка замерла, прижав подбородок к груди. Горевестница прикрыла глаза. Мать перестала бояться и добродушно улыбнулась.

– Убирайтесь! – велел Микаш белоглазой старухе, вытирая рукавом кровь. – И никогда не возвращайтесь!

Вельва поковыляла к двери и, не оглядываясь, вышла в бурю.

Мать мотнула головой, прогоняя дурман.

– Ты закончил? – Она собрала миски, сполоснула их в ведре и налила еще супа. – Теперь ешь сам.

От миски поднимался пар, а посреди варева плавал небольшой кусок баранины – маленькое чудо для их бедного семейства.

– Мама! – удивленно воскликнул Микаш.

– Жуй! И не смей с сестрицей делиться. Это только для тебя, – строго наказала она, а потом не выдержала и ласково потрепала его по волосам.

Агнежка очнулась и придвинулась ближе, опустив голову ему на плечо. Ему так хорошо стало, так тепло от их любви, что страх мигом забылся.

Они не вспомнят.

Никогда.

1526 г. от заселения Мунгарда.

Белоземье, Веломовия

Микаша душили сожаления. Если бы он ушел с горевестницей, может быть, спас семью. А так остался один... ни Сумеречник, ни простолудин. Что-то среднее, без судьбы и смысла.

До белоземского замка оставалось несколько дней пути, когда свадебный кортеж встретил людей лорда Веломри. Их выслали для сопровождения гостей по дремучим лесам. Пышная днёвка случилась неподалеку от узкой, но быстротечной реки. Зареченцы и белоземцы ели, пили, братались, шутили и горланили застольные песни. Микаш так умаялся за всем следить, что пропустил, когда Йорден ухватил служанку из свиты лорда Веломри и, пьяно улыбаясь, потащил в палатку.

Микаш нагнал их у самого входа и перегородил путь.

– Не стоит. Вас невеста ждет.

– Тебе-то какое дело? Не твоя же, – огрызнулся Йорден.

– Ваш отец велел приглядеть, чтобы вы не ославились тут, – Микаш уже вдоволь понаблюдал за белоземцами. От зареченцев они отличались как день от ночи. Тихие и спокойные

внешне, с плавной речью, они не выказывали лишних эмоций, а внутри горели, словно печи, вспыхивая то гневом, то страхом, то раздражением. Прав был лорд Тедеску: унижения они не простят и помнить будут долго.

– Отца здесь нет. И ты поди прочь. Найди себе девку, а то так и проходишь всю жизнь девственником. Слышишь, дорогая? – обратился Йорден к служанке. – Он ни разу с женщиной не был!

Да, не был. Не хотел. Вовсе их не замечал. Тренировки, книги, охота на демонов – больше ему ничего и не надо. А с девицами была одна морока.

Йорден швырнул в Микаша медальон с портретом невесты.

– Полюбуйся на бледную мышь, раз никого лучше сыскать не можешь.

– Как знаете, – прошептал Микаш, сжимая медальон в ладонях.

Внутри заскребся демон, болью запульсировала жилка на виске. Он словно наяву слышал леденящий душу скрежет. Это помогало во время битв, когда силы были на исходе, – пробуждало кровавую ярость, превращало в неистовый стальной вихрь. Именно за эту несокрушимость и приглянулся Микаш лорду Тедеску. Но иногда, как сейчас, ярость становилась столь нестерпимой, что хотелось выпустить демона на волю и всех уничтожить. Тех, кто издевался, смеялся и плевал в его сторону. Пока его самого не заколют, как демона. Совсем как в том сне.

Нет, он не станет чудовищем! Ради памяти матери и Агнежки.

Микаш отошел к реке, подальше от костров и пьяных речей. Журчание воды успокаивало, а мошкара еще не проснулась, чтобы докучать злобными укусами. Он укутался в плащ плотнее и открыл медальон. Ему было любопытно, чем Йордену так не понравилась невеста. Заячья губа у нее, что ли, или глаза косые?

От портрета веяло колдовским дурманом. В золотистой дымке заходящего солнца работа неизвестного художника выглядела настолько изумительно, что он в одночасье забыл все горести. Даже демон внутри унялся, наслаждаясь созерцанием чуда.

Микаш умел различать красоту потаенную, которую столь редко замечали другие, и красоту внешнюю, на которую были падки его одногодки. В портрете соединились обе. На его сестру белоземская принцесса походила разве что печальным взглядом дивных прозрачно-голубых глаз. Живых, будто в самую душу смотрящих. Лицо ее было нежное, точеное, полное трогательной хрупкости, – она словно сияла изнутри. Каждую черточку можно изучать часами и восхищаться совершенством.

Интересно, а какая она в жизни?

Глава 4 Украденный танец

1526 г. от заселения Мунгарда.

Веломовия, Белоземье

незапамятные времена Ильзар был построен Лиздейком Дальновидным, предком рода Веломри. Он был одним из первых Сумеречников и всю свою жизнь воевал с демонами, снискав великую славу.

Во время одного из походов он заночевал под холмом, на вершине которого рос могучий дуб. Неожиданно началась гроза, и в дерево ударила молния, расколов его пополам. Лиздейк счел это знамением и поставил на холме дозорную башню, которую его потомки постепенно перестроили в грандиозный белый замок. Так гласило предание, а как было на самом деле, никто не знал.

С каждым поколением род Веломри становился все влиятельнее и богаче, продолжая следовать заветам Лиздейка и бороться с демонами вместе с другими Сумеречниками. Ныне главой рода являлся лорд Артас Веломри, отец Лайсве. Ей приходилось очень стараться, чтобы

не посрамить его честь, – особенно во время помолвки, после которой она навсегда покинет Ильзар и примкнет к роду жениха. Хотя ей не хотелось никуда уезжать вовсе!

Замок гудел, готовясь к приему гостей. Рачительный кастелян Матейас, строгий, иссушенный временем и хлопотами, не давал слугам и выписанным из города мастеровым ни минуты покоя. Из буфетов доставался лучший фарфор, чистилось столовое серебро и натирались мелом тарелки. В распахнутые настежь окна врвался ветер, прогоняя затхлость. Выгребалась пыль и грязь из всех углов. До блеска драились полы. Подновлялась штукатурка, лепнина и мозаика на фронтонах. Садовники убрали парк перед замком и высаживали в вазоны, стоявшие вдоль парадного входа, цветы из оранжереи. Дерзкие алые гвоздики, скромные желтые хризантемы, девственно-белые лилии и пышные кремовые розы – они символизировали любовь, чистоту и супружескую верность. Лучшие повара со всего Белоземья готовили изысканные яства. Все, только чтобы впечатлить дорогого гостя.

Лайсве не смыкала глаз вот уже несколько ночей; она осунулась, побледнела. Скоро начнет греметь костями по перилам, как родовое привидение, про которое любит рассказывать нянюшка.

Но сперва до отъезда нужно закончить подарок отцу.

Черная ткань отыскалась в одном из старых сундуков на чердаке. Лайсве вырезала нетронутые молью лоскуты и принялась за работу. Узор из сна никак не получался: пальцы не слушались и шили криво. Ей пришлось выбросить с дюжину лоскутов, прежде чем стало выходить нечто похожее. Она была в самом начале пути, когда, гроыхая по брусчатой дороге, к замку подъехало с десятков украшенных белыми лентами и полевыми первоцветами экипажей – пожаловал жених со свитой. Как раз вовремя, и все же слишком рано.

Три часа тяжелые волосы Лайсве укладывали в высокую прическу со спускающимися с висков прядями. Голова болела от возложенного на нее веса. Сама Лайсве предпочитала косы – они не тянули кожу, не давили, не мешали. Но сегодня ее никто не спрашивал: долго напомаживали и румянили, пытаясь придать бледному лицу хоть какой-то цвет.

Оставшись одна, Лайсве вынула из сундука с приданным мамино свадебное платье – простое, из беленого льна, из тех, что переходят в роду по наследству, чтобы по дороге в дом мужа невесту защищали духи предков. Пришлось немного ушить его в груди и бедрах, чтобы оно село на ее щуплую фигурку. Лайсве выглядела в нем трогательной, хрупкой и даже немного женственной.

– Ты не пойдешь встречать жениха в этом тряпье. Нас засмеют. – Отец, заглянув в гардеробную, нахмурил кустистые брови. – Бежка сейчас принесет новое. Портной только прислал. В нем ты будешь блистать.

– Не хочу блистать. Я хочу, чтобы меня сопровождали духи предков! – Лайсве топнула ногой, стремясь показать решимость.

– Не капризничай. Постарайся быть на высоте, и ничья помощь тебе не понадобится, – он обнял Лайсве за плечи. Колкие усы защекотали ее лоб.

Отец отстранился, пропуская вперед смуглую камеристку с новым платьем в руках. Бежка ездил встречать гостей с кортежем. Лайсве надеялась, что ей подыщут другую служанку, но эта оказалась слишком шустрой и ушлой.

И как только везде успевала?

Отец ушел, а так хотелось задержать его подольше. Лайсве ведь скоро уедет и будет очень-очень скучать по нему.

– Давайте, госпожа, поднимем ручки, – снисходительно попросила Бежка, помогая одеться. И улыбнулась так... словно это она была дочерью лорда. Все прекрасно знали, куда она метила: соблазнила Вейаса и решила, что стала хозяйкой. Но нет, вышлют ее из замка и вспоминать не будут. – Ай, хорошо! – восхитилась она.

Кому как. Даже столь легкое нижнее платье из тафты нежного кремового цвета с широкой юбкой-колоколом словно прибывало к полу. Поверх него – распашное из золотой парчи, расшитое розами и украшенное лентами и кружевом по подолу, вдоль выреза и на рукавах. Лайсве едва ли не сгибалась под его тяжестью и казалась раза в два больше, чем была на самом деле. Зачем отец сделал из нее цветочек в золотой петлице? Будь ее воля, она бы все-все устроила иначе – романтично и нежно, только для себя и жениха, а не для разряженных в пух и прах гостей.

– Будет у нас красавица жениху на загляденье, – приговаривала Бежка, разглаживая складки на юбке.

Грубый толчок в спину выбил из груди Лайсве весь воздух. Корсет затянулся так туго, что не получалось даже вздохнуть.

– О боги, ну зачем? – взмолилась она, чуть не упав в обморок. – Почему такой глубокий вырез? Неприлично же! – и попыталась подтянуть лиф повыше, но ничего не вышло.

– Все прилично, что не безобразно, – Бежка хитро прищурила темные, как у ведьмы, глаза.

Ух, дерзкая! Но ругаться Лайсве не хотелось. Не перед помолвкой.

– В Кайнавасе все модницы так ходят. Поверьте, лорд Веломри не купил бы ничего неприличного.

– Модницы в Кайнавасе, видимо, не едят, – с трудом пробормотала Лайсве. – И не дышат. Бежка смилостивилась и ослабила шнуровку.

– Красота требует жертв. Чем сильнее вы понравитесь жениху, тем легче будет с ним сойтись.

Служанка набрала пригоршню лоскутов и набила ими лиф, чтобы придать скромным формам Лайсве более пышный вид. Как глупо! Жена должна нравиться мужу просто потому, что она тебе суждена – самый близкий и дорогой человек, вторая половина, без которой ни один мужчина счастлив не будет.

– Теперь точно понравитесь. – Бежка склонила голову набок, разглядывая результаты своей работы.

– Госпожа, гости ждут! – донесся из коридора голос лакея.

Решительно вздернув голову, Лайсве направилась к двери.

– Погодите! Ожерелье забыли. – Бежка всплеснула руками и бросилась к туалетному столику, на котором лежал футляр с тремя нитками крупного жемчуга. Должно быть, отцу пришлось выложить за него круглую сумму. – Главное, улыбайтесь. – Она надела ожерелье на шею Лайсве, сверкнула улыбкой, показывая пример, и открыла дверь.

Да как тут улыбаться, когда думаешь лишь о том, как бы не наступить на подол и не упасть? Ничего, ради отца, ради Вейаса, ради чести рода можно денек потерпеть. Выше голову, плечи расправить и представить, что она – королева!

В коридоре ее встретил отец.

– Мне нужно в святилище, – упрямо заявила Лайсве. – Хочу попросить удачи и поддержки.

– Зачем? Оно для того не предназначено. – Отец снова нахмурился. В уголках его ясных голубых глаз уже прорезались первые морщины. Лайсве хотелось разгладить их пальцами, как складки на ее платье.

– У нас другого нет, – настояла она.

– Ладно, только быстро.

Нянюшка рассказывала, что существуют мужские божества и женские. Те, что оберегают дом от несчастий, и те, что помогают в замужестве и защищают детей от лиха. Только в домашнем святилище Ильзара им не молились.

Лайсве едва поспевала за широким шагом отца. Оказавшись в темной галерее, он поднял край голубого знамени и нащупал рычаг. Часть стены отъехала в сторону и открыла узкий проход. Запалив факел, они спустились по винтовой лестнице в подземелье, где располагалось сердце замка – источник родовой силы, благодаря которой внутри этих стен Веломри были неуязвимы. Посторонние сюда не допускались.

Сразу после рождения отец принес Лайсве с братом в святилище, возложил на алтарь и пустил кровь, дав камню напитаться ею и признать новых членов рода. Спустя восемь лет близнецы снова явились сюда – для первого посвящения. Отец намазал им виски миртовым маслом, поставил на колени и запер на всю ночь, велел читать вслух выбитые на стенах, полу и потолке надписи. Вейаса сморило к полуночи, а Лайсве продолжала проговаривать имена предков, истории об их подвигах и воззвания к Первостихиям. Только молитв нигде не было, ни имени, ни даже изображения божества, чьим домом служило это святилище.

Откровение пришло ей с рассветом. Заскрипели шестеренки древнего механизма, что-то затрещало в вышине, и на потолке открылся люк, позволяя увидеть небо. Тусклый зеленоватый налет сумерек растворялся в огненных всполохах восходящего солнца. Небо светлело, отдалялось, становилось пронзительно-синим.

На крыше застрекотала вертушка. Угодивший в ловушку ветер гремел, спускаясь по трубе, и вырвался белесым туманом из отверстий у алтаря. Вот он, покровитель Веломри, незримый и безмянный – Ветер. Тот, что дует с запада и приносит семена бурь и ураганов. Имя ему – свободный полет, и нет для него молитвы иной, чем растворение в воздушных потоках, вознесение над суетой и созерцание гармонии жизни, что струится по жилам мироздания.

Когда отец вернулся на следующее утро, Лайсве рассказала о своем откровении. Он рассмеялся, решив, что она снова выдумывает небылицы. Поделиться мыслями и чувствами она могла лишь с Ветром, когда тайком пробиралась на самую высокую башню в замке, залезала на ветхую крышу и наслаждалась пьянящим ощущением свободы. У нее словно вырастали крылья, и она неслась по небесным просторам, то камнем падая к земле, то поднимаясь выше облаков. Самые чудесные моменты в ее жизни.

Однажды, когда отец собрался в очередной поход против демонов, Лайсве заметила, что он направляется к святилищу, и упростила взять с собой. Отец согласился, только когда она пообещала, что пробудет там до рассвета молча и не двигаясь, чтобы не мешать. Открыв люк в потолке и запалив на алтаре свечу, отец опустил на колени, чуть подался вперед, склонил голову на грудь и поднял правую руку, сложив три пальца вместе. Устав наблюдать, Лайсве в точности повторила его позу и закрыла глаза.

Мысли копошились, точно мыши в соломе: толкались, перебивали, мешали услышать и понять что-то важное. Ей хотелось выкинуть их, как ненужный хлам, но они продолжали лезть в голову. Лайсве сосредоточилась на дыхании, на ритмичном стуке сердца, пытаясь очиститься. Когда зудящее желание пошевелиться уже почти превозмогло терпение, она услышала это. Ни с чем не сравнимую песнь Ветра, через которую с ней будто говорил сам бог. Лайсве не понимала его речей, но была очарована умиротворяющей мелодией и теплым, обволакивающим все естество светом. Застыла в этом удивительном состоянии, пока отец не тронул ее за плечо. Открыв глаза, Лайсве почувствовала себя как никогда бодрой и счастливой. Свеча на алтаре давно догорела, а через люк сочились ласковые солнечные лучи. Пришло время уходить.

В тот раз отец вернулся раньше обещанного срока и выглядел очень довольным. Никогда еще Охота не проходила так гладко – его отряд не потерял ни одного воина. После, каждый раз, когда намечался поход, отец водил Лайсве в святилище, просил помолиться на удачу в битве и нарекал своим талисманом. Отцовские друзья шутили, что с такими способностями ей прямой путь в настоятельницы храма Матери Ветров, Белой птицы Умай. Богиня эта отвечала на молитвы женщин, защищала мужчин в битвах и возвращала их домой после походов. Однако лорд Веломри считал такую судьбу недостойной своей дочери, да и Лайсве мечтала о

большой и чистой любви в замужестве. К тому же сама Умай, если верить легендам, вкусила счастье в браке с Небесным Повелителем.

Лайсве не знала, приносили ли боги удачу отцу, но в святилище ей нравилось. После проведенной там ночи пропадали все ее тревоги и сомнения, приходила спокойная уверенность.

Вот и в этот, последний, раз Лайсве надеялась, что Ветер поможет ей. Отец отпер замок большим ключом, который носил на шее вместе с родовым знаком – гербовой подвеской в виде горлицы с мечом в когтях. Лайсве прошла вперед, опустилась на колени и сложила руки на груди.

– Знаю, ты покровитель воинов и защищаешь их в битве, а до женской доли тебе нет дела, но сегодня я... в последний раз... в последний раз обращаюсь к тебе с просьбой. Потом я приму бога-покровителя моего мужа и вряд ли еще заговорю с тобой, но сейчас... Молю, дай мне свою защиту и подари удачу, не позволь ударить в грязь лицом и опозорить наш род. Я хочу... понравиться жениху и его семье, хочу, чтобы они меня приняли и полюбили, как любит моя семья. Помоги, прошу, ведь других покровителей меня лишили.

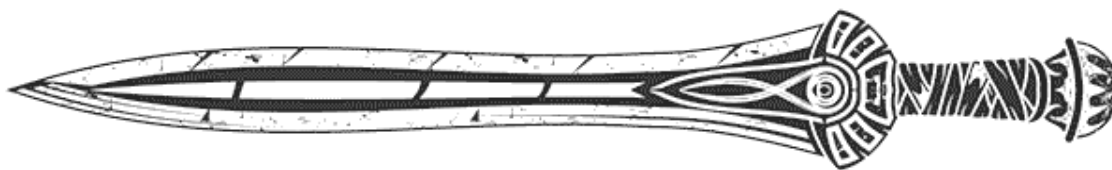
Ветер не ответил даже легким дуновением. Видно, он и вправду не властен над подобными глупостями.

– Тогда просто храни отца и Вейаса. Он такой шалопай... – По ее щеке пробежала слеза. А ведь обещала себе не плакать!

– Скорее! Нельзя заставлять гостей ждать, – позвал из-за двери отец.

Застрекотала труба, выпуская облачко голубоватого тумана. Он оплелся вокруг ее запястья браслетом и тут же растаял. Это благословение?

– Идем же! – Не выдержав, он распахнул дверь и потянул Лайсве наверх.

Отец вел ее под руку по алой ковровой дорожке между расступившимися гостями. Лайсве с трудом признавала серый и скучный парадный зал. В новенькой хрустальной люстре и светильниках на стенах трепетало пламя свечей, радужные блики кружились на потолке, словно оживляя нарисованных на нем павлинов и цапель. Подновленные дубовые панели матово поблескивали на задрапированных голубым бархатом стенах, а на самых видных местах красовались огромные гобелены со сценами из семейных преданий. Укрытые белыми скатертями с красной обережной вышивкой столы ломились от блюд в золотой и серебряной посуде: рябчики в сметане, перепела в клюквенном соусе, фаршированная яблоками утка, тушеные кролики, копченые кабанчики, карпы, осетрина, печеные овощи, гусиные паштеты и, конечно же, пирог с живыми голубями внутри. О «небольшом» сюрпризе для гостей отец предупредил загодя, опасаясь, чтобы Лайсве от страха не свалилась в обморок. Будто она испугалась бы таких глупостей, как птицы в пироге!

Помпезность угнетала. Отец никогда не устраивал празднеств и не любил принимать гостей, предпочитая скромное уединенное существование. Да и в этом зале господа бывали лишь изредка, когда Совет ордена вынуждал отмечать победы хотя бы в кругу близких знакомых. Но сегодня, чтобы соответствовать такой обстановке, нельзя совершить ни одного промаха. Все смотрят на нее – и даже фигуры на гобеленах, как будто ждут ее малейшей ошибки. Дышать глубже! Не показывать страха! Какая же долгая эта дорога!

В дальнем конце зала на небольшом возвышении ее ждал жених. Невысокий, пухлый, совсем некрепкий, почти холеный, одетый в короткие ореховые бриджи и такой же кафтан до

колена без украшений и бантов. Из-под него выглядывал голубой камзол с накрахмаленным кружевным жабо. На ногах – коричневые ботфорты из грубой кожи. Каштановые волосы были стянуты на затылке в тугий пучок. Зеленовато-карие глаза насмешливо прищурены, на щеках виднелись несколько едва заметных шрамов. От бритья, что ли?

Лайсве надеялась, что он будет старше. Как говорят, для мужчин постарше молодость жены важнее всего. Что там Бежка советовала? Улыбаться. Улыбаться, даже если на душе скребут кошки и с помолвки хочется бежать, как от самого страшного демона.

Они остановились у возвышения. Отец подтолкнул ее в спину. Лайсве присела в реверансе и подняла голову.

– Йорден Тедеску, весьма польщен знакомством, – промурлыкал жених и прижал ее ладонь к губам. – По дороге я много слышал о вашей красоте и грации, но реальность превзошла все ожидания. Вы просто фея, чудесная фея!

Говор-то какой гавкающий! Лайсве захотелось отшатнуться или хотя бы отереть ладонь. Но это было неправильно, никто не должен заметить ее неприязнь. Она улыбнулась так, что рот свело судорогой, и обернулась к отцу. Тот повел плечами и крепко сжал ее руку. Внушал спокойствие? Лучше бы подсказал, что делать.

– Вы тоже... очень мужественны, – с трудом выдавила из себя Лайсве.

После нудного представления жениха со всеми положенными регалиями и удивительно скупого родительского благословения отец вручил самым знатным лордам подарки в знак уважения и жестом пригласил к столу.

– Что ж, с официальной частью покончено, – наплевав на этикет, он подмигнул заскучавшим гостям. – Давайте же начнем пир, пока совсем не истомились.

Господа, настороженно следившие за действием, расслабились и засмеялись. Отец умел удерживаться на тонкой грани между напыщенностью высородного и дерзостью удалого Сумеречника. За это его все и любили. Хотелось бы и Лайсве так непринужденно располагать к себе людей.

Ее усадили во главе стола: по левую руку от отца и по правую от жениха. Гости ели, пили, желали долгой счастливой жизни будущим супругам. Вокруг с серебряными подносами сновали слуги в одежде цветов Веломри – голубого и белого. Южное вино текло рекой, пенился в кружках эль, блюда сменялись одно за другим.

Лайсве теребила под столом край так и не врученного подарка.

А вдруг не понравится? Тогда точно засмеют.

Йорден на нее почти не смотрел – с кем-то из своих перешептывался. Надо попробовать завести беседу, попытаться понравиться. Но о чем с ним разговаривать? Не о рукоделии же и нянюшкиных сказках.

Сосед пихнул Йордена в бок, намекая, чтобы тот обратил на Лайсве внимание. И ей вдруг захотелось сквозь землю провалиться.

– Вы совсем не ели. Положить вам окорок или, может, овощей с грибами? Они очень легкие, – Йорден расплылся в елейной улыбке, протягивая дымящееся блюдо.

– Спасибо, я не голодна, – корсет давил так, что даже дышалось с трудом. Вряд ли ей удалось бы проглотить хоть кусок. К тому же от волнения подташнивало. Ничего, нянюшка соберет ужин после пира, а Вейас ночью стащит парочку пирожков с кухни. – Как дорога? Понравились ли вам наши места? – поинтересовалась она из вежливости.

Йорден скривился.

– Да как может нравиться эта тряска по буеракам и ухабам? А топи? По кочкам и бурелому в тумане шею свернуть можно и себе, и коням. Ночью совсем худо становится: от холода и сырости околеть можно. Вот у нас в степи простор бескрайний, солнце теплое и никаких туманов.

Лайсве поджала губы. Ей нравилось странствовать. Правда, ездила она разве что на ярмарку в Кайнаवास и обратно в сопровождении большой свиты, без которой не могла и шагу ступить. Но ей все равно было неприятно, когда ругали любимый родной край. Это невежливо, в конце концов. Туман и холод ему мешают! А если в поход идти придется, на север самый, в царство льдов Нордхейма, Йорден тоже на холод жаловаться станет?

Нет, нужно унять раздражение и быть кроткой.

– Жаль, что вам пришлось терпеть такие неудобства.

Йордена снова пихнули в бок. Наверное, там останется синяк.

– Что вы. Ради ваших прекрасных глаз я готов и в логово демонов сунуться.

Ох, какой храбрец!

– А много вы их убили, ну, демонов?

Йорден икнул и стусевался. Его сосед не сдержал смешка.

– Около сотни, должно быть. Я не считал.

Даже у отца столько побед вряд ли наберется, а он всю жизнь воюет.

Язвительность будто подмывала Лайсве изнутри:

– Мне казалось, вы только-только испытание прошли.

– Да... В Долмитовых горах.

Остановиться у нее уже не получалось.

– Значит, по дороге туда вы повстречали сотню демонов?

Теперь пихнули в бок Лайсве. Точнее отец одернул ее за рукав. Она не понимала, почему тот терпит пустопорожнее бахвальство. Наглая ложь не достойна рыцаря!

Отец встал, поднял кубок и постучал по нему серебряной ложкой. Гомон разом стих. Взгляды вновь устремились к хозяйскому столу.

– Думаю, мы достаточно подкрепились для веселья. – Он кивнул слугам, и те открыли большие дубовые двери. В зал вошли музыканты с четырехструнными домрами, изящными жалейками, волынками из воловьей кожи и круглыми бубнами. Захмелевшие гости приветствовали их неслаженными хлопками и возгласами. – Пусть же танцы по праву откроют молодые нареченные!

На лице Йордена зеркально отразилась несчастная улыбка Лайсве. Зачем отец придумал спасти положение столь изуверским способом? В этом платье даже пошевелиться страшно, а уж танцевать и подавно не получится!

Йорден подал Лайсве руку, и ей пришлось проследовать за ним в середину зала, свободную от столов. Расположившиеся неподалеку музыканты заиграли по команде отца. Благо танец оказался медленным и простым – поклон-поворот-поклон. Лайсве оставалось только придерживать юбки и вовремя увертываться от норовивших наступить на подол ног Йордена. Танцевал он дурно: держал неловко, вел невпопад. Со стороны это больше походило на борьбу, чем на степенные движения влюбленной пары. Гости наверняка посмеялись от души, глядя на это нелепое зрелище.

Нареченные в последний раз поклонились друг другу и облегченно вздохнули. Хлопки смешались с пожеланиями счастья и любви. Йорден приобнял Лайсве за талию и чмокнул в губы, обдав неприятным запахом изо рта. Она с трудом заставила себя не скривиться.

Гости возбужденно загудели. Послышался скрип отодвигаемых стульев. Музыка стала бодрее, а бой бубнов – ритмичнее и звучнее. Молодежь отплясывала, стуча каблуками. Старики, не обращая на них внимания, обсуждали свои дела и порой повышали голос так, что перекрывали музыку.

Нареченные отошли к ближнему столу.

Лайсве пригубила вина, чтобы заглушить неприятный привкус. Может, если она захмелеет, то жених покажется более желанным.

– Мне очень жаль... – замялся Йорден. – Я только с дороги, не все дела уладил. Вы меня извините? Я ненадолго, а вас пока мой наперсник развлечет. Он хороший. Дражен!

К ним подошел рыжий юноша. Вытянутое тонкоскулое лицо покрывали веснушки, щеки были знатно изрыты оспинами, но в целом он выглядел старше и солидней. Видно, это он пихал Йордена за столом.

– Иди, раз так не терпится, – недовольно бросил Дражен.

Йорден просиял и зашагал к двери. Сбежал. Очень мило!

– Не вешайте нос, он вернется. – Дражен взял Лайсве под руку; он явно знал, как обращаться с женщинами. – Никуда от вас не денется, все уже сговорено. Я даже немного завидую. За какие заслуги этому болвану в невесты досталась такая красавица? Ведь не ценит своего счастья, совсем не ценит.

Лайсве слабо улыбнулась. Неискренняя лесть вызывала раздражение. Ей хотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился. Она бы тихо поплакала у себя в комнате и смирилась. В конце концов, не всем достаются писанные красавцы да удалые воины. Жизнь не нянюшкина сказка – придется терпеть и обычного мужа.

Дражен потянул ее обратно к танцующим. Звучала быстрая мелодия. Плясуны, взявшись за руки, хороводом неслись по залу, захватывали с собой всех оставшихся не у дел, а потом разбивались на пары. Мужчина присаживался на колени и кружил даму вокруг себя.

Лайсве запыхалась. Корсет сдавил грудь еще сильнее, но Дражен все никак не унимался. Голова шла кругом. В ушах звенело. Она уже почти ничего не видела, находясь на грани обморока.

Внезапно яркая вспышка прочистила взор.

Лайсве вознеслась над залом и начал наблюдать за всем сверху. Вместо людей под музыку плясали отвратительные создания со свиными рылами и раздвоенными копытами. Они же сидели за столами, заливали глотки вином и элем и вгрызались в шматы жареного мяса, выкрикивали тосты, падали косматыми мордами в блюда, кричали и затевали драки. Посреди всего этого безобразия светился маленький огонек – воздушная фея металась в грубых ручищах одного из хряков.

«Расселись, свиньи из свиней! – прозвучал в голове полный злобы голос. – Тоже мне, избранные богами защитники. Обжираются тут, веселятся, а где-то погибают селяне от очередного нашествия. От голода, от испоганенных посевов. А ведь одного блюда со стола этого хватило бы, чтобы кормить большую семью неделю».

Лайсве хотелось возразить. Каждый получает, что должно: кто-то рождается селянином, чтобы работать на земле, кто-то ремесленником или купцом, а кто-то отмечен божественным даром и за борьбу с демонами получает награду – титулы, золото, земли. Сумеречники защищают людей взамен на справедливую плату. Такой порядок установили боги.

«Моя! Моя! И пусть весь мир пойдет теперь прахом, – снова вклинился в мысли странный голос. Лайсве камнем рухнула в тело феи. Метнувшаяся сбоку тень оттолкнула свинорылого и повела сама, уверенно, властно и вместе с тем болезненно нежно. – Все муки того стоили. Как же ты хороша, принцессочка, просто чудо! Жаль, что уроду достанешься».

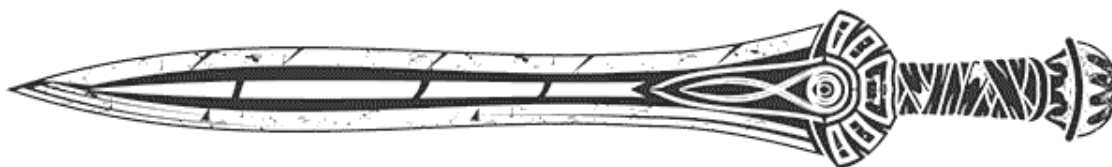
«Кто ты?» – только и успела спросить Лайсве.

Музыка замерла. Они остановились друг напротив друга.

Суженый из сна, это же он!

«Неважно. – Он ласково коснулся ее щеки. – Клянусь, я отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива и даже после смерти».

Он впился в ее губы, впуская в нее Мрак и убивая душу.

Ильзар, белоснежный дворец на вершине большого холма, разительно отличался от замка лорда Тедеску. Соразмерный и строгий в своем убранстве, он сверкал в лучах утреннего солнца. Точеные башни вздымались в небо, реяли на ветру пестрые флаги. Чисто, ни трещины в стенах, лужайки аккуратно выстрижены, будто только вчера отстроили и подготовили к параду. Помпезно и богато, хотя красота его была сумеречная, холодная, как и все в этом суровом северном крае. Было в нем свое очарование.

Кортеж въехал во двор, украшенный цветами, бархатными знаменами, позолоченными вазонами и парадными доспехами. Казалось, что отец невесты решил пустить пыль в глаза жениху. Йорден обзавидовался весь, позеленел и кисло скривился, не желая следовать этикету.

Впрочем, Микаша это волновало мало. Что-то с ним случилось в последнее время, словно чудесный портрет изменил его в одночасье. По жилам тек жидкий огонь, а голова опустела, мысли витали в неизведанных далях, и даже сосредоточиться на деле оказывалось трудно. Медальон Микаш так и не вернул; надеялся, что и не попросят, а если попросят, то он заставит их забыть. По малолетству, еще когда пас лошадей на лугу, он обожал разглядывать мир вокруг, подмечая каждую деталь, любясь каждой букашкой. Так и сейчас, когда удавалось побыть одному, он разглядывал изображение принцессы, водил пальцем по ободку и представлял ее – живую и осязаемую. Вылеплял из глины собственного воображения и крепко обнимал, как не обнимал никого с тех пор, как погибли мать с сестрой. Такое странное, но сладкое и томное наваждение. Эх, почему все трофеи, слава и даже лучшие девушки всегда достаются другим?

Полдня им дали передохнуть с дороги – пир начинался ближе к вечеру.

Микаш настолько умаялся следить за приготовлениями, что едва успел помыться и переодеться в парадный костюм для слуг: коричневые бриджи и ливрею с вышитым на спине родовым гербом Тедеску – оскаленной собачьей мордой.

Йордену как раз заканчивали заплетать церемониальный пучок на затылке.

– Где тебя демоны носили? А на голове что? Правильно отец тебя помойным псом называл! – забранился тот, заметив на пороге Микаша. Он пригладил косматые волосы пятерней, но толку от этого оказалось мало. Йорден безнадежно махнул рукой. – Что взять с дворяниги?

Вместе со свитой из своих наперсников и слуг Йорден прошествовал в парадный зал, где обстановка была такая же помпезная, как и снаружи. С непривычки зарябило в глазах от множества зажженных свечей и хрустальных бликов. А гостей-то собралось! Приехали старые лорды со всех окрестных земель, их домочадцы и свита. Прислуга деловито сновала с подносами и без, украдкой любясь на празднество.

Лорд Веломри с дочерью еще не появились. Микаш поздоровался с Олыком, которого лорд Тедеску тоже отправил с кортежем Йордена, чтобы смотрел за соблюдением этикета. Олык показал в толпе наследника рода Веломри – брата-близнеца невесты, Вейаса. Смазливый и темпераментный, он отпускал колкие шутки в адрес тех, кто попадался ему на глаза, а окружающая его компания высокородных отпрысков дружно хохотала. Ощущалось только, будто что-то гноится у него внутри, а острословие лишь маска.

Олык дернул Микаша за рукав, напоминая, что неучтиво так пристально пялиться на высокородных господ. Он неплохой, Олык, добродушный и сдержанный, единственный, кого можно было назвать если не другом, то хотя бы хорошим знакомым, с кем можно поговорить о мелочах, дабы не забыть, каково это – разговаривать с живыми людьми.

– Почему не идут?

– Выдерживают паузу, чтобы казаться значительней. Высокородные, – прошептал Олык и усмехнулся.

Микаш плохо понимал их устои.

– Почему молодой хозяин не любит невесту? – осторожно поинтересовался он.

– Да как ж любить-то, он ведь не знает ее. Говорят, бледная мышь, невзрачная и скучная.

– А на портрете красивая.

– Художники всегда льстят, чтобы побольше золота выручить. Да ты же знаешь, какие лица у высокородных. Надменность даже красивых портит.

Да, к сожалению, красота существует лишь на картинах, но, может, так оно и лучше – мечтать о недостижимом идеале.

– Идут! Идут!

Возбужденный шепот стих, когда в зал торжественно прошествовал лорд Веломри под руку с дочерью. Они подошли близко. Микаш подался вперед. Сердце заныло, затрепетало в груди, желая выскочить и пуститься в пляс. Принцесса оказалась еще краше, чем на портрете – тонкая, изящная, хрупкая. Талию можно обхватить ладонью. Волосы дивного лунного цвета были уложены в высокую прическу, обнажая стройную шею. А глаза! В такие глаза можно глядеться, как в кристальные озера этого сурового края.

Принцесса смотрела перед собой и ничего вокруг не замечала. Алые, как нежные лепестки розы, губы на бледном лице дрожали от волнения и манили прикоснуться. А платье... дурацкое пышное платье не шло ей ни капли, напротив, отвлекало безвкусными рюшами и забивало невероятную красоту этого запредельного создания.

– Какая... – вырвался вздох.

– Да обычная, – пожал плечами Олык.

– Нет! Разуйте глаза, она прекрасней всех женщин в этом зале.

– Мальчик, ты, часом, не болен? – Олык приложил ладонь к его лбу, но Микаш смахнул ее.

– Я серьезно. Во всем Мунгарде не сыщется никого, кто смог бы ее затмить.

– Точно болен. Любовной лихорадкой! – усмехнулся Олык.

– Все равно она даже не взглянет на меня.

– Почему это? Ты юноша статный. Не думаю, что у нее много ухажеров отыщется при таком строгом отце. Гляди, как на молодого хозяина смотрит. Будто голову оторвать хочет, не меньше. Поговаривают, доченьку свою он куда больше любит, чем разгильдяя-сына.

– Спорим? Я подойду к ней так близко, что смогу прикоснуться, а она даже не заметит.

– Ну, спорим, – Олык нерешительно пожал подставленную руку.

Микаш приблизился к одному из слуг, забрал его поднос и направился к столу на возвышении, где сидели невеста с женихом. Наглость, немного везения и капельку внушения. Ветроплавов здесь нет, и вряд ли кто-то заметит. Йорден с наперсниками так и вовсе никогда не понимали, что ими манипулировали. Микаш поставил поднос на стол и замер за спинами господ.

Неловкость между нареченными ощущалась явственно. Йорден жаловался и клял Белоземье последними словами. Принцесса злилась, поджимала губы и комкала салфетку. Он сыпал комплиментами, а она улавливала их неискренность и переводила разговор.

– А много вы их убили, ну, демонов?

Йорден стушевался.

Вот оно. Они так увлеклись беседой, что не заметят его. Микаш протянул ладонь и осторожно коснулся оголенной шеи принцессы, такой уязвимой и тонкой. Кожа была гладкая и нежная, как самая дорогая шелковая ткань. Нет, куда лучше! Аромат волос – мята и ромашка – вскружил ему голову. Конечно, он сам доводил себя до исступления своими фантазиями. Запретное желание будоражило воображение, страсть затмевала взгляд и путала мысли. Ее

поцелуи наверняка были слаще меда, объятия – нежнее пуха, а ласки – горячее полуденного солнца.

– Около сотни, должно быть. Я не считал, – пролепетал Йорден.

– Мне казалось, вы только-только испытание прошли, – в голосе принцессы сквозил сарказм.

– Да... В Доломитовых горах.

– Значит, по дороге туда вы повстречали сотню демонов?

Микаш едва не рассмеялся. Ради нее он бы прошел все дороги, одолел все невзгоды, убил всех демонов, достал звезду с неба и бросил мир к ее ногам. Он бы смог! А если бы не смог, то вырвал бы свое сердце и преподнес ей на серебряном блюде.

До чего глупа и неуместна эта влюбленность!

Нет, он не станет ее тревожить. В его жилах не текла древняя кровь высокородных. Он ее не достоин.

Микаш незаметно срезал ножом прядь ее волос и сжал в кулаке. Лорд Веломри начал оборачиваться, рыская взглядом по углам. Надо уходить.

Йорден с принцессой вышли в центр зала для танца.

Микаш тем временем шмыгнул в толпу гостей. Добравшись до Олыка, показал срезанную прядь.

– Ну ты и пройдоха! – Олык похлопал его по плечу. – Держи монету, честно заслужил.

Микаш спрятал медьку в карман, а прядь положил в медальон с портретом.

– Почему он предпочитает ей служанок?

– Верность для высокородных – пустой звук. Муж спит с камеристкой, жена со слугой. А ты счастья попытай, чего сохнешь зря? Может, и понравиться ей.

– Нет, не хочу так!

Как никогда раньше, Микаш хотел быть на месте высокородного Йордена. Танцевать с ней – и плевать, что не знает ни своих, ни этих чопорных высокородных танцев. Говорить с ней, ловить восхищенные взгляды и кружить в своих руках.

– Ох, пострел уже побежал, гляди-ка.

Слова Олыка хлестнули его точно плетью. Йорден уже спешил к выходу из зала. Микаш едва успел остановить его за дверями в темном безлюдном углу, схватив за руку.

– Не уходите! Оставьте невесту в день помолвки, чтобы барахтаться в простынях со служанкой – верх неучтивости.

Йорден выдернул запястье из хватки.

– Что ты себе позволяешь? Дражен позаботится об этой дурехе. А если я проведу с ней еще хоть минуту, то просто сдохну. Она не только уродлива, но еще и тупа как пробка! Вот уж наградили невестой.

– Перестаньте, – укорил его Микаш. Демон внутри царапался когтями куда неистовей. – Вы оскорбляете ее только потому, что она распознала вашу ложь и не смогла это скрыть.

– Защитничек нашелся! Прямо под стать этой овце. Так возьми ее, раз хочешь. Думаю, она будет счастлива, что хоть кто-то обратил внимание, – с этими словами Йорден зашагал прочь.

Микаш сжимал руки кулаки, представляя, как хрустнут позвонки в цыплячьей шее, если ее сломать. Затем вернулся в зал. Дражен кружил принцессу в быстром танце. Повсюду галдели гости, ели мясо так, что с подбородков стекал жир, похабно шутили, щипали служанок и орали застольные песни. Женщины жеманничали и сплетничали, мужчины напивались до беспамятства и скатывались под столы. От ужимок и лицемерия Микаша захлестнула горечь, словно внутри прорвался гнойник презрения и наружу хлынула едкая желчь.

«Расселись, свиньи из свиней! Тоже мне, избранные богами защитники. Обжираются тут, веселятся, а где-то погибают селяне от очередного нашествия. От голода, от испоганен-

ных посевов. А ведь одного блюда со стола этого хватило бы, чтобы кормить большую семью неделю».

Ему хотелось хоть на мгновение оказаться на их месте – в лучах славы, в сиянии богатства. Чтобы принцесса заметила его и смотрела как на равного, а не на пустое место. Чтобы он мог встать на колени и просить ее руки без страха, что его голова увенчает замковые стены, точно головы мятежных пресветловерцев. Что за невыносимая несправедливость?

«Каждый получает, что должно, – зазвучал в его голове тихий мелодичный голос принцессы, будто она слышала его мысли так же, как он чувствовал ее усталость и неудобство. – Кто-то рождается селянином, чтобы пахать землю, кто-то ремесленником или купцом, а кто-то отмечен божественным даром и за борьбу с демонами получает награду – титулы, золото, земли. Сумеречники защищают людей взамен на справедливую плату. Такой порядок установили боги. Не нам их судить».

Демон рванулся на волю: с легкостью прошел сквозь толпу и нырнул в тело Дражена. Микаш усыпил его сознание, и теперь чувствовал и управлял его телом. Принцесса прильнула ближе, прижалась к нему щекой. Он гладил ее волосы и спину, вдыхал божественный аромат. Сумасшедшее пьяное счастье кружило ему голову.

«И пусть весь мир пойдет теперь прахом. Все муки того стоили. Как же ты хороша, принцессочка, просто чудо! – И сквозь хмель прорезалась единственная здравая мысль: – Жаль, что уроду достанешься».

Принцесса посмотрела на него осмысленным взглядом, словно единственная видела его настоящего даже сквозь оболочку чужого тела.

«Кто ты?»

Нет, не может быть! Ему так сильно не хотелось просыпаться от сладостного сна.

«Клянусь, я отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива, и даже после смерти», – произнес он в мыслях, доступных лишь им двоим, и впился в губы отчаянным поцелуем. Мрак слетел с демона, проник в нее, опалил; нежные лепестки будто иссохли и опали в руку, а следом и она сама. Мертвая, бездыханная.

Микаш оборвал мыслесвязь и в несколько шагов оказался рядом. Как раз вовремя, чтобы подхватить принцессу, прежде чем она успеет рухнуть на пол. Гости шумели, озирались, шептались. Дражен моргал, не в силах постичь происходящее.

Сосредоточиться было трудно. Голова гудела. Дрожащими пальцами Микаш попробовал ослабить шнуровку на корсете.

– Воздух, ей нужен воздух! – просил он наступавших со всех сторон гостей, но они будто не слышали его.

– Унесите ее отсюда, скорее! – выкрикнул неровный старческий голос.

Микаш нашел глазами говорившую – немолодую служанку лорда Веломри. Нянька? Она звала его за собой, и он послушался. Они поднялись на второй этаж и проследовали в небольшую комнату, уставленную сундуками с одеждой.

– Лучше бы на улицу, – запоздало пробормотал Микаш, но служанка не расслышала.

– Клади сюда, здесь никто не помешает.

Он уложил драгоценную ношу на кушетку и снова принялся дрожащими пальцами бороться с корсетом. Со злости хотелось разорвать шнуровку, но страшно было причинить вред принцессе.

«Пожалуйста, пожалуйста, только живи! Я не хотел!»

Служанка отгеснила его к двери и взялась за дело. Микаш отвернулся, чтобы не видеть обнаженного тела. Того, что никогда не будет принадлежать ему.

Громко хлопнула дверь, и в комнату ворвался лорд Веломри.

– Что происходит? – строго вопрошал он. Важный, пышущий гневливой силой и властью. Он был невысокого роста, подтянутый. В коротких светлых волосах пробивалась ранняя седина. Лоб избородили глубокие продольные морщины. Голубые глаза опаляли презрением.

– Что происходит? Я отвечу тебе, душегуб проклятый, что происходит! – взвизвала служанка, отчего лорд опешил. – Ты чуть собственное дитя корсетом не удушил! И чего ради? Гостей потешить? Да пропади они пропадом!

– Помолчи, Эгле. Все с ней будет в порядке, – ответил он и обернулся к Микашу. – А ты кто?

– Оруженосец мастера Йордена. Ей сделалось плохо, и мне велели перенести ее сюда.

– Где твой хозяин?

– Отлучился. Устал с дороги.

– Побрезговал моей дочерью?

– Что вы, как можно! Она прекрасна, – его голос выдал слишком много эмоций.

Лорд Веломри расхохотался. Он тоже был мыслечтецом. Догадался!

– Проваливай отсюда, голодранец! И не смей больше ни прикасаться, ни даже смотреть в ее сторону, иначе велю живодемам выпотрошить тебя и выставлю твое чучело в трофейном зале среди демонов.

Микаш покорно опустил глаза.

– Да, милорд. Простите, милорд.

– Ступай. И ни слова о том, что здесь было. – Лорд Веломри швырнул ему увесистый кошель.

Бросив последний короткий взгляд на бледное, без кровинки, лицо принцессы, Микаш вышел за дверь. Прислушался. Она заговорила!

Навеянная паникой несуразица, что он и впрямь демон, разрушающий все, к чему прикасается, уступила место осознанию: принцесса отразила его мыслечтение и направила против него. Именно это выжало из нее все силы. Вон как ее отец перепугался. Говорят же, что дар жены – проклятье мужа. Для такого, как Йорден, уж точно, хотя Микаш бы справился. Нет, лорд Веломри был прав, нечего голодранцу с принцессой делать.

«Я больше тебя не потревожу. Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя».

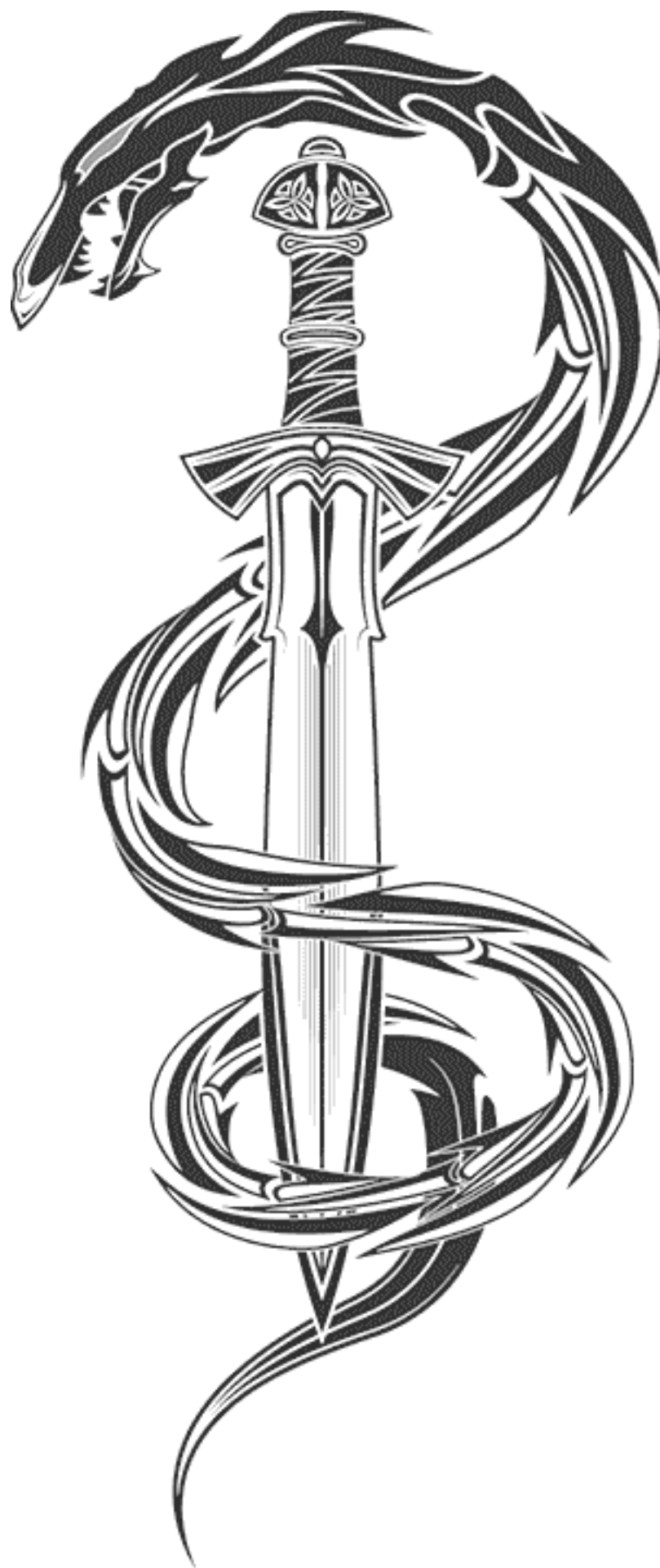
Микаш отправился на конюшню, зарылся в теплую солому в пустом деннике и, прислушиваясь к мирному сопению лошадей по соседству, задремал.

Сон пришел странный. Принцесса плакала в темноте и звала его, звала хоть кого-нибудь. Так больно за нее делалось, что он протягивал к ней руки, обнимал и шептал ласковые слова, нарушая недавнее обещание.

«Мы вдвоем против всего мира. Мы выстоим».

Ладонь к ладони, пальцы переплетены – не разрубить.

Глава 5 Недостойный жених

1526 г. от заселения Мунгарда.

Веломовия, Белоземье

Лайсве очнулась, когда ей на лицо брызнули противной холодной водой. Корсет уже не давил, сверху ее укрывала лишь мягкая простынь.

Раздался неразборчивый лепет:

– Да, милорд. Простите, милорд.

Темный суженый? Он ли это?

Что-то звякнуло. Похоже, отец отсчитывал монеты из кошель.

– Ступай. И ни слова о том, что тут было!

Прижимая к себе простынь, Лайсве приподнялась с кушетки, но увидела лишь, как закрылась дверь.

Может, почудилось?

– Простолюдины совсем обнаглели. Никакого уважения к знати, – сетовал отец, а затем обернулся к дочери: – Ты как?

Лайсве легла обратно, натянув простынь до самого подбородка. Глаза резало от света. Бешено колотилось сердце, голова отяжелела, напоминая о недавнем обмороке. Надо было больше отдыхать.

Отец нахмурился и сунул дочери под нос походную флягу с восстанавливающим силы зельем. Но оно действовало только на рыцарей с даром.

Лайсве недоуменно потупилась.

– Выпей – полегчает, – отец влил ей в рот ядреный напиток. В нос ударил резкий привкус мяты и базилика. От кашля она согнулась пополам. Отец отставил флягу и провел вокруг дочери руками, внимательно вглядываясь во что-то, доступное лишь ему. – Скажи, ты ведь не была с мужчиной?

Лайсве подскочила с кушетки. Как он мог такое подумать?!

Нянюшка надавила ей на плечи, заставив лежать неподвижно, и ответила сама:

– Она чиста, как в день своего рождения. Это и без дара видно!

– Я не Вейас, – устало прохрипела Лайсве и отвернулась. Гадко даже думать об этом! Она бы никогда не отдалась мужчине вне брака.

– Вижу, прости. Все происходит слишком быстро: помолвка, церемония... – отец потрепал ее по волосам, поцеловал в висок и пробормотал: – Так некстати. Хотя следовало ожидать, учитывая обстоятельства. – Он приподнял ее подбородок кончиком пальца и заставил взглянуть в глаза. – Ты ничего не слышала перед обмороком?

– Все превратились в свиней, – измученно выдавила она. Видение с пира оживляло кошмар о поглотившем мир Мраке. Лайсве почти забыла о нем, но теперь смятение и страх навалились на нее с утроенной силой.

– Свиней? – кустистые брови отца сошлись над переносицей. – Интересные у кого-то фантазии. Найду и голову оторву!

Лайсве отвернулась, кожей ощущая его негодование. От чужих эмоций становилось больно. Хотелось закрыться и ни о чем не думать.

– Отдыхай. На людях тебе сегодня показываться не стоит. Я пойду к гостям и все объясню. – Он удалился, еле слышно затворив за собой дверь.

Лайсве прижала колени к груди и обхватила их руками. Казалось, будто ее отгородил ото всех мерцающий кокон. Только мысли прогнать не удавалось. Липкий страх щекотал нервы. «Как же ты хороша, принцессочка! Принцессочка... принцессочка...»

По телу пробежала волна мелкой дрожи.

– Нянюшка!

Старушка сидела у изголовья, с тревогой изучая ее лицо. Видимо, Лайсве выглядела куда хуже, чем себя чувствовала.

– Что значит, если тебе постоянно снится один и тот же сон?

– Твоя жизнь скоро сильно изменится, вот ты и волнуешься. – Нянюшка гладила ее по волосам, прямо как отец, однако от нее исходило теплое спокойствие и умиротворение. Становилось чуть легче. – Порой мы сталкиваемся с бедами, с которыми не можем справиться. Они не оставляют нас даже ночью. Тогда во сне боги приходят на помощь: говорят, объясняют, показывают. Как только поймешь, что тебе пытаются подсказать, все решится само собой. Хочешь, подумаем вместе? Что тебе снится?

– Суженый.

– Хороший сон!

– Да.

Думать вместе не хотелось. Да и чего тут гадать? Все было яснее белого дня. Это предупреждение, что нельзя нарушать божественные законы. Нужно принять доставшегося ей мужа,

даже если он совсем не тот, о ком она мечтала. А любовь с первого взгляда – нянюшкины сказки. В жизни такого не бывает.

Лайсве обидела Йордена пренебрежением, и поэтому он ушел. Его место тут же занял Мрак, Мрак в ее сердце. Она не должна была поддаваться, иначе сама станет Мраком. Отныне она будет по-настоящему кроткой и ласковой, не как раньше – притворяться, а в мыслях дерзить. Надо разыскать Йордена и вручить ему вышивку. Он сразил уже сотню демонов и убьет еще, а если даже нет, то для Лайсве все равно будет самым могучим и доблестным воином. И плясать она его научит. Это гораздо проще, чем вышивать. А потом он увезет ее в благодатный степной край, подальше от убогой сырости Белоземья.

Лайсве повернулась к нянюшке.

– Есть хочется. Принеси чего-нибудь, а то я совсем без ужина осталась.

– Конечно, милая, я мигом, – спохватилась старуха и ушла.

Лайсве встала на негнущиеся ноги и осмотрелась по сторонам. Да это же гардеробная – вот удача! В сундуке нашлось мамино свадебное платье. На стене висело большое зеркало в ажурной позолоченной оправе. Лайсве оделась, заплела распущенные волосы в косы и взглянула на свое отражение. Несмотря на бледность и синяки под огромными, лихорадочно блестящими глазами, она выглядела мило и трогательно, так, как ей и хотелось. Теперь духи обязательно помогут обрести счастье.

Она выглянула за дверь. Коридор пустовал. Оставалось только разыскать Йордена.

Отец обучал близнецов использовать заклинания замка: открывать потайные ходы, прятаться, проверять, не замышляет ли кто дурного, или отыскивать нужного человека. Последнее было самым простым. Правда, Вейас все делал спустя рукава, будто нарочно злил отца. А вот у Лайсве все получалось легко.

Она сосредоточилась на внешности Йордена, его движениях, голосе, запахе. В голове возник план замка со всеми винтовыми лестницами, петляющими узкими переходами, длинными коридорами и уединенными комнатами за глухими дверями. Мыслеобраз Лайсве плутал между пульсирующими жилами, силуэтами людей. Не то, не то, не то. Ну где же он? Ей почудился запах – кислый, не слишком приятный, щедро смешанный с потом. Йорден, тут ошибки быть не могло. В восточном крыле, парадные гостевые покои, третья дверь по коридору слева.

Лайсве отпустила концентрацию. Ее колени дрожали. Она оперлась спиной о стену и съехала на пол. Из носа потекла кровь, а на губах ощущался солоноватый привкус. Перестаралась. Ничего, как сказал отец, не сахарная – не растает. Надо отдышаться и действовать.

Через холл она идти не решилась: если заметят и нажалуются отцу, то он никуда ее не отпустит. Рядом находился потайной ход. Там точно никого нет. Отец был с гостями, Вейас наверняка сбежал с очередной служанкой, а остальные про ход знать не знали.

Слабость отступала с каждым шагом. Лайсве торопилась, поднимаясь по лестнице на третий этаж. Показался портрет прапрапрадеда Войшелка Добродушного, за ним – рычаг в виде круглой ручки. Лайсве приложила к ней ладонь с запекшейся кровью. Заговоренное железо отозвалось теплой вибрацией, плита с портретом отъехала в сторону и пахнуло затхлостью и плесенью. Крутая винтовая лестница уходила вниз, во тьму.

Сняв со стены факел, она ступила внутрь, и плита за спиной со скрежетом встала на место. Спускаться пришлось долго: пригнувшись, переходить по змеящемуся тоннелю в другое крыло, потом подниматься по еще одной лестнице на сотню ступеней. Когда Лайсве выбралась из потайного хода, она запыхалась, но в голове все окончательно улеглось. Без посторонних глаз ей будет легче поговорить с Йорденом, объяснить свои сомнения и страхи, убедить, что она сможет стать ему хорошей женой – просто понадобится чуть больше времени. Но она будет стараться изо всех сил!

Лайсве очистила платье от налипшей паутины и постучалась. Ей никто не ответил, но дверь оказалась не заперта. Она вошла в комнату. Внутри царил полумрак – лишь узкая полоса

света лилась из коридора. Просторная, аккуратно убранная спальня пустовала. Створки шкафа были открыты. Окна занавешены плотными гардинами. Возле широкой кровати с балдахином стоял дорожный сундук. Чем таким важным был занят Йорден, что даже не успел разобрать вещи?

Снаружи донеслись шаги, голоса. Торопливый лающий говор Йордена и протяжный, с мурлыкающими нотками – Бежки. Служанка рассмеялась, кокетливо и мелодично. Они совсем рядом!

Лайсве юркнула в шкаф и затворила дверцы, оставив лишь маленькую щелку.

Йорден в обнимку с Бежкой ввалился в комнату.

– Наконец-то одни! – счастливо выдохнул он. – Ты бы знала, как меня достала эта бледная поганка со своими расспросами. Будто намеренно унижить хотела. Как и ее демонов отец.

Возмущение накатило на нее. Лайсве просто хотела завести беседу, а отец – проявить уважение к жениху и ордену. Они вовсе не желали никого унижать.

– Не бухти, – проворковала служанка, покрывая поцелуями поцарапанную щеку. – Меня все равно не отпускали с кухни. А тебе надо было политесы соблюсти, чтобы эта дурочка не заартачилась. Знаю я ее. Это с виду она лань трепетная, а на деле сумасбродка та еще. С детства было: как стукнет в голову блажь, так ни няньки, ни даже отец отговорить не смогут.

Конечно, заартачится! Потребуется, чтобы Бежку вышвырнули, и с собой уж точно не возьмет.

– А по-моему, она обычная избалованная отцовская дочка. Только родит мне наследника, подсыплю ей волчьей травы в еду, а тебя хозяйкой сделаю. И никакой орден мне указывать уже не сможет.

Бежка шепнула что-то в ответ. Йорден засмеялся и повалил ее на кровать.

Лайсве с грохотом затворила дверцы и заткнула уши руками, но все равно слышала скрип кровати и громкие стоны, мерзкие до тошноты. Она сосредоточилась на обиде и отчаянии. Надо только дождаться, пока Бежка с Йорденом заснут, и осторожно выбраться, иначе ее убьют прямо здесь. Остальные пребывали на пиру, и ее крики никто не услышит. Тело выбросят в овраг, а родным сообщат, что Лайсве сбежала, испугавшись свадьбы.

Посреди густой черноты, в белесом мерцании, застыл знакомый силуэт. Суженый из сна! Во Мраке он стал светом. Лицо озарилось, словно грозовые тучи разошлись и из-за них хлынули яркие солнечные лучи. В разноцветных глазах сквозили нежность и забота. Благородный и любящий, он был ее настоящей судьбой, не то что эта подделка!

«Мы вдвоем против всего мира. Мы выстоим».

Привычным жестом он протянул руку.

Лайсве улыбнулась и переплела с ним пальцы, шепча сокровенное спасибо.

Раздался храп, шаги, зашелестела одежда.

Лайсве приоткрыла створки и выглянула наружу.

Стояла глубокая ночь. Сквозь не зашторенное окно лился лунный свет и укутывал стоявшую боком к шкафу женскую фигуру зыбкой дымкой. Бежка натянула платье и спрятала волосы под чепец. Скользнула взглядом по шкафу, отчего Лайсве отпрянула. Хорошо, что Йорден храпел так громко, иначе ее точно услышали бы. Бежка подмигнула непонятно кому и вышла из комнаты, оставив дверь распахнутой. Ну точно, слышала. А может, и видела. И все-все поняла!

Лайсве вылезла из шкафа. Йорден дрых без задних ног. Мерзавец! Осторожно переступая, она выскользнула из спальни. В темном коридоре было пусто. Видимо, гости давно разошлись по приготовленным для них покоям и улеглись в постели. Ух и влетит теперь от отца: ее наверняка уже обыскали. Она направилась к парадной лестнице. Там хотя бы шею не свернет в темноте – часть светильников оставили зажженными для любителей полуночных прогулок.

За поворотом первого же пролета Лайсве нос к носу столкнулась с разъяренным родителем. В его руке уже догорала свеча, в лице ни кровинки, а глаза посверкивали молниями от гнева. Лайсве вжала голову в плечи. Отец никогда на нее не кричал, журил, бывало, за то, что покрывала шалости Вейаса, но всерьез не злился.

– Тебя где носило? – грозно прошептал он.

Лайсве едва не лишилась чувств от накотившей вдруг слабости.

Отец подхватил ее и заговорил куда более ласковым тоном:

– Посмотри, до чего себя довела. Велено же лежать! И зачем ты снова напялила эти жуткие тряпки?

Волновался за нее? Или о гостях переживал? Лайсве уткнулась в его расшитый серебряным позументом камзол и закрыла глаза. Теплые пальцы скользнули по волосам, испуская волны тягучего спокойствия. Он снова использовал дар. Ее куда-то понесли: она не следила за дорогой, пока отец не поставил ее на пол перед белой дверью, оплетенной кружевом колдовских орнаментов.

Святилище.

Лязгнул навесной замок, дверь отворилась, и отец подтолкнул Лайсве вперед. Внутри на полу лежала пуховая перина с подушками и шерстяным одеялом.

Отец достал из-за пазухи платок и принялся отирать лицо дочери от крови.

– Поспишь здесь ночь, и все как рукой снимет.

– Но ведь это кощунство. Боги рассердятся. Ты сам говорил.

– Тогда я хотел научить вас дисциплине, но сейчас все это неважно. Богов нет, или они давно умерли, а цель у святилища одна: подпитывать наши силы. Тебе это нужно.

Лайсве уселась на перину, разглядывая знакомые надписи на стенах. «Богов нет, или они давно умерли». Веломри никогда не поклонялись Ветру, лишь заманивали в ловушку, чтобы использовать его могущество. Благоговение, добронравие – все, чему ее когда-либо учили – обман. Так, может, и отцовская забота – просто зыбкий морок, который исчезнет, стоит ей ступить за порог отчего дома?

– Я искала Йордена, – неожиданно для себя разоткровенничалась Лайсве.

Отец пристально осмотрел ее, словно стремился прочитать.

– И как, нашла?

Легкий мыслетолчок, и слова будто сами собой вырвались наружу:

– Он был со служанкой. До сих пор слышу эхо их стонов, перед глазами – их развратные ласки. Это гнусно! А еще он говорил, как убьет меня и сделает хозяйкой свою любовницу, – она умолкла, истощенная речью. Ее лицо раскалилось от стыда. И зачем отец заставил ее чувствовать себя ханжой...

Его голос вывел из задумчивости:

– Ты узнала служанку? Скажи имя, и я тотчас выгоню ее, даже найму душегуба, чтобы избавиться от нее наверняка.

Он снова полез в мысли дочери.

По платью служанки растеклось кровавое пятно, померкла сверкающая улыбка, а прежде смуглая кожа стала мертвенно-бледной. Остыли длинные ловкие пальцы, густые темные волосы спутались и облезли с оголившегося черепа.

Нет! Не нужно никого убивать!

– Зачем? – Лайсве рванулась из нитей внушения. Отец опустил взгляд, разрывая мыслесвязь, и говорить сразу стало легче: – Йорден легко найдет себе другую, а об этой даже не вспомнит. Лучше отмени помолвку. Он унижил нас в нашем же доме и недостойн чести родиться с тобой.

Отец пробежал пальцами по впадинам, изучая надписи на стенах и бормоча под нос выученные еще в детстве имена великих предков.

– Боюсь, ничего не выйдет. – Он устроился рядом с ней на перинах. – Этот мерзавец нравится мне ничуть не больше, но так решил орден. Мы не можем противиться его воле. Единственное, что мне под силу, – припугнуть Йордена гневом Совета. Наглец не посмеет причинить тебе вред, иначе я вызову его на поединок чести и вспорю его гнилое брюхо.

– Какое мне будет дело до брюха Йордена, когда я отправлюсь к Тихому берегу? Я хочу жить, любить и быть любимой. Разве я многого прошу? – Лайсве стиснула зубы и глубоко задышала. Только не плакать!

Отец приложил ладонь к ее щеке, снова успокаивая внушением. За прошедший день она ощущала его дар на себе чаще, чем за всю жизнь.

Ну сколько можно? Она ведь не кукла, а человек!

– Ты любил маму? – ей с трудом удалось держать голос ровным.

– Конечно. Хотя наш союз тоже был сговорен в ордене, Алинка с первых дней в этом доме стала солнцем моей жизни. Когда она ушла, мое солнце померкло.

Лайсве тоже хотела быть солнцем для своего мужа, чтобы он был благородным и сильным, прямо как отец. Для такого она стала бы мастерицей и красавицей, лучшей из жен.

– Ты не изменял ей?

– При жизни – никогда, – он слабо улыбнулся, но в его голосе улавливалась едва заметная неискренность. Должно быть, мыслесвязь обернулась против него, и читающей стала Лайсве.

– А после смерти?

Отец вздрогнул и попытался отнять руку, но Лайсве успела ее перехватить.

– Ты ведь не нарушал свадебных клятв и не брал в постель служанок?

Отец отвел взгляд и ссутулился.

– Прошло слишком много времени с ее смерти. Мужчинам иногда надо...

Лайсве представила его с Бежкой в постели, в той самой, которую он делил с мамой. Ей стало гораздо больнее, чем от коварного плана Йордена. Она так старалась делать все идеально, хотя это никому было не нужно. Значение имели лишь наследник с даром, честь рода и влияние в ордене. Ее используют и выбросят, как хлам, который всем мешает. Сначала отец с Вейасом, а потом и муж. Быть может, и не стараться вовсе? Поступать неправильно, так, как хочет она сама. Вот только чего она желает? Не замуж уж точно! Мужчины! Верность для них – пустое слово, любовь к супруге, видно, тоже.

– Уходи! – потребовала Лайсве, отодвигаясь от него как можно дальше.

– Ты слишком юна и идеалистично смотришь на жизнь, хотя совсем ее не знаешь. – Отец покачал головой.

Ну и пусть!

Он тяжело вздохнул и захлопнул за собой дверь.

Ее лицо уже жгло от слез, а тело ломило от усталости. Лайсве распласталась на перине, разглядывая звезды через окно в потолке. Пускай темный суженый заберет ее от злых равнодушных людей в страну, где мужчины не изменяли своим женам и любили их до конца своих дней. Так она и уснула, моля Мрак поглотить ее.

Сон продлился недолго.

Сердце затрепыхалось, словно хотело выскочить и умчаться прочь от грядущего ужаса. Лайсве задышалась, глотая ртом воздух, и никак не могла унять дрожь.

Луна проникла в окно и затопила святилище серебристым светом. Багровая вуаль напозла на светило, вдоль подпиравших небо стен хлынула кровь. Толстый ее слой покрыл Лайсве с ног до головы – только это смогло унять боль.

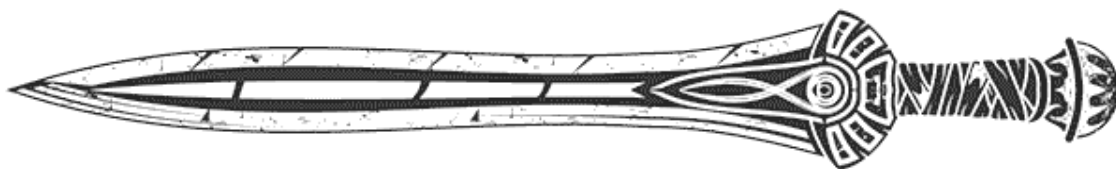
Грянул раскатистый рык, но не угрожающий, – зовущий. Вниз по стене спустился Огненный зверь и лег на пол, прижав к мощным лапам голову. Завороженная красотой танцующего пламени, Лайсве погладила косматую морду. Зверь отозвался басовитым мурлыканьем, почти

кошачьим, если бы кошки выросли размером с лошадь. До чего же он был красив! Пламя не обожгло, а лишь согрело и наполнило легкостью негнушащееся от кровавого панциря тело.

Ободренная, она вскарабкалась на широкую спину и вцепилась в лохматую гриву. Зверь плавно поднялся и взмыл вверх по стене к звездам. От стремительного полета захватило дух. Лайсве вскричала, упиваясь неведомой доселе свободой. Рядом со Зверем ничего не страшно! Она воздела руки к небесам, окуная пальцы в темные облака. Холодный воздух обжигал горло, но не пробирался под кожу. Зверь поднимался все выше и выше, мимо хрустальных дворцов небожителей, мимо застывших изваяниями бессмертных героев, мимо пасших тучные стада бородатых пастухов в остроконечных шляпах. Они приветствовали странников и махали руками на прощание.

Весь мир представлялся гигантским голубым шаром на плечах у дремлющего исполина, между ног которого катила черные воды Сумеречная река душ. Зверь нес туда багрянец рассветного шлейфа.

Именно этого Лайсве хотела на самом деле: повидать белый свет, узнать жизнь и обрести себя настоящую.

Его спозаранку разбудил конюх, деликатно коснувшись плеча. Они везде были добрые, видно, лошади смягчали горячий нрав.

– Вам велено собирать вещи. Мастер Йорден отбывает сегодня, – бесстрастно сообщил слуга, пока Микаш тер не желавшие открываться глаза.

– А охота, турнир, увеселения для гостей? – удивился он, вынимая из волос солому и стряхивая пыль с одежды. Празднества должны были продлиться до конца недели, а потом еще несколько дней позволялось погостить, чтобы отойти от обильных попок.

– Лорд Веломри велел возвращаться в Заречье, чтобы подготовить свадебную церемонию, достойную его дочери. Говорит, мастеру Йордену для этого придется прыгнуть выше головы.

Надо же, сколько презрения к будущему зятю можно выразить всего несколькими чопорными фразами. Лорд Тедеску будет недоволен, впрочем, без разницы. А вот принцессе жалко. Если бы только можно было ей помочь, но и дар, и воинская удаль против заведенных порядков бесполезны. Боги, Микаш даже себе помочь не в состоянии!

– В торцевом деннике племенной жеребец – подарок лорда Веломри. Сбруя висит на двери, твой хозяин непременно на нем ехать захочет, – конюх махнул рукой.

Микаш поднялся и пошел посмотреть. Поджарый караковый конь с густой длинной гривой и вправду был хорош. Почувяв человека, он высунул в проход точеную морду, покосился недобрый сорочьим глазом и ударил в дверь копытами.

– Горячий! – подмигнул конюх.

Великолепный подарок! Чтобы свернуть себе шею...

Собрав вещи в тюки, Микаш отправился в гостевые покои поговорить с хозяином. Дверь была нараспашку – слуги тащили к лестнице дорожный сундук. Внутри находился Йорден с друзьями, уже полностью одетыми и готовыми к отбытию. На Микаша никто не обратил внимания.

– Это непочтительно и нарушает все законы гостеприимства. Я буду жаловаться в Совет! – причитал Йорден.

Похоже, милостивая служанка послала его в дальние дали.

– А чего ты хотел? Сбежал вчера от невесты, вот и получай теперь, – Дражен развел руками.

– Так она в обморок грохнулась. Малахольная какая-то небось и родить не сможет.

– Не пори чужь. Ей от духоты поплохело, с кем не бывает. Да и не дурна она вовсе: юная, свежая, податливая. Сам бы с ней закрутил, если бы ты моим другом не был.

Микаш поморщился и спрятал глаза. Впрочем, Фанник тоже в разговоре не участвовал и просто глядел в окно.

– Ой, да что там пробовать, она ж поди ничего не умеет, – заспорил Йорден.

– Да ладно, сам молодую кобылку не объездишь? Или боишься? – Дражен ехидно усмехнулся.

Йорден вспыхнул.

Микаш закашлялся. Руки чесались расколотить ближний стул об их головы. На него снова не обратили внимания, и он зычно пробасил:

– Жеребец, которого вам подарили, совсем дикий. Лучше в седло не садиться, пока зареченские умельцы не обломают его как следует.

– Ага, если даже ласковой кобылки боишься, то на жеребца точно лезть не стоит, – не сдержался Дражен.

Йорден метнул в Микаша взбешенный взгляд.

– Дворянгу никто не спрашивал! – и, повернувшись к Дражену, визгливо закончил: – Да я не хуже тебя или зареченских умельцев в седле держусь!

Можно, конечно, внушить повиновение, но после вчерашнего было боязно. Лорд Веломри явно что-то заподозрил. А он не из тех, кто бросает слова на ветер.

– Ступай, разомни жеребца хорошенько, да поживее, увалень, – приказал Йорден и продолжил выпендриваться: – А вы еще будете глотать пыль из-под копыт моего коня.

Раз хочет, то пускай позорится. Одним разом больше, одним меньше – какая разница?

Микаш вернулся в конюшню и осторожно заглянул в денник. В жеребце чувствовался неукротимый нор. Чуть зазеваешься, повернешься спиной – тут же зубами вцепится и вырвет кусок кожи с мясом. Только после нескольких тумачков коня удалось поседлать. Микаш взял его под уздцы и повел во двор.

У выхода стоял брат-близнец принцессы. Насмешливые голубые глаза смотрели с презрением, улыбка на тонких губах напоминала оскал, а во всем облике сквозила нарочитость. Молчаливой затаенной враждебностью Вейас походил на отца, только силы не доставало, властности.

– Так скоро уезжаете? Это неучтиво, – явно издевался он. Впрочем, с простолюдинами было позволено почти все.

– Свадьба – дело хлопотное. Не хотелось бы разочаровать лорда Веломри и юную госпожу, – ответил Микаш, почтительно потупив глаза.

Что ж наследник Веломри над Йорденом не подтрунивает, кишка тонка?

– Да, сестра у меня самая лучшая и достойна только лучшего.

– Да.

Микаш посмотрел в его прозрачные глаза, словно заглянул в зеркало, где отражался кто-то очень жалкий. Они одновременно вздрогнули и отвернулись.

– Ну ничего, зато мастеру Йордену знатный подарок достался, – Вейас хлопнул коня по крупу. – Лучшего скакуна во всем Белоземье не сыщешь!

Жеребец прижал уши и уже наострился цапнуть Микаша за плечо, но тот успел шлепнуть его по морде ладонью.

– На таком скакуне только рыцарь ездить сможет, только доблести он подчинится, – продолжал насмехаться Вейас. – Ну, бывай, счастливого пути!

Он наконец удалился.

Микаш зашагал с конем по двору вдоль внутренних стен замка. Дозорные с любопытством наблюдали за ними, дожидаясь развеселого зрелища.

Утреннее солнце било в глаза. Жеребец постоянно дергался, взбрыкивал задом, вставал на дыбы. Копыта и морда так и норовили пнуть, стоило хоть на мгновение зазеваться. Жесткие поводья обжигали ладони, но Микаш терпел и лишь плотнее стискивал зубы.

Собирались вместе другие слуги, подгоняли повозки и кареты. Подтянулись господа. Последним явился сам Йорден. Микаш выправил стремяна и подвел коня к скамье, заставляя того стоять смирно. Хозяин едва потянулся к седлу, как жеребец шарахнулся в сторону. Микаш с трудом удержался на ногах, Йорден тоже чуть не рухнул и непристойно забранился. В живот врезался носок господского сапога. Не больно, – правда не больно, если вовремя поднапрячь мышцы! И только взгляд с крыши самой высокой башни жег затылок, сдавливал голову тисками чужой жалости.

«Нет, принцесса, не смотри на меня такого! Я чернь у ног хозяев, дворняга. Никто!»

Но странное дело: то, что доводило до неистовства его, успокаивало демона внутри. Как котенок, он сворачивался клубком и урчал, словно ластаясь к хозяйке, которую так долго и отчаянно искал.

– Одумайтесь, он слишком норовистый, – зашептал он на ухо Йордену.

– Вот видишь, даже дворняга считает, что наездник из тебя никудышный, – к ним подошел Дражен.

– Молчать! – Йорден влепил Микашу увесистую затрещину. – Ты это нарочно, да? Держи его крепче, на что тебе эти лапищи, а?

Микаш снова подвел коня к скамье. Йорден наконец-то взобрался в седло.

– Пусти! – приказал он.

Микаш отступил на шаг. Пускай грохнетя, может, тогда спеси в нем поубавится.

Конь начал тревожно перебирать копытами, взбрыкнул, извиваясь всем туловищем, подобно змее. Йорден кренился в разные стороны, грозясь выпасть из седла, но все-таки удержался.

Конь замер.

– Смотрите, я его усмирил! – похвастался тот.

Просвистел мелкий камень, врезался в напряженный круп. Жеребец подскочил и помчался к распахнутым воротам. Йордена качнуло вперед. Он повис на одном стремяне, едва цепляясь за гриву. Раздался треск, всадник вместе с седлом свалился в пыль, а конь понесся прочь от замка, сверкая подкованными копытами. Присутствующие дружно засмеялись, Дражен с Фанником – громче всех.

Йорден бранился и скулил сквозь зубы, пытаясь отскрести себя с земли. Микаш поднял его на ноги и отряхнул.

– Ах ты двуличная сволочь! Сын помойной сучары! – каждое оскорбление сопровождалось тумаком или оплеухой. Микаш молча терпел, но Йорден от этого свирепствовал еще сильнее. – Слышите, это он подрезал подпругу, он! Я бы не упал!

– Плохому танцору и ноги мешают? – ужалил его Дражен, не прекращая смеяться. – Догонять хоть будешь? А то конь вперед тебя до Заречья домчит.

От Микаша наконец-то отстали. Он обернулся к башне, откуда за ним до сих пор наблюдали принцесса и ее несносный братец. Молодец, шутник, – отвлек разговорами и подрезал подпругу на седле. Что за детская выходка такая?

«Я знаю, тебя терзает та же мука, что и меня. Наш мир – мир глупых условностей. То, за что мы готовы все отдать, достанется тому, кто этого не оценит. Оттого мы и полнимся бессильной злобой, а сделать ничего, совсем ничего не можем.»

Микаш не выдержал и мысленно отругал их: «Глупые дети!»

«Сам ты глупый! Как твое имя?» – отозвался в голове голос принцессы.

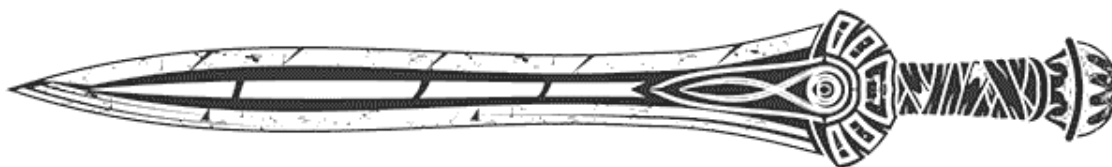
Снова отразила его дар?

«Никак. Я никто! Забудь меня, забудь все!» – В этот раз не получилось. Видно, не желал Микаш этого, не мог заставить себя пожелать. – *Не хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя*».

– Чего встал, увалень? Лови лошадь давай! – Йорден отвесил ему подзатыльник.

Конюх догадался вручить Микашу коня. Не сказав ни слова, он вскочил в седло и вдавил пятки в бока с такой силой, что лошадь сорвалась с места и помчалась за жеребцом, поднимая столбы пыли. Будто за ними гнались демоны. Микаш уже не слышал, как белоземские дозорные присвистывали за спиной:

– Горячий парень! Зареченская кровь огнем кипит!

Она проснулась от толчка в бок.

– Осквернила семейное святилище храпом, а, сестренка? Или скорее борьбой с одеялом, – раздался над ухом ехидный голос Вейаса. Он сидел рядом на коленях и по-лисьи усмехался своей шутке.

Лайсве недовольно фыркнула и огляделась. Перина смялась, а одеяло и подушки валялись по углам. Ночной гнев и принятые сгоряча решения растворились в памяти, как зыбкие сны, вместе с мечтами о странствиях и свободе.

– Не хмурься, а то похожа на сморщенную сливу. Держи, – Вейас достал из свертка пару теплых пирожков с зайчатинной и вручил Лайсве. Ее живот тоскливо заурчал, напоминая, что она не ела со вчерашнего утра.

– Тебя привел отец?

Сам родитель показываться не пожелал. И хорошо. Лайсве до сих пор злилась. Но наверное обижаться было глупо: мужчины все такие.

– Нет, он отдал мне ключ. Сказал, что я должен привыкать к ответственности. Теперь я почти хозяин замка. – Брат выпятил грудь бочонком, показывая висевшую на шее цепь. Теперь он сможет приходить сюда, когда захочет, а Лайсве придется уехать к чужим людям и их неведомому богу. Вдруг он не примет ее, как не принял жених? – Чего ты все грустишь? Улыбнись!

В свертке осталась корзиночка из песочного теста, наполненная джемом и сливочным кремом. Вейас испачкал в нем палец и измазал сестре лицо.

– Теперь у тебя усы и борода, как у мужчины, а значит, уезжать никуда не придется.

Она печально улыбнулась и вытерлась. Какой Вейас все-таки ребенок. Даже хуже нее.

– Ты знаешь, что это невозможно. Да и не хочу я здесь оставаться. Отец за меня не заступится.

Вейас покривился.

– Тогда давай сбежим и будем странствовать вместе. Не хочу быть цепным псом ордена, как отец, и выпрашивать милости ценой жизни близких.

– Не читай мои мысли так нагло! – Лайсве ткнула пальцем ему в лоб, не сдержав улыбки. Какой он хороший, самый лучший брат на свете! Он никогда не променяет ее ни на привилегии, ни на служанок. К сожалению, побег был лишь ночными мечтами, коим нет места под сенью дня. – У тебя дар. Твой долг – защищать людей от демонов. Я не хочу мешать тебе исполнять божественную волю и должна покориться своему предназначению.

– Перестань повторять слова нянюшки и поучения из ветхих книг! В них давно никто не верит. Сегодня было лунное затмение, ночь мертвецов, и мы с Бенасом и недотепой Колье ходили на кладбище простолюдинов. Бенас до зари заставлял скелеты плясать на могильных плитах. Жаль, что кузен Петрас не смог приехать из-за траура по отцу. В такую ночь он бы оживил что-то поинтересней костей с черепушками. И никакой гнев богов нас не остановил. Их придумали, чтобы ограничивать людей, навязывать волю ордена, которая выгодна лишь тем, кто стоит на вершине. Мы сами себе хозяева, хозяева этого мира. И не обязаны подчиняться ни богам, ни ордену, ни даже родителям, если того не желаем.

Через окно на потолке просматривалось ясное небо. Неужели там в самом деле никого нет, неужели никто не наблюдает сверху, не помогает и не направляет мудрой волей? Люди приходят из ниоткуда и уходят в никуда. Тогда зачем все это: замужество, родовые схватки, дети, которых придется отдать чужим людям, болезни, старость и, наконец, смерть?

Что-то звякнуло в вышине, загремела труба, выпуская голубоватое облачко. Оно вспыхнуло, окатив Лайсве теплой волной, и исчезло.

– Что это было? – спросила она.

– Я ничего не видел. Ты здесь всегда такой странной становишься, – нахмурился Вейас. – Пойдем, я знаю, что тебя развеселит. – Он взял ее за руку и потащил за собой.

Труба жалостливо звякнула на прощание.

Неужели брат не слышал?

Потайной ход привел в южную башню. Поднявшись по винтовой лестнице, близнецы выбрались на крышу и уселись между зубцов, свесив ноги наружу. Отсюда как на ладони просматривался внутренний двор, где всюду суетились слуги: запрягали в кареты и повозки лошадей, таскали сундуки с вещами, усаживали господ в седла.

– Кто-то уезжает? Почему так рано? – Лайсве удивленно моргнула. Торжества должны были продлиться еще несколько дней. Сегодня намечалась охота, завтра – состязание бардов-рунопевцев, а послезавтра должен был пройти турнир.

– Женишок твой, – Вейас кивнул в сторону знакомой пухлой фигуры в коричневом кафтане. Из-за плохого кроя одежда топорщилась и морщинилась на спине.

Может, и правда не стоило выставлять семейное богатство напоказ? Тем более замок обычно жил скромно и просыпался, лишь когда отец возвращался из походов.

– Отец велел ему убираться. Сказал, что ему понадобится немало времени, чтобы устроить церемонию, достойную тебя, – ухмыльнулся брат.

– Ему даже не позволили погостить на празднике в свою честь?

Унижения Йордена не радовали: скоро его род станет и родом Лайсве. Если будут презирать его, то и ее тоже.

– Какое почтение может быть к тому, кто тебя бросил? – Вейас погрозил кулаком. – Правильно отец сделал, иначе я бы сам сбил спесь с его наглой рожи.

Мужчинам лишь бы оружием бряцать, а наперед подумать никто не хотел. Но все же хорошо, что отец услал Йордена, иначе она сама отрядила бы ему парочку хлестких пощечин.

– Не переживай. Съешь лучше пироженку, а то совсем как те скелеты станешь, – Вейас протянул сестре последнюю корзиночку из свертка.

Рослый слуга тем временем водил по двору племенного жеребца, известного злым нравом. Юноша сутулился и косолапил, будто пытался казаться незаметным, но вместо этого напоминал ярмарочного медведя и привлекал еще больше внимания. Ему приходилось постоянно увертываться от норовившей цапнуть его морды, но справлялся он на удивление ловко – белоземцы бы так не смогли.

Йорден взобрался на скамейку, когда слуга подвел к нему жеребца и выправил стремяна из седла. Стоило жениху вдеть в одно из них ногу, как конь шархнул, чуть было не смяв

суетившихся рядом людей. Едва удержавшись на скамье, тот выругался и пнул слугу в живот сапогом.

Лайсве прижала ладони ко рту. Не повезло ему с хозяином: этот удар, наверное, причинил много боли. Но вместо жалоб и заискиваний юноша лишь расправил плечи и с презрением посмотрел на Йордена, словно сам был господином.

– Ух, какой твой женишок неучливый, – Вейас хрустнул костяшками пальцев и достал из-за пазухи рогатку с камнем. – Ничего, сейчас покажем ему, где раки зимуют.

Слуга снова подвел коня к скамейке и встал впереди, держа поводья у самой морды. Йорден вскарабкался в седло, после чего слуга отпустил их. Вейас прицелился из рогатки и выстрелил камнем в жеребца. С пронзительным визгом конь взвился на дыбы. Йорден повис на одном стремяни и вместе с седлом рухнул в пыль, а жеребец умчался за ворота.

Двор огласил дружный хохот вперемешку с проклятьями.

– Ты подрезал ему подпругу, – Лайсве покачала головой, но все же улыбнулась. Какой же он жалкий, ее женишок.

Вейас кивнул, покатываясь со смеху.

К Йордену снова подоспел слуга, поднял его на ноги и отряхнул одежду. Жених надавал ему оплеух и принялся браниться, указывая то на седло, то в сторону ворот. Видно, требовал, чтобы тот бежал догонять подарок.

– Какая девица-белоручка! Интересно, испытание за него тоже этот ручной медведь проходил? – насмеялся Вейас. – Может, еще разок выстрелить? Пускай слуга затопчет этого нюню!

Юноша обернулся, будто заметил их. Лайсве не могла разобрать выражение его лица, но ощутила во взгляде укоризну. Это мигом отрезвило ее.

– Не стоит. Бедняге и так досталось.

Вейас пожал плечами и спрятал рогатку.

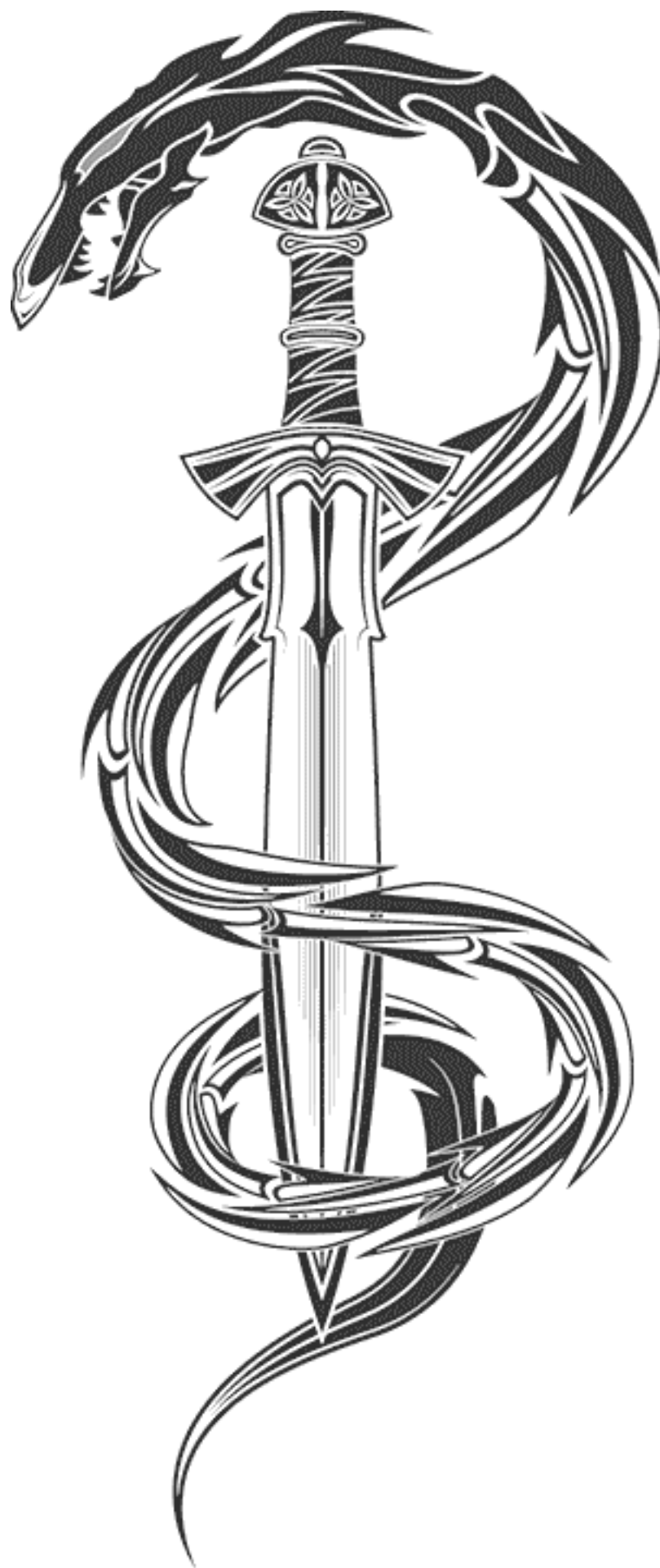
«*Глупые дети!*» – прозвучал в голове уже знакомый голос суженого.

Что же это было: сон или явь? Кто он и где?

Лайсве не выдержала и спросила прямо: «*Сам ты глупый! Как твое имя?*»

Ответом было лишь ржание и трехтактная дробь копыт по мостовой, когда слуга запрыгнул на коня и помчался сумасшедшим галопом.

Глава 6 Горевестница

1526 г. от заселения Мунгарда.

Белоземье, Веломовия

Артас наблюдал с балкона за показательным поединком сына и рыцаря из ордена. Глаза резало от лучей яростного весеннего солнца. Он прикладывал ко лбу руку козырьком, чтобы разглядеть площадки для тренировок во внутреннем дворе замка.

Вейасу не хватало ловкости, навыка, смекалки. Все выпады были до скуки предсказуемыми, а неуклюжая техника оставляла бреши в защите и не позволяла наносить решающие удары. Его противник – костлявый безусый молодчик из бедного рода – поддавался. Артас заплатил ему накануне, но даже это не спасало положение. Во время очередного парирования удара Вейас запутался в ногах и споткнулся, едва не налетев на «вражеский» меч.

Бестолочь!

Противник шархнулся в сторону и испуганно глянул на балкон. Артас подал знак заканчивать. Хватит позора на сегодня.

– Не переживай так.

По плечу похлопал Кейл, старый друг и соратник. Его прислал Совет Сумеречников, чтобы испытать силы Вейаса и рекомендовать его на место в ордене. Моложавый и подтянутый, с копной курчавых, темно-каштановых волос, ровесник. Он поможет все замять. Артас его из стольких передраг вытаскивал, да из каких! Из карточных долгов, пьяных драк и плена иблисов в далеком Эламе.

– Он же юнец совсем. Приставим к нему компаньона посмышленей, и, глядишь, за пару лет походной жизни научится и с какой стороны за меч держаться.

– Лишь бы он до этого светлого дня дожил, – пробормотал Артас. Он сам даже в детстве к обучению относился куда серьезней, а со времен испытания не проиграл ни одного тренировочного боя. Разжижалась, видимо, старая кровь. Уступить низкорожденному считалось позором, а этой бестолочи и дела нет до этого.

Вейас привалился к стене рядом с темной нишей. Дыхание перевести нужно, как же! Да только издали было заметно, как он с кем-то перешептывался, самодовольно ухмыляясь.

С Лайсве, конечно! Близнецы еще в утробе матери были неразлучны, во всех шалостях участвовали вместе, делили пополам невзгоды и радости. Скоро их пути разойдутся: его ждет судьба Сумеречника и наследника рода, а ее – жены и матери.

Почему дети так быстро растут? Еще вчера Артас укачивал их, совсем крох, на коленях, а сегодня должен отпустить во взрослую жизнь. Сколько лет было потрачено на походы. Если бы он больше занимался воспитанием детей, может, они бы лучше подготовились к тому, что их ждет за порогом родового замка.

«Лайсве, моя любимая доченька, что я буду делать, когда в следующий раз вернусь домой, а ты не выбежишь из ворот мне навстречу? По чьей глупой прихоти мне приходится отдавать свой алмаз мерзавцу, который его даже оценить не в состоянии?»

После помолвки Лайсве заперлась у себя в спальне и устроила голодовку. Артас, конечно, не сильно беспокоился. Сердобольная нянька Эгле на пару с Вейасом таскали ей еду с кухни, а сама дочь выбралась погулять тайком уже на второй день. Артас притворялся, что ничего не замечает, позволяя ей напоследок насладиться свободой, и жалел, что не может больше ничего для нее сделать.

Нужно им помириться. Хотя бы попробовать.

– Лайсве! – позвал Артас. Худенькая фигурка внутри ниши вздрогнула, но все же выскользнула из тени. На ней было короткое платье небесно-голубого оттенка, в котором она казалась совсем ребенком. Как можно ее выдать замуж? – Возьми меч и покажи, чему научилась, когда за братом подглядывала.

Близнецы удивленно переглянулись друг с другом. Вейас вложил сестре в руки оружие и подтолкнул к середине двора. Мальчишка-поединщик ошалело взглянул на балкон. Видимо, с девушками драться ему не приходилось, но послушаться приказа он не посмел и встал наизготовку. Его руки тряслись.

– Что ты задумал? – Кейл подался вперед.

Артас приложил к губам палец и кивком указал на дочь.

Она несколько раз взмахнула мечом, примеряясь, гордо вскинула голову, убрала за спину косы и в точности повторила стойку поединщика. Кейл хохотнул. Расслышав насмешку, Лайсве напряженно выпрямилась и без сигнала ринулась в бой. Поединщик едва устоял на ногах, суматошно отбиваясь и следя, чтобы не задеть ее. Артас едва сдержал торжествующую ухмылку. Лайсве чудо как хороша! Точно с Вейасом втайне удары отработывала. Точнее заставляла *его* отработывать. Гибкая как кошка, ярости столько, что на сотню саблезубых демонов хватит. Вероятно, давно хотела себя показать, да никто не интересовался.

А как она старалась-то! Вот бы каплю ее упорства Вейасу. Ан нет, бестолочь – он и есть бестолочь. Еще и жалуется постоянно. Лайсве было намного труднее: мышцы не наработаны,

выносливости совсем нет, а дыхание сбилось. Но не сдастся, отчаянная. Ух! Следующий удар был хорош настолько, что поединщик аж попятился. Видно, не до конца старая кровь прогнила.

Еще несколько хлестких выпадов, и Лайсве начала выдыхаться. Утерла пот. Снова атаковала. К сожалению, рассчитывать и сохранять силы ее никто не учил – не стоило вкладывать все в первые удары. Поединщик неловко увернулся, задев ее плечо. Выступила кровь.

Вот почему женщин к драке не допускали: вид их ран непереносим!

– Стойте! – выкрикнул Артас.

Его не услышали.

Лайсве замахнулась, поединщик контратаковал. Она словно предугадала его действия, вывернулась и выбила меч из рук.

– Я победила! – возликовала она, задорно взмахнув клинком над головой.

Перепрыгивая сразу через две ступени, Артас сбежал по лестнице и поспешил к дочери.

– Ты проиграла: поединок был до первой крови. – Вейас указал на потемневший лоскут рукава.

Лайсве уставилась на отца несчастным взглядом.

– Я проиграла, – повторила она осипшим голосом и уронила меч.

Артас протянул руку. С его губ почти сорвались уверения, что бой был великолепен и... Но Лайсве уже умчалась, не позволив даже осмотреть рану. Он ведь хотел как лучше!

– Чего это она? – недоумевал Вейас.

Артас отвесил ему подзатыльник.

– Думать иногда надо, прежде чем говорить, дурень!

Вейас потупил взор и потер ушибленное место.

– Весело у вас тут, – к ним подоспел Кейл и покрутил пальцем у виска. – Ты совсем рехнулся?

Наверное, так оно и было. Не мужское это занятие – детей воспитывать, особенно девочек. Что таилось у нее на уме? Теперь даже прочитать не выходило.

Артас кинул монету поединщику. Тот был белее простыни и клацал зубами. Думал, наверное, что его на ближайшей осине вздернут. Артас и вздернул бы, вот только чувствовал, что сам виноват.

Вейас убежал разыскивать Лайсве, а Артас и Кейл возвратились на балкон.

– Какой демон тебя в ребро ударил? – встревожился старый друг.

– Но Лайсве была хороша, согласишься? – Сейчас Артас больше всего желал, чтобы его дочь родилась мальчиком.

– Для девчонки, – Кейл пожал плечами.

– Видел бы ты ее в святилище. Ветер даже мне так не отвечает. А когда я пытался успокоить ее во время помолвки, она, кажется, обернула мой дар против меня. Можешь себе представить?

– К чему ты клонишь? – У Кейла детей не было, и он явно не понимал, почему Артас бунтует против древних порядков.

– Ее дар мог бы служить на благо ордена гораздо лучше, если бы ей не пришлось так рано выходить замуж. Не в битвах, конечно, и не в храме, но в Круге судей или книжников. Я слышал, туда берут девушек с даром.

– Поверь, Артас, ты не захочешь такой участи для дочери, – печально ответил Кейл. – Неужели ее жених настолько тебе не по нраву? Какой у него дар?

– Оборотень. Шакал, – последнее слово Артас выплюнул, как проклятие.

Кейл рассмеялся.

– Тогда не тебе, дорогой друг, переживать надо. Если у твоей дочери действительно сильный дар, стоит ей только с ним освоиться, и этот шакаленок начнет прыгать перед ней на задних лапках как левретка.

– Но он безответственный слюнтяй и идиот, похуже Вейаса будет. На такого положиться нельзя. Если что случится, Лайсве останется со своими проблемами совсем одна.

– Юноши сейчас все такие. Поверь, то, что показал сегодня твой сын, далеко не худший вариант.

– Лучше бы ей выбрали кого-то из наших, небесных: мыслечтецов или, быть может, ветроплавов.

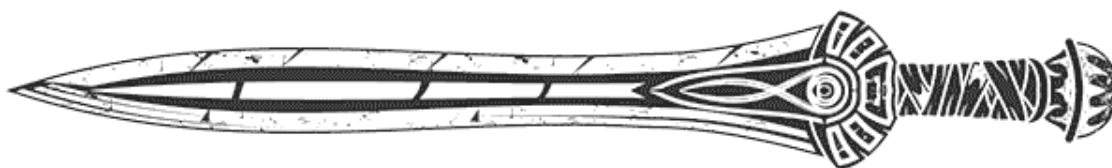
– Ветроплавов? – Кейл поперхнулся собственным смехом и посерьезнел. – Уж не задумал ли ты с авалорскими выскочками Комри породниться?

Артас понимал, что это было невозможно. Способность плавить воздух в невидимые снаряды и щиты считалась самым мощным даром Сумеречников. Его обладатели редко брали в супруги не себе подобных. Авалорского маршала Комри так и вовсе некоронованным королем величали, а количество его побед впечатляло даже лорда Веломри, хотя они лично ни разу не пересекались.

– По крайней мере, они благородны и чтут Кодекс, – угрюмо отозвался Артас.

– Гордыня тебя погубит, – друг хмуро покачал головой и отвернулся. – Женский дар – проблема мужа, а не отца. Ты должен отпустить дочь. Лучше подумай о сотне воинов, которую твоя армия получит, как только Лайсве отправится к алтарю вместе с шакаленком. У тебя еще есть сын, который запросто может провалить испытание или даже погибнуть, если мы ему не подсобим. Чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать. Помни это, Артас.

Он промолчал. Жертвовать дочерью ради сына казалось ему неправильным.

Подперев дверь спальни тумбой, Лайсве улеглась на кровать. На белоснежной простыне остались кровавые следы, но рана не болела. Почему все были так уверены, что Лайсве – хрустальная ваза, которая от любого неловкого движения разобьется?

Эх, еще бы самую малость, и победила бы! Хотя какое кому дело? Отец решил друга развлечь, а с поединщиком все заранее сговорено было. Он поддавался, а ей так хотелось сражаться наравне. Но это было невозможно: девушек не берут в воины, они должны ждать мужа у очага, рожать детей... Пока сам муж развлекается с очередной служанкой.

Лайсве встала и распахнула окно. Повеяло весенней свежестью, смешанной с ароматом цветущих яблонь. Сладко так, раздольно. Она хотела сбегать на речку, забраться на самую высокую ветку векового ясеня в ожидании, когда с приветственным клекотом вернутся с зимовки журавли. Но она уже не дитя, ей нельзя. Хотела помолиться Ветру и Небу, попросить совета и поддержки, но богов тоже нет. Они были лишь выдумкой, чтобы подчинять людей и навязывать свою волю. Дар, получается, вовсе не божественный, а может, даже демонический, ведь демоны-то существуют. Весь трофейный зал их рогами и шкурами забит. Значит, никакие Сумеречники не избранные, – просто обманщики, точно демоны. И сражаются они с себе подобными, только чтобы самим больше досталось.

Тяжело без богов. Ничто не имеет смысла: ни женская доля, ни мужская, ни даже сам орден. Где добро и где зло? Каким должен быть миропорядок? За что стоит сражаться?

– Сестренка, хватит дурить, открывай! – раздался за дверью голос Вейаса. – Отца здесь нет.

Лайсве отодвинула тумбу. Следом за братом в комнату заглянула нянюшка и, охая, осмотрела рану. Вскоре примчалась Бежка с тазом кипяченой воды, бинтами и заживляющей мазью на пчелином воске. Вейаса тут же выгнали, а Лайсве раздели и перевязали.

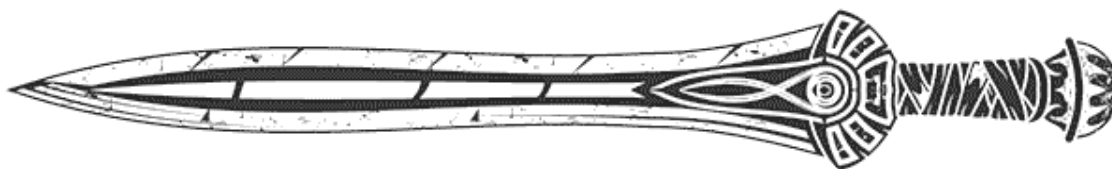
– Ты как? Сильно болит? – сочувственно спрашивал брат из-за притворенной двери. – Хочешь, я с кухни олады стащу? Хочешь, тот оберег из медвежьего когтя у резчика выкуплю? А хочешь... хочешь... Ну, скажи, чего хочешь, я все сделаю!

– Не хочу! – выкрикнула Лайсве, когда брат стал невыносим.

Не слушая возражений, она вытолкала служанку и нянюшку из комнаты и снова придвинула тумбу. Как же они надоели со своей жалостью! Она со всем справится сама!

Ветер недовольно зашелестел занавесками.

– Отстань! – разозлилась Лайсве и захлопнула ставни. – Тебя нет, значит и разговаривать со мной не смей! Я тоже больше не буду... Никогда!

Побыть в одиночестве не удалось: отец велел начинать сборы. Слуги укладывали ее вещи в сундуки, словно не хотели, чтобы здесь осталось хоть малейшее напоминание о ней. Лайсве отправилась бродить по замку, по всем открытым и тайным галереям, поднималась на все башни, прощалась с каждым камнем. Время неумолимо убегало. До конца детства остался всего один день, а дальше – пугающая неизвестность.

К церемонии взросления Лайсве нарядили в платье из золотой парчи. Корсет затянули так, что из глаз хлынули слезы, на ноги надели неудобные узкие туфли, в высокую прическу вплели колючие белые розы.

Отец уже не вел Лайсве под руку: ее место теперь сбоку от хозяйского стола, вместе с женами и дочерьми знатных рыцарей. Слуга подвинул для нее стул, налил в кубок вина, положил что-то на тарелку – Лайсве не следила.

Отец произнес долгую напутственную речь, поздравил брата со вступлением во взрослую жизнь. Дядюшка Кейл зачитал послание Совета.

– Тебе, Вейас, наследник рода Веломри, надлежит отправиться в Чернолесье в Докулайской долине, – зычно выкрикнул он. Это место находилось в сердце соседней страны Кундии. Не настолько близко, чтобы заподозрили, что все подстроено. – Чтобы пройти испытание, ты должен принести оттуда шкуру белого варга. Не черного, не бурого, не рыжего, а белого, запомнил?

Вейас с серьезным видом кивнул, а потом рассмеялся. Отец приподнял руку, чтобы ответить ему подзатыльник, но под внимательными взглядами гостей передумал и тоже выдал из себя подобие улыбки.

Присутствующие расслабились, и отец подал знак начинать пир. Женщины за столом обсуждали наряды, прически, досужие сплетни. Лайсве не вслушивалась в разговоры, кивала невпопад, отвечала односложно: «да», «конечно», «я вас понимаю». Во время танцев отказывалась от приглашений, ссылаясь на ревнивого жениха. Хоть на что-то сгодился. А ложь... если богов нет, кто ее осудит?

Когда слушать старушечьи сплетни и наблюдать за весельем не осталось сил, Лайсве вышла освежиться на балкон. Ночное небо заволокли тучи, скрыв звезды с луной. Парило. Воздух стал зыбким и не двигался. Так тихо бывало только перед бурей.

Снизу доносились недовольные выкрики стражников. Похоже, кто-то явился без приглашения и с боем прорывался на пир.

Лайсве перегнулась через перила, надеясь хоть что-то разглядеть в темноте. Взвыл ветер. Одна из роз вырвалась из ее прически и полетела вниз. Во мраке сверкнули белесые глаза.

– Пустите! – заскрежетал старческий голос. – Я несу весть от богов. Не смейте меня задерживать!

Сердце тревожно екнуло. Нет, не может быть, это все нянюшкины сказки! Надо предупредить.

Лайсве подобрала юбки и бросилась обратно в зал. Отец стоял у хозяйского стола и беседовал с дядей Кейлом. Она спешила к ним, протискиваясь между танцующими, но ее постоянно останавливали и лезли с расспросами.

– Плохие новости из Эскендерии, – мрачно сообщил Кейл, разворачивая какую-то бумагу. – Орден потерял Сальвани окончательно и бесповоротно. Заговорщики-пресветловерцы убили Императора и спалили столицу Констани.

– Зачем ты выдаешь вчерашние новости за новый пожар? – упрекнул его отец.

– Вы знаете, там... – вмешалась Лайсве, встав между ними.

– Не сейчас. У меня важный разговор, – отец отодвинул ее.

Кейл продолжил:

– Из Сальвани в северные страны идет огромный поток беженцев, причем не только лояльных ордену. Даже пресветловерцы удирают от ими же развязанной войны. На дорогах неспокойно.

– Уж сколько лет эта заварушка тянется! – упорствовал отец.

– У меня более насущные известия! – Лайсве еще раз попыталась привлечь их внимание, но на нее снова шикнули.

Кейл отвел взгляд, словно собирался сообщить огорчительную весть.

– Дослушай! Совет все силы направляет на подавление мятежа и наведение порядка на подвластных территориях. Тебе не смогут выделить ни одного воина.

– Но это не ради моего развлечения! – возмутился отец. – Гулей надо добить сейчас, иначе снова расплодятся, и все наши жертвы будут напрасны.

Кейл бессильно развел руками.

Почему отец не мог хоть на миг забыть о делах ордена, чтобы позаботиться о близких? Ведь завтра их может и не стать!

Сжав кулаки, Лайсве закричала:

– Вельва у ворот!

Пламя свечей померкло. Стемнело и похолодало, точно на кладбище. Утихли музыканты, плясуны испуганно замерли, разговоры истлели. Все взгляды устремились на Лайсве. Даже неунывающий Вейас побледнел и подобрался ближе.

Раздались тяжелые шаги, отражаясь эхом в высоких каменных сводах. Скрипнули двери. Присутствующие обернулись к выходу.

На пороге показалась невысокая коренастая фигура в темном балахоне. Капюшон отлетел на спину, взметнулись жидкие седые волосы. На изрезанном морщинами лице полыхнули слепые белесые глаза.

Гости словно по команде сдавленно выдохнули и посторонились. Старуха продвигалась вперед точно улитка, шаркая и отбивая узловатой клюкой монотонный ритм по полу. Никто не смел преградить ей дорогу.

Отец неестественно выпрямился, закрыв Лайсве собой и схватив Вейаса за руку.

– Артас Веломри, почему твои стражники не пускали меня на праздник? – прохрипела вельва, остановившись у возвышения для хозяйского стола. – Неужто совсем старые порядки забыли? Или возгордившимся охотникам уже и дела нет до божественной воли? Она нас породила – она и убьет.

Как хорошо, что вельва не слышала их святотатственные речи. Богов, может быть, и нет, но горевестницы способны такую судьбу напророчить, что потом вовек не расхлабаешь.

Отец вздрогнул.

– Чего ты хочешь, старуха?

Кейл подался вперед, намереваясь встать между другом и вельвой, но стоило ей лишь поднять на него слепые глаза, и он отшатнулся.

– Как и всегда: огласить волю богов.

Отец оттянул воротник и сглотнул.

Голос вельвы возвысился и бичом хлестнул по каменным сводам:

– Ветер велел, чтобы твой сын отправился в Нордхейм и добыл клыки вэса.

Вейас едва слышно присвистнул.

Нордхейм? Но из ледяной пустыни на краю света никто не возвращался. И что за вэс?

Лайсве взяла брата за свободную руку, приободряя.

Гости не смели даже шелохнуться, не то что заступиться за Вейаса. Вельвы всегда появлялись в преддверии лиха – не обыденной смерти, а голода, засухи, нашествия или мора. Поэтому их прозвали горевестницами и боялись даже сильнее Жнецов – костянокрылых сборщиков душ.

Лайсве хотела было выйти вперед, чтобы защитить брата, но отец толкнул ее обратно.

– Мой сын отправится в Чернолесье и добудет шкуру белого варга. Так назначил орден.

Отец перевел взгляд на Кейла. Тот пожал плечами и понурил голову.

– Подкупленный твоим золотом орден не властен над божьим промыслом, – злобно каркнула карга. – Судьба твоего сына в Нордхейме, не в Чернолесье. Такова воля даровавшего вам силу Ветра.

– Ветер безумен, если такова его воля. Мой сын не станет служить безумцу!

За окнами сверкнула молния. Громыкнуло так, что зазвенели оконные стекла. Дождь зашелся барабанным боем по крыше. Как будто бог слышал, все понял и разозлился.

– За гордыню свою, Артас, наказан будешь, – белесые глаза вельвы грозно сверкнули. – Прервется твой род: не вернется сын с испытания. И сокровище свое тоже неохранишь. Дочь увянет, как и ее мать, на родильном ложе.

Шея отца побагровела.

– Как смеешь ты, горевестница, являться в мой дом без приглашения и вещать о смерти моих детей?

Он подался вперед и взмахнул рукой, будто собирался ударить.

Кейл повис у него на плечах и крикнул:

– Остановись, так нельзя!

– Лайсве! – вскричал Вейас и метнулся к ней.

Все поплыло у нее перед глазами. Громадное клыкастое чудовище раздирало брата на ошметки. Лайсве – истерзанная и в поту – истекала кровью на белых простынях. Демоны хохотали у ее ног и уносили так и не глотнувшее воздуха дитя в ледяной ад.

Стемнело.

Глава 7

Вызов судьбе

1526 г. от заселения Мунгарда.

Белоземье, Веломовия

Лайсве очнулась на кушетке в одной из просторных нежилых комнат на втором этаже. Было затхло и холодно, потому распалили камин в углу. Дымоход отсырел, и смолистые сосновые дрова сильно коптели. Окно было распахнуто. С улицы доносился шум дождя и завывания ветра. Хорошо хоть молнии больше не сверкали.

Отец метался из угла в угол, как загнанный в клетку зверь. Вейас наблюдал за ним, развалившись в кресле рядом с сестрой.

Открылась дверь. На пороге показался уставший и осунувшийся Кейл.

– Я извинился перед гостями и отправил их отдыхать. Завтра на рассвете они покинут замок.

Отец горестно вздохнул и продолжил мерить шагами комнату.

– Замять случившееся не получится. Зря ты набросился на вельву. Все-таки она посланница богов, – Кейл снова попытался достучаться до него.

Артас остановился. В его голубых глазах полыхала ярость.

– Зря ты не позволил мне ее удушить! Демонова горевестница! Кто дал ей право распоряжаться судьбами моих детей?

– Возьми себя в руки. Через пару недель отправишь сына в Лапию, а я подыщу ему толкового компаньона. Там они добудут клык какого-нибудь моржа и принесут его как трофей. Все равно этого вэса никто не видал.

– А как же моя дочь?

– А что дочь? Поедет к жениху в степь, как и собиралась, – Кейл недоуменно повел плечами.

Отец зло прищурился, прижал друга к стене и ударил кулаком рядом с его головой так, что посыпалась штукатурка. Кейл побледнел и не смел даже шелохнуться.

– Никто никуда не поедет. Мои дети останутся здесь. А орден пусть засунет свои привилегии себе же в задницу! – прошипел отец. – Можете считать это изменой. Можете лишить меня титулов. Можете осаждать мой замок. Можете даже сжечь, как бунтовщика, но в угоду сумасшедшим старухам и непомерным амбициям ордена жертвовать семьей я не стану!

– Артас! – Кейл вырвался из захвата и ретировался к двери. – Я вернусь завтра, когда ты проспешься. Южное вино совсем затуманило твой разум.

С этими словами он вышел и закрыл за собой дверь.

– Умереть в вечной мерзлоте в когтях неведомой твари или на костре как бунтовщик – даже не знаю, какая участь мне нравится больше, – Вейас расхохотался.

Отец вlepил брату оплеуху, от которой его губа треснула и по подбородку побежала темная струйка.

– Разве ты не понимаешь, что все серьезно? Наш род может прерваться: наши владения, подвиги, божественный дар – все канет во Мрак, потому что некому будет принять наследие. Имя наше вычеркнут из родовых книг, и мы не останемся жить даже в людской памяти. Исчезнем. Навек!

Вейас вытер кровь рукавом и поморщился.

– Кому какое дело, что будет после смерти? Я хочу жить ярче, чем звезды. Я мог бы отправиться в Нордхейм и добыть демонов клык, если бы ты в меня верил. Думаешь, я не замечаю, что каждый раз, когда берусь за меч, ты уверен, что я проиграю? Не замечаю, как ты

подкупаешь поединщиков и посланников из ордена, чтобы выбить мне легкое испытание? А может, у меня все получится и без поблажек, если ты дашь мне шанс!

Вейас последовал примеру Кейла и громко хлопнул дверью.

Отец сел рядом с Лайсве и принялся вынимать шпильки из ее волос, поглаживая и распуская пряди.

– Ты тоже меня осуждаешь? – в отчаянии спросил он.

Она коснулась его щеки. Морщины в уголках глаз и на лбу углубились – теперь точно пальцами не разгладить. В светлых волосах прибавилось седины.

– Вельва ушла?

Он кивнул.

– Я видела это... Нашу судьбу.

Отец нахмурился и забормотал что-то странное:

– Отражение? Быть не может. Ты ведь толком ничего не умеешь.

– И не научусь. От судьбы не убежишь, – Лайсве слабо улыбнулась.

– Нет, мы еще поборемся. Просто не будем следовать ей, и все. Заживем свободно, как захотим.

Ей на лицо что-то капнуло. Разве мог отец плакать? Как жаль, что она наговорила ему столько неприятных вещей сгоряча. Он был таким ранимым, еще хуже Вейаса.

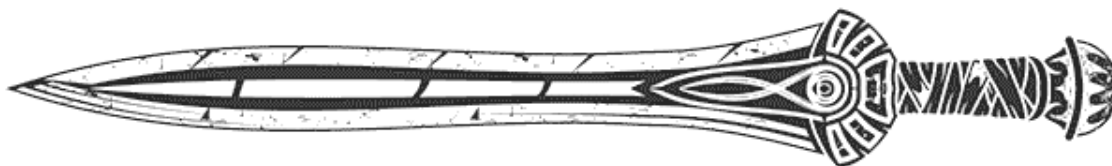
– Заживем. Главное выжить, – подбодрила его Лайсве строчками из Кодекса.

Он вздохнул и слабо улыбнулся в ответ.

– Ты, должно быть, устала. Я отнесу тебя в святилище.

– Нет. Лучше в спальню.

Отец не настаивал.

Лайсве не могла уснуть. За окном шумел дождь.

Бродячие барды-рунопевцы именовали Белоземье краем голубых озер. Местные жители посмеивались над величавым прозвищем и про себя добавляли: «В котором три четверти года идет дождь, а еще одну – валит снег». Но они любили свою непогоду и заболоченные леса и не согласились бы променять их даже на зной и плодородный чернозем соседей-степняков из Заречья.

В эту ночь ветер бесновался особенно яростно, кричал, почти как отец накануне. Поймите меня! Успокойте! Но Лайсве отказывалась воспринимать его, как живого. Как бога. Лучше считать, что его нет вовсе, чем верить, что он ниспослал им такую жуткую участь.

Сомкнуть глаза удалось лишь за несколько часов до рассвета, когда дождь вконец стих. С первыми лучами солнца весь замок ожил и загудел, словно гигантский муравейник. Гости собирались в дорогу.

Лайсве оделась и пробралась в библиотеку – просторную светлую комнату на первом этаже, уставленную подпиравшими потолок стеллажами. Благо домочадцы были заняты, ведь ей совсем не хотелось слушать пересуды о вчерашних пророчествах. В толстенных фолиантах о демонах и истории ордена она надеялась отыскать что-нибудь о Нордхейме и все, но хранившиеся там сведения были до ничтожного скудны. Ледяная пустыня была мертва и безжизненна. За последнюю тысячу лет туда никого не отправляли даже на испытания. То был край

света, край всего, что известно о мире, обозначенный огнями Червоточин, за которыми обитал лишь Предвечный Мрак. Как туда добраться и, что важнее, – вернуться?

Ухнул и застучал по ставням ветер. Лайсве распахнула окно.

«Чего ты хочешь? Если ты все-таки есть, если я обидела тебя святотатственными мыслями, то забирай меня одну. Забирай сейчас. Только отца пощади!»

Ветер ворвался в библиотеку и заплясал между стеллажами. Тонкая книга, зашелестев страницами, упала на пол.

Бога, Безликого брата-Ветра, нет. Так почему он казался более близким, чем семья? Нужно перестать думать о нем!

Затворив окно, Лайсве подняла с пола книгу и пробежалась пальцами по истертой кожаной обложке. Надо же, сборник сказаний северных рунопевцев. В нянюшкином исполнении эти истории звучали гораздо лучше. У нее хоть и не было гуслей, да и слова в рифмы не складывались, но повествование будто наполнялось магией. Ни одна книжка, далеко не каждый рунопевец смог бы так же.

Открытой оказалась страница с легендой о Безликом. Ее любимая.

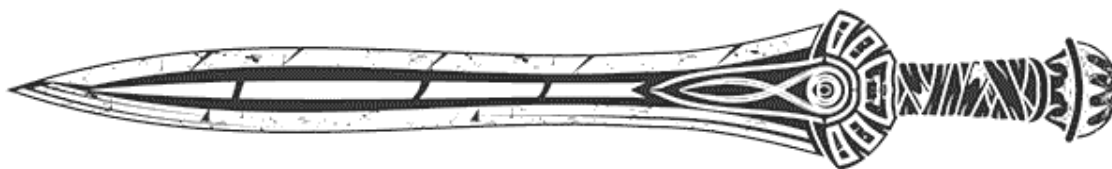
Захотелось прочесть, сравнить с нянюшкиной сказкой.

Эгле грамоты не знала. Истории, что она сказывала, в народе передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Что-то забывалось, что-то менялось. А как случилось на самом деле, ни в книжке не найдешь, ни от старожиллов не услышишь.

Сказание оказалось намного длиннее, с несущественными подробностями и нудным описанием быта древних охотников. Однако концовка удивила ее.

«И погрузился Безликий в сон, упокоился в ледяном саркофаге, что качается на огромных цепях над бездной за воротами Червоточин. Вековечный покой той обители сторожит неусыпный вэс. На закате времен обогрится лед его кровью и пробудится Безликий ото сна, чтобы повести охотников на Последнюю битву».

Вот почему о вэсах не говорилось в других книгах. Кейл верно сказал: его никто никогда не видел. Как же Вейас его отыщет? Ей бы хотелось поехать вместе с ним. И вновь уверовать.

Замок еще долго жужжал сборами. Гости разъехались лишь к вечеру. Отец закрылся в кабинете, отказался от еды и никого не пускал, даже Кейла. Тот решил остаться в Ильзаре, пока все не уляжется.

И замечательно! Близнецы вряд ли справились бы сами.

Лайсве уже переделалась в сорочку и переплетала перед сном косы, когда в дверь постучали. На пороге показалась одетая в теплое платье и серую шерстяную шаль нянюшка. Из-за ее спины выглядывал взъерошенный и заспанный Вейас.

– Собирайся. Жых отыскал вельву. Возьми для нее подарок. Если повезет, уговорим вашу судьбу переменить, – взволнованно произнесла нянюшка и с надеждой улыбнулась.

Лайсве принялась одеваться: в платье из плотного сукна, плащ потеплей, башмаки поудобней. Ей хоть и не верилось в успех, но обижать нянюшку тоже не хотелось. Если уж она старого Жыха, отцовского ловчего, заставила вельву искать, то, видно, совсем извелась.

Они втроем поспешили к выходу из замка. Вейас хмурил одним глазом, а вторым все еще спал. Наверное, на авантюру тоже согласился лишь из вежливости. Стоило поговорить с ним об отце, помирить их, но становиться между двумя самыми дорогими на свете людьми Лайсве не желала.

Остались позади ворота и перекинутый через ров мост. Дорога уводила их в восточный лес, дремучий и древний, как сам мир. Селяне уважительно именовали его Дикой Пушей. Самое место для вельвы. Люди их рядом не терпели, – вот они и прятались в укромных закутках и не тревожили никого без дела.

Ближе к полуночи путники выбрались на край небольшой поляны. Запахло горящими можжевельновыми ветками, между стволами мелькнули рыжевато-алые отблески костра. Стоило им пройти рядом, и на ветке разлапистой сосны пронзительно ухнула белая сипуха. Лайсве вздрогнула и тут же споткнулась о сухой сук. Треск эхом огласил поляну. Нянюшка обернулась и укоризненно покачала головой.

– Кто здесь? – донесся от костра скрипучий голос. – Дух или человек, не таи злые помыслы в ночи!

– Мы из замка. Нужда пригнала. Дурного не желаем! – отозвалась нянюшка и, подобрав юбки, поспешила к вельве.

Вейас, не раздумывая, двинулся следом. Лайсве потряхивало. Может быть, не стоило встречаться с вельвой ночью, посреди прожорливых топей? А вдруг она от обиды на отца в трясину их заманит? Да еще спину прожигал темный, исполненный ненависти ко всему живому взгляд. Сипуха? Жуткая птица!

Посреди поляны стоял навес, покрытый еловыми лапами и мхом. Белоглазая карга ожидала у костра чуть поодаль.

– Зачем явились, горемычники? – спросила она, помешивая березовой палкой варево, бурлящее в огромном черном котле. Отблески пламени плясали по ее лицу, облекая его в причудливо изломанную маску.

– Хотели судьбу переменить, о, дальноголящая! – нянюшка встала на колени и коснулась лбом земли.

Лайсве с братом удивленно переглянулись. Нянюшка поднялась и надавила им на плечи так, что близнецам тоже пришлось поклониться. В пояс, конечно, не в землю – это было бы излишне. Сумеречники даже королям не кланялись.

– Извините их. Молодые еще совсем, глупые, – смиренно просила нянюшка.

– Их отец тоже молод и глуп? – вельва усмехнулась изъеденным морщинами ртом. – Не оправдывайся. Я хоть и слепая, но прекрасно вижу, куда мир катится. Повсюду гордыня, святотатство и лицемерие. Даже орден, хранитель древнего знания и божественного дара, утратил веру. А без нее мы – ничто. Пожираем сами себя, как великий змей Йормунганд. Вот уже и с людьми войну затеяли, хотя боги наказывали не проливать человеческой крови и сражаться лишь с демонами. Седна гневается, ее муж, Повелитель Вод, пропал, и некому усмирить ее крутой нрав. Чую, беда грядет. Да такая, какой этот мир еще не видывал.

– Что, хуже нашествий демонов? – удивилась Лайсве.

Вельва сверкнула белесыми глазами.

– Демоны, которых мы знаем, только слабый их отголосок. Да и насколько мы, люди, отличаемся от них? Они лишь другой народ, который тоже хочет жить.

За такие речи орден обычно отправлял на костер. Нет, не могло такого быть. Это Сумеречники, одаренные, как демоны, а остальные... просто люди. Или нет? Как бы хотелось во всем разобраться!

– Давайте подарки, – шепнула нянюшка, когда молчание стало в тягость.

Вейас выхватил из ножен меч и замахнулся, будто желал отрубить голову, но потом протянул его вельве. Лайсве достала из-за пазухи вышивку и отдала ее.

– Никудышное оружие от паршивого воина, – прокаркала старуха. Вейас фыркнул и отвернулся. – И безыскусное рукоделие от бездарной бледной мыши?

У Лайсве перехватило дыхание от бешенства. Вельва даже узора не видела! А он получился. С душой. Особенно глаза... Больше ни у кого таких нет! Ей пришлось до крови вонзить ногти в ладони, чтобы молча проглотить обиду.

– Не поможете?! – нянюшка упала на колени и подползла к вельве, заламывая руки. – Умоляю, смилуйтесь! – Она достала из-за пазухи бронзовый обручальный браслет и вручила карге. – Это все, что осталось от моего суженого. Мы так и не успели пожениться: он погиб во время нашествия.

Вельва с интересом вертела в руках украшение. Не слишком искусное. Бронзовый браслет на свадьбу – все, чем довольствовались простолюдины. Сумеречники же носили серебряные украшения, хотя могли прикупить и золото. Даже если они не подчинялись королям и могли быть намного богаче, но все же те стояли выше.

– Желаешь разорвать связь с любимым ради чужих детей? – в голосе вельвы не осталось надменности и презрения, звучал лишь живой интерес. – Зачем?

– Что мне давно утраченная любовь? – Нянюшка всхлипнула, вскинула голову и посмотрела на вельву с таким достоинством, как не всякая госпожа умела. – Да и найду ли я ее на Тихом берегу? А эти дети мне как родные. Я видела, как они появились на свет. Слышала их первые крики и слова. Помогала делать первые шаги. Не спала ночами, когда у них болели животики и резались зубки. Лечила, когда хворали. Успокаивала сказками, если их мучили кошмары. Не хочу, чтобы они умерли, так и не пожив толком, пусть даже за это придется отдать мою единственную любовь.

Столько отчаяния было в ее словах, словно ножом по сердцу. Няня – сама душа, мама, которой они никогда не знали.

Лайсве пихнула брата в бок. Они помогли нянюшке подняться и крепко обняли. Хотелось поскорее увести ее от злобной карги.

Поднялся ветер, всколыхнув пламя до небес. Темное варево вспенилось и выплеснулось из котла.

– Надо же! – Вельва поколдовала над костром, и пламя опало. – Что ж, будь по-твоему, раз на то воля богов. – Она кинула браслет в котел и начала помешивать, напевая что-то на диковинном наречии. Тайный язык для общения с богами, где ни слова было не разобрать, кроме подражаний зверям и стихиям. – Я сварила вашу судьбу.

Зелье снова закипело. Вельва зачерпнула его деревянной чашей, увитой резными рунами, и протянула брату.

– Пей.

Он зажал нос и выпил залпом варево. Краска схлынула с лица. Вейас застонал и согнулся пополам, борясь с дурнотой.

– Ты собралась нас отравить, карга? – возмутился он, едва совладав с дыханием.

– А ты думал, судьбу менять просто? – усмехнулась та. – Старое должно уйти, чтобы освободить место новому. Говори быстрее, чего желаешь, пока нечто жуткое само не заморозилось.

– Легко! Хочу пережить испытание, чего мне еще желать? – Вейас распластался на земле возле навеса, держась за урчащий живот.

– Твой черед, – вельва снова зачерпнула варева и протянула чашу Лайсве. Она приняла ее и повертела в дрожащих ладонях, вглядываясь в самую муть.

Как избежать замужества и уберечь отца от гнева ордена? Как увидеть мир и узнать все его секреты?

Лайсве вопросительно посмотрела на нянюшку. Та тепло улыбалась ей – подбадривала. В голове зазвучал ее то возвышающийся, то затухающий голос: «И вступил Безликий на тропу нетореную, чтобы самому решать свою судьбу».

Она выпила зелье до дна. Смердящее гнилью и падалью варево обожгло нутро. Тело горело и оплавлялось, рассыпалось в пепельную крошку. Лайсве упала и забилась в судорогах.

Когда приступ закончился, нянюшка помогла ей подняться.

– Ты как?

– Хочу пройти по нетореной тропе и сама решать свою судьбу, – выдавила из себя Лайсве, борясь с дурнотой.

Нянюшка ахнула.

– Зачем? По нетореным тропам только мужчины ходят.

– Только боги, – поправила Лайсве. – Безликий был богом.

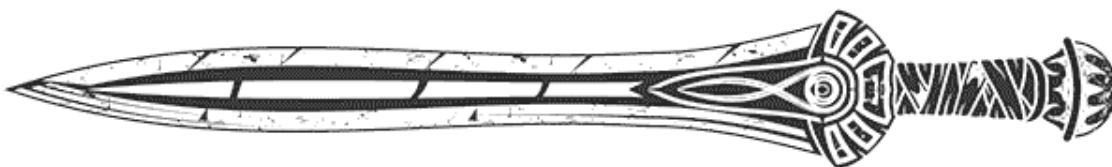
Она желала именно этого: стоптать семь пар железных башмаков, изломать семь железных посохов, изглотить семь железных караваев и обрести свои владения. Стать легендой.

– Так тому и быть, – возвестила вельва. – А теперь ступайте. Мне еще нужно судьбу всего мира сварить.

Нянюшка заставила Вейаса подняться и потащила близнецов прочь.

– Благодарю, о, дальновидящая. – Она обернулась к горевестнице уже на краю поляны. – Век не забудем твою милость!

Притаившаяся на опушке птица снова одарила их недобрым взглядом.

Они ушли, продираясь через лес, словно неуклюжие медведи.

Вельва мешала варево. Десять кругов справа налево и десять слева направо, семь по оси Червоточин и три против. Палка вздымала со дна муть и стучала по стенкам. Когда варево стало непроглядно черным, в котел отправился меч. Мрак с шипением накинудся на него, покрыл ржавчиной и разбил в пыль.

Вельва потянулась за вышивкой и усмехнулась:

– По нетореной тропе пройти, надо же! Какая глупая девчонка.

Чувствительные, как глаза, пальцы пробежались по ткани. Вельва передернула плечами – с вышивки на нее смотрел Огненный зверь. Взгляд живых синих глаз пронзал насквозь, будто в них запечатлелась вся сила и мудрость Небесного Повелителя.

Вельва продолжила мешать варево, вперив слепые глаза в круги, что шли по зелью вслед за палкой.

– Что это за девчонка такая? По нетореной тропе пройти. Да на которую только боги ступали. Один-единственный бог. На погибель ты явилась али на спасенье? – Она глотнула паров и, сомкнув веки, заговорила не своим голосом: – Сказано было на заре времен: когда настанет час неверия, междоусобиц и великих бедствий, явится в древней крови пророк. Возжелает он пройти по тропе нетореной, чтобы пробудить почившего бога. Через пламя и снег, кровь и тьму пройдет его путь, от неверия к прозрению и свету. Он сам станет светом, что растопит ледяное сердце и укажет путь из Мрака. Испустит пророк последний дух, как пробудится Огненный зверь. На спасение. Или на погибель.

Вельва вздрогнула и выронила вышивку.

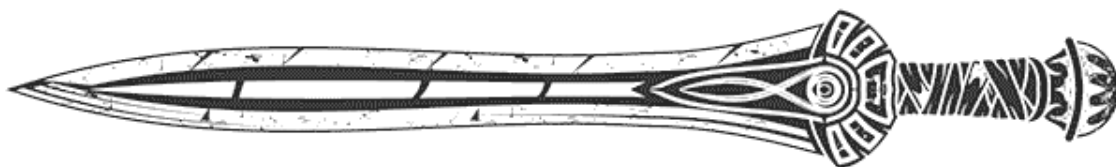
– Неужто и правда конец?

Сипуха ухнула и сорвалась с ветки. Огромные белые крылья закрыли ночь. Котел опрокинулся на землю. Мрак выплеснулся из него, затушив огонь. Шипели, расплзаясь из варева, черные щупальца. Липким ужасом приближалась смерть.

Истерлись звуки и запахи. Отступив на шаг, вельва запнулась о корень и упала. Щупальца набросились на нее, пронзая и разрывая на части. Мрак поглотил ее – как браслет, как меч, как судьбы детей до этого.

Сипуха наблюдала с ветки. Снова ухнула, и Мрак убрался восвояси, вдоволь насладившись кровавым пиршеством. Птица подхватила с земли вышивку и принялась драть ее когтями. На лоскуты. Чтобы ничего не осталось. Но синие глаза продолжали смотреть с выжигающей пристальностью.

Разочарованно ухнув, сипуха помчалась за Северной звездой.

Ее мутило всю дорогу до дома. Замок встретил их сонной тишиной. Вейас сразу направился в мужское крыло. Нянюшка проводила Лайсве до спальни и, поцеловав в лоб, ушла.

Шаги в коридоре стихли. Звезды в окне подмигнули, обещая молчать. Лайсве выскочила за дверь и помчалась к тайному ходу. В детстве близнецы часто бегали по нему друг к другу и устраивали совместные шалости. Вот и сейчас дорога к спальне брата отыскалась легко.

Лайсве толкнула дверь. Вейас никогда не запирался, потому о его интрижках со служанками знал весь замок. Но сейчас, хвала богам, брат был один и даже не спал.

На прикроватной тумбе горела свеча, рядом лежала раскрытая книга, а он сам напряженно вглядывался в потолок. Странно было видеть его таким серьезным.

– Чего тебе, мелочь? – спросил он, переведя взгляд на Лайсве. – От дурацкого варева до сих пор живот крутит. Рвотный корень там был, что ли? Если бы не ваша блажь, ни за что бы на болото не поперся!

– Надо было нянюшку уважить. Ты же видел, она обручальный браслет отдала. К тому же это не рвотный корень, а наша судьба. Я знаю это, чувствую. – Лайсве облизнула пересохшие губы, безотрывно глядя брата в глаза.

«Прошу, согласись на еще одну блажь!»

– Опять ты со своими глупостями! Нету ни высшего замысла, ни богов, ни даже судьбы. Враки это для таких доверчивых трусих, как вы с нянюшкой.

– Зато ты у нас храбрец из храбрецов, – усмехнулась она, поймав его на его же удочку. – Помнишь, ты предлагал сбежать вместе? Я согласна. Поехали в Норджейм. Прямо сейчас, пока отец хандрит, остальной замок спит и некому нас остановить. Мы добудем клыки вэса и, быть может, увидим саркофаг Безликого. Ты докажешь всем, что способен пройти испытание. Мне не придется выходить замуж за подлеца, а отцу – перед орденом отвечать за мое непослушание.

– Ты правда хочешь поехать со мной? – Вейас подскочил с кровати и схватил сестру за плечи, пристально вглядываясь в глаза. – Ты правда веришь, что я смогу защитить нас обоих? Один, без дурацких компаньонов и отцовских побрякушек?

Лайсве улыбнулась и обняла его.

– Я буду твоим талисманом. Вместе мы покорим мир. Так напорочила вельва.

Вейас прищурился и покачал головой.

– Нет, мне нужно что-то повесомее, чем пророчество безумной карги. Давай пообещаем друг другу, что всегда будем вместе, что я буду защищать, а ты – ограждать меня от глупостей

и вдохновлять на подвиги. – Он протянул руку с выставленным вперед мизинцем, совсем как в детстве. На его устах играла искренняя улыбка, которую он показывал лишь сестре.

Лайсве переплела с ним пальцы.

– Обещаю.

– Собирай вещи. Я подготовлю остальное. За нами отправят погоню, поэтому поедем налегке. – Вейас принялся опустошать ящики с вещами, как будто все давно спланировал. – Не беспокойся: отец брал меня на охоту. Я знаю, без чего нам не обойтись. – Он вынул из шкафа один из своих дорожных костюмов и передал сестре, заговорщически подмигнув. – Встречаемся на нашем месте через час.

Братик! Ни перед одной шалостью не пасует.

Лайсве вернулась к себе и распалила камин. Дорожные сундуки стояли собранные, но ничего из хранящегося в них барахла не годилось для дороги. Ей нужны были лишь несколько смен белья да плащ потеплее.

Она черкнула короткую записку отцу, объясняя, что он к ее пропаже не причастен, а виной всему вероломство жениха. Девушки иногда сбегали перед свадьбой. Теперь это будет не предательством, а обычной бабьей дурью. Отца не тронут – это главное.

Вышивка с гербом и мамино свадебное полетели в огонь. Пламя с жадностью набросилось на ткань, пожирая остатки прошлой жизни. Осталось последнее: большими ножницами она обрезала косы под самый корень. Пускай тоже горят синим пламенем!

Вей подал ей хорошую идею. Тощая и плоская, с короткими волосами и в мужском костюме сойдет за юношу. Неплохая маскировка на первое время, а там видно будет. Нужно только выбраться.

Взвалив на плечо тюк с вещами, Лайсве выскользнула в коридор и столкнулась с Бежкой. Она же сейчас весь замок на уши поднимет!

Однако служанка прижала палец к губам.

– Как хорошо, что я успела вас застать. Увидела, как мастер Вейас седлает лошадей и поняла, что вы уезжаете. Вот вам еда в дорогу: хлеб, вяленое мясо, пара луковиц, чуть-чуть соли, – она протянула небольшой сверток. – Хоть первое время голодать не будете.

– Зачем?

Бежка обезоруживающе улыбнулась.

– Я тоже когда-то хотела решать свою судьбу, а не развлекать забулдыг в грязной корчме, как моя мать, но добралась только до Ильзара. И каждый день благодарю богов за то, что ваш отец меня принял.

Лайсве удивленно вскинула брови.

– А с Йорденом ты зачем...

– Грош цена тому мужчине, который лезет под юбку первой встречной девки, когда за дверью молодая невеста ждет, – усмехнулась та. – Забудьте о нем, он никогда не будет вас достоин. Поезжайте, будьте счастливы за нас обеих. Это единственное, чего я сейчас желаю.

Лайсве порывисто обняла ее.

– Позаботься об отце.

– А вы приглядывайте за мастером Вейасом. Он такой милый шалопай. – Бежка расплакалась. – Прощайте!

Лайсве кивнула и скрылась в недрах подземного хода.

В березовой роще за рвом уже поджидал брат. Они запрыгнули в седла и помчались навстречу догорающей в рассветных сумерках Северной звезде.

Целый мир лежал у копыт их лошадей.

1526 г. от заселения Мунгарда.

Заречье, Веломовия

Лето вступало в свои права.

Особенно вольготно было здесь, на родине. Ветер пах полевыми цветами. Трепетал седой ковыль. Стучали копыта в такт стрекота кузнечиков. В небе кричал ястреб, высматривая в высокой траве суслика.

Казалось, свернешь на едва приметную тропку через заброшенное поле, а там родное село целехонькое ждет. Люди гонят скотину с выпаса, землю пахут, – живые, счастливые. И не хочется сворачивать, видеть поросшее бурьяном пепелище и вспоминать истерзанные тела и копошащихся над ними Лунных Странников. Встряхнешь головой, приложишься к фляге с брагой, чтобы забыться.

Тепло пеленало занемевшее тело. Пару переходов – и дома. Нет, не дома, а в чужом замке, из которого давно пора уходить, даже если податься некуда.

Когда удавалось выкроить время, Микаш скрывался от людей и доставал из-за пазухи письмо и медальон. Взвешивал их на ладони, взглядом то перебирал строчки, то блуждал по портрету. Чужие вещи – свои несбыточные мечты, дороже которых ничего нет.

Может быть, отправиться на запад и попытать счастья в Эскендерии? В погоню за ним вряд ли пустятся – незачем на бешеного волка время тратить. Или остаться прислуживать ради мимолетного взгляда на принцессу? Ответ все не находился, а Микаш плыл по течению и презирал себя за бесхребетность.

Заночевать пришлось вблизи большой речки Плавны, что катила свои воды на запад к океану и отбрасывала повсюду болотистые притоки. Йорден не мог дожидаться, когда на горизонте вырисуеться зубастая тень отцовского замка, лениво перекидывался шутками с наперсниками, пока вокруг суетились слуги, разбивая лагерь.

Покончив с обязанностями, Микаш ушел на речку. Он вдоволь наплавался, а затем вылез на берег, чтобы обсохнуть под лучами заходящего солнца.

Лепота! Аж зажмуриться захотелось.

Тут волоски на теле встали дыбом – приближалась знакомая ржаво-зеленая аура, грузная и раздутая, как и ее хозяин. На фоне пылающего заката вырисовались темные силуэты всадников. Микаш натянул одежду и помчался обратно. Всадники уже спешили. Лагерь миглом опустел, будто в преддверии урагана. И только Йорден встречал отца, скинувшего с лысой головы глубокий капюшон.

Пытаясь восстановить дыхание, Микаш замер за спиной лорда Тедеску. От него исходила такая ярость, что так и подмывало прочесть его мысли.

– Какого демона ты там устроил? – заорал он, ткнув пухлым пальцем в сына.

– Да я-то что? Это нас оскорбили! – оправдывался Йорден.

– А кто к служанке под юбку полез в разгар помолвки? Совсем умишко оскудел? Невестушка твоя вместе с братом на север сбежала, а отцу письмо оставила, где все про тебя поведала. Лорд Веломри рвет и мечет. Требуется, чтобы ее вернули, а тебя покарали.

Надо же, сбежала. Бесстрашная! Глупая... Ведь на севере даже вдвоем с братом не выживет. А может, глупым на самом деле был Микаш, потому что боялся шагнуть в неизвестность и не возвращаться на опостылевшие исхоженные тракты.

– Я что, виноват, что эта дура истеричная напридумывала всякого? – продолжал отнекиваться Йорден.

– Ты готов подтвердить это перед дознавателями-мыслечтецами?

Йорден скис и опустил голову.

– Болван! – лорд Тедеску наградил его подзатыльником. – Ищи ее теперь, где хочешь, но пока за косы ко мне не притащишь и не женишься, я тебя на порог не пушу.

– Но я...

– Молчать! Перед орденом я все замну. Где твой оруженосец?

Микаш прочистил горло.

Лорд Тедеску резко обернулся и окинул его с ног до головы гневным взглядом.

– Купаемся, значит. Веселимся, да? Свободу почуяли?

Радующие его тона не обмануло. Впрочем, Микашу было настолько все равно, что он даже не стал отводить взгляд, как поступал раньше.

Лорд Тедеску ухватил его за шиворот и поволок подальше от лагеря. Они остановились на берегу речки, чтобы никто не подслушал.

– Что тебе сказано было, сучий сын? – зарычал лорд Тедеску. – Решил нагадить под конец? Почему не уследил за Йорденом?

– Вы хотели, чтобы я целовал его невесту и клялся ей в любви вместо него? – Микаш, конечно, мог внушить Йордену, чтобы тот хотя бы к служанкам не лез, но не пожелал этого. А принцесса... – Там было слишком много Сумеречников, меня бы засекли.

– Только не надо врать, что ты струсил. Я вспорю тебе брюхо, как бунтовщику, а потом заставлю мертвошептов призвать твой дух и все равно не отпущу!

– Думаете, будет хуже, чем сейчас?

Лорд Тедеску замахнулся, чтобы отвесить ему затрепину, но Микаш перехватил запястье хозяина, впервые бросив ему вызов.

– Передайте лорду Веломри, что я верну его дочь целой и невредимой. – Он отпустил старого шакала и направился обратно в лагерь.

Лорд Тедеску с небывалой стремительностью нагнал его и вцепился в плечо.

– Все будет прилично. Йорден вернет лорду Веломри его дочь и восстановит честь нашего рода, а ты проследишь, чтобы у него все получилось.

Опять тащить Йордена за собой? Совершать за него подвиги, смотреть, как он получает за них почет и любовь, которая ему даже не нужна?

Вероятно, оно и к лучшему. Принцессе и нищему вместе не бывать.

«Я спасу тебя чужими руками. И ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя».

Интерлюдия I Тень

1526 г. от заселения Мунгарда.

Бессолнечные земли

В Бессолнечных землях нет ничего, кроме серых клубов предрассветного тумана. Сюда приходят умирать отжившие ночь сны. Эта унылая обитель и есть усыпальница, тюрьма и царство Ветра. Властелина Ничего, живущего созерцанием чужих грез.

Что за жалкая участь!

Ветер безотрывно смотрел вдаль, силясь хоть что-то разглядеть в зыбком мареве, но здесь всегда была одна лишь мертвая пустошь. Звенящая тишина заглушала даже музыку сфер мироздания, усиливая ощущение полного одиночества.

Большую часть времени Ветер забывался темным сном, иллюзорным несуществованием, о котором мечтал с первого дня своего развоплощения. Но иногда он пробуждался от кошмаров, вставал, бродил сомнамбулой по бесконечным пространствам небытия и уговаривал себя снова заснуть. Только бы не думать. Не чувствовать.

На этот раз бодрствование выдалось особенно долгим.

Ветер поднялся с каменного ложа и сел, скрестив лодыжки. Он уже позабыл, как выглядит его настоящее лицо, скрытое сейчас за овальной белой маской с тремя красными царапинами по левой стороне.

Кажется, смертные нарекли его Безликим. Не худшее из прозвищ, учитывая, что имени он тоже лишился.

Раздались хлопки крыльев и отрывистое уханье. На горизонте появился светлый силуэт птицы.

Безликий провел рукой перед собой и сотворил из тумана шахматную доску. Фигурки из слоновой кости и черного дерева – точные копии тех, что были у него в детстве.

Белая сипуха села рядом, выросла до размеров Безликого и превратилась в Тень.

– Зачем звал, братишка? – смешливо спросил он.

– Скучно. – Безликий кивком указал на доску. – Сыграй со мной.

– Терпеть не могу шахматы. Ничего более нудного не придумал? – сварливо отозвался Тень, доказывая, что радушие было поддельным, как и все, что он делал.

– Странно, в детстве тебе нравилась игра.

– Только потому, что в других я победить не мог.

Раньше Безликий не обращал на такие мелочи внимания, а стоило, очень стоило.

– Сыграем, все равно здесь заняться больше нечем, – предложил он.

Мгновение помедлив, Тень устроился напротив.

– Нет уж. Сегодня белыми ходишь ты. – Он развернул доску черными фигурами к себе. – И это не будет твоя излюбленная партия в поддавки.

Безликий уже даже не помнил, что некогда предпочитал только черные – непролазные нетореные тропы.

Белая пешка двинулась на две клетки вперед, за ней черная, затем снова белая, конь Тени и слон Безликого – знакомая комбинация. Сквозь туманную пелену донесся голос отца. Тот учил сыновей играть в шахматы вечность назад.

Память проснулась. И ладно! Нужно продолжать, чтобы вернуть больше.

– Ты был снаружи? – тихо поинтересовался Безликий.

– В отличие от тебя, я на затворничество не соглашался, – криво усмехнулся Тень.

Издавается? Время, когда Безликого можно было поймать на глупые уловки, давно миновало. Или за тысячу лет сна он стал слишком самонадеян?

– Пахнет кровью. Ты кого-то убил. – Безликий и так все знал. В нем отзывалась каждая частичка мира.

– Поймал мышь на обед. Совам иногда надо есть. Да и котам тоже, верно? – Тень подмигнул и подался вперед.

Безликий молчал, разглядывая фигуры, просчитывая варианты. Терпением он не отличался, вот и сейчас намеки надоели слишком быстро.

– Зачем ты убил вельву? Тетка Седна и без того в ярости.

– Какое мне дело до склочной старухи с грязными волосами? – Тень съел слона, не замечая устроенной для него ловушки. – Пусть злится, пусть хоть всю сушу затопит. От неба все равно не убудет.

– Как же ты глуп, а еще на Небесный престол заришься. – Безликий покачал головой.

Когда-то и его посещали безумные мысли: найти компромисс с Тенью и Мраком и переложить бремя власти на их плечи. Но ему пришлось признать, что отец прав. При всех своих амбициях Тень с властью бы не справился – не смог бы поддерживать гармонию мироздания и равновесие между стихиями, не вынес бы тяжести земной тверди. А без этого все кануло бы в бездну: и смертные, и демоны, и даже Первостихии. Впрочем, Безликий тоже не справлялся.

Почему отец не выбрал кого-то более подходящего? У него ведь было четыре сына! Братья Безликого.

Он вспомнил вдруг гибель Южного Ветра Гилавара: лужу отравленной черной крови, сокрушенное тело, свалывшуюся и потускневшую медь волос, тяжелые предсмертные хрипы и бескровные губы, последние слова: «Ты опоздал». Безликий не успел спасти Гила от вероломства Тени и за полторы тысячи лет не смог простить ни убийцу, ни себя.

– Нас и без того обвиняют во всех бедах мира. Проклятое Небесное племя, чума для обитателей всех сфер, – добавил Безликий.

Еще один обманный маневр. Белый ферзь пал за пределы доски, открыв вожделенный путь к королю.

– Снова поддаешься, – усмехнулся Тень, не замечая, как силок оборачивается вокруг его крыльев. – Когда это тебя заботило стороннее мнение? Иногда мне кажется, что мы с тобой поменялись местами и неумело играем роли друг друга, пряча свои лица за масками. А ведь мы можем их скинуть: я займу твое место в Чертогах вечности, ты отправишься к людям и вкусишь все плоды смертной жизни, а потом уйдешь за грань вслед за отцом. Ты всегда желал именно этого.

Туманная пустошь была промозглой и холодной, и порой ему так хотелось простого смертного тепла. Вспомнились поцелуи жены, нежные прикосновения тонких пальцев, мягкость тела и сладкий фиалковый аромат волос. Восхищение и любовь плескались в родных глазах цвета серого жемчуга. Только разлука длилась вот уже вечность.

Тень прекрасно знал, чем он может соблазниться.

– Я был глуп и эгоистичен. Провидение заставило меня за все поплатиться. – Безликий провел пальцами по царапинам на маске. К нему возвращалось все, разбередив старую рану. Из-под содранных корок хлынул гной вместе с разрывающей сердце болью. Он зажмурился и затаил дыхание. Несколько мгновений он умирал в агонии, но потом пришло облегчение.

Память вернулась, а вместе с ней и желание бороться.

Безликий вдохнул полной грудью и распахнул глаза. За ним оставался финальный ход: отдать последнего слона, прикрывавшего короля.

– Скажи лучше, за что ты меня ненавидишь? – спросил Безликий.

Тень дернулся, в последний момент почуввав опасность, но жажда победы пересилила чутье.

– Так это ты променял меня на смертную потаскуху и кучку жалких охотников. И я подумал: если удастся уничтожить весь мир, ты вернешься ко мне, и никто не сможет нас разлучить.

Нельзя отворачиваться от сумасшедшего взгляда, нельзя закрывать глаза на проступки, как раньше. Малодушие было всему виной, но больше подобных ошибок он не совершит.

– Извини. – Безликий пожал плечами и грустно усмехнулся.

– За что? – Тень сделал последний предсказуемый ход. – Шах и мат. Ты проиграл, как всегда.

– Что значит партия в шахматы в сравнении с вечностью? – Безликий взмахнул ладонью. Незаметно сгущавшийся туман вздыбился и спеленал Тень плотным коконом. – Ты, кажется, забыл, что я властелин Ничего. – Он склонился над поверженным врагом.

– Ах ты коварная сволочь! – прошипел Тень, извиваясь в путах. – А еще меня предателем зовешь. Я рано или поздно выберусь: твои силы на исходе и больше меня не удержат. Мрак уже рядом!

Безликий пожал плечами и вскинул руку. Туман закопошился и потянул Тень в его старую темницу, сокрытую в недрах земли.

А ладони и правда стали совсем бледными, почти прозрачными. Вот-вот исчезнут, как и сам Безликий.

Впервые за вечность Тень оказался прав.

– Значит, нужно вернуть их, мои силы... Одной капли веры в океане отчаяния будет достаточно.

Он опустил на ложе и свернулся калачиком, обхватив себя за плечи.

Мир вновь умирал в медленной агонии призрачных снов.

Глава 8 Сумеречники и пресветловерцы

1526 г. от заселения Мунгарда.

Гульборг, Кундия

Путешествие на север оказалось гораздо труднее, чем представлялось дома. В седле приходилось проводить по восемь-двенадцать часов, искать водопой и выпас для лошадей, удобные места для стоянок. По ночам – мерзнуть под ветхими навесами, поочередно следя за постоянно затухающим костром. Будили и заставляли вздрагивать раздававшиеся совсем рядом звуки леса: скрип деревьев, птичий плач, волчий вой и лосиный рев. Одежда выпачкалась и прохудилась. Тело гудело от усталости и зудело от налипшей грязи. Припасы быстро заканчивались, а отыскать хоть что-нибудь съедобное в едва пробудившемся от зимней спячки лесу было трудно.

Отойдя от замка на расстояние недельного перехода, близнецы выбрались на тракт и присоединились к купеческому обозу. Тот вез на торжище пряности и шелка из южных стран и закупал пушнину у северных охотников. Закон обязывал помогать Сумеречникам всем, чем

только можно, а потому купцы поделились с близнецами едой, одолжили теплую одежду и развлекали рассказами о диковинных землях по ту сторону Рифейских гор.

Только тревожило что-то в их показном радушии.

Вскоре с купцами пришлось расстаться. Их путь лежал на запад в Дюарль – пышную столицу богатого Норикийского королевства, а близнецов ждала дорога через вольные города Лапии на крайний север.

Отдав почти все деньги картографу, они заполучили подробный план местности и прокладывали путь так, чтобы всегда ночевать с людьми – ближе к северу легко было нарваться на демонов. К тому же неокрепший дар, как у Вейаса, привлекал их внимание.

Как-то раз они остановились в особенно бедной деревушке. В прошлом году ей сильно досталось из-за нашествий демонов. Жителей тут осталось совсем немного. Половина покосившихся, покрытых копотью развалюх пустовала, а из других испуганно выглядывали изможденные лица. Кормили там скудно: пустым бульоном и водянистой кашей из полевых растений. Спать постелили на жестких лавках у отсыревшей и покрытой плесенью стены. А детей – двух шестилетних девочек и совсем крохотного мальчонку – выдворили в сарай. Старшие, понурив головы, поплелись за порог, а малыш упал на пол, заколотил кулаками о доски и истошно вскричал:

– В сарае живет бабай! Он всех съест!

Как ни старалась мать его утихомирить, ничего не выходило. Отец не выдержал и замахнулся на ребенка.

Лайсве не смогла на это смотреть и схватила меч, который Вей позаимствовал из отцовского арсенала.

– Я заночую в сарае, – грозно выкрикнула она. – Подкараулю этого бабая и отсеку ему голову, чтобы не смел больше маленьких детей есть!

Мальчонка тут же успокоился, а родители уставились на нее с испугом и заговорили хором:

– Извините благодушно! Нам нечем заплатить за помощь.

Вейас укоризненно покачал головой, сама, мол, кашу заварила, вот и расхлебывай. Но Лайсве и подумать не могла, что взрослые воспримут ее слова всерьез. Так что ей пришлось ночевать в ветхом сарае. Было холодно, пахло плесенью, а в гнилой соломе копошились мыши. Зато дети остались дома. Вскоре к ней пришел злой, как стая саблезубых демонов, брат. Он костерил сестру последними словами полночи, пока обоих не сморил сон.

Наутро они проснулись продрогшие и простывшие.

Шмыгая носом, Вейас не преминул напомнить о девичей дурости и ушел в дом. Лайсве же отправилась прогуляться по окрестностям. На берегу заросшего раkitами озера ей под ноги попала мореная коряга. Лайсве срезала с нее ножом сучья и тоже поспешила в хозяйский дом. На пороге ее встретили дети.

– Это рога демона-бабая. Мы с братом подкараулили его ночью в сарае и обезглавили. Больше бояться нечего, – Лайсве показала корягу.

Дети выхватили у нее трофей и принялись толкаться и вырывать его из рук друг друга. То и дело раздавались восхищенные вздохи. А вот взрослые подозрительно напряглись. Отец куда-то убежал, а мать тараторила и беспрестанно кланялась:

– Спасибо! Простите за доставленные хлопоты и скудный прием.

Лайсве с братом позавтракали постной похлебкой, поседлали лошадей и уже собирались ехать дальше, как к ним подбежал запыхавшийся глава семейства.

– Благодарю сердечно за избавление от демона-супостата! – Он всучил Лайсве тощий кошель. – Все, что удалось занять у соседей. Вы уж не серчайте, нет у нас, убогих, больше ничего.

Она порывалась отказаться, но Вейас сунул кошель за пазуху, запрыгнул в седло и помчал вперед, поднимая столбы пыли. Сестра бросилась следом, опасаясь отстать, подставить, опозорить.

– Простолюдины не приняли бы деньги обратно – так уж заведено, – уверял брат на дневной стоянке.

– Все равно это гадко! Мы как мошенники, воры! – протестовала Лайсве, вспоминая лицо того мальчика.

Туго семье теперь до первого урожая придется. Совсем голодно.

Это случилось в небольшом селе близ городка Гульборг, на подходе к Докулайской долине, куда Вейаса посылали за шкурой белого варга.

Ночевать им пришлось в доме зажиточного селянина. Близнецы с аппетитом обгладывали копченые телячьи ребрышки и запивали их сбитнем, когда в сени забежала молодая жена одного из младших сыновей хозяина. Она была невысокая, пухлая, с широкими бедрами. Ее крепкие руки дрожали, в глазах стояли слезы, а она сама смотрела исключительно в пол.

– В курятнике перья и кровь! Три лучших наседки пропало, – горестно причитала девушка, страшась того, что старшая хозяйка заругает.

Но улыбчивая пожилая женщина лишь повела плечами и тяжело вздохнула.

– Опять хоря нелегкая принесла. Придется Полкашу на входе сажать, только он лаем всех наседок распугает – совсем без яиц останемся.

Вейас перестал жевать и хитро прищурился. Лайсве вдруг стало не по себе. Вскоре им предстоял длинный переход по безлюдному краю. Надо было запастись едой и сменить отошавших лошадей, но денег у них почти не осталось. Вечера близнецы коротали в размышлениях о заработке. Не побираться же им, в самом деле. Они все-таки были детьми лорда Веломри, рыцаря славного ордена Сумеречников... хоть и беглецы. Тогда у Вейаса появилась дурацкая затея охотиться на демонов за вознаграждение. Но они, точно назло, куда-то попрятались. Не то чтобы Лайсве желала встречи с ними, вот только братишка совсем стал несносен, заболев жаждой подвигов.

– Часто у вас куры пропадают? – Он вывернул сомкнутые замком пальцы и смачно ими хрустнул, как делал всегда перед шалостью.

– Случается, – хозяйка пожала плечами. – Лес-то рядом. Но хорьки – это не беда. Вот волки зимой, бывает, целые дворы вместе с собаками выгрызают до последней косточки.

– А что, если это не хорь, а кто похуже? – загадочно предположил Вейас, передразнивая интонации сестры.

Лайсве насупилась.

– Думаете, бешеная лиса? – пискнула молоденькая невестка и вся сжалась.

В бешенстве приятного было мало. Да и какая разница, от чего умирать: от нашествия или от обычной болезни? Но так думали только посвященные в тайны ордена Сумеречники.

– Скорее, демон, – голос Вейаса опустился до заговорщического шепота. Женщины вздрогнули и во все глаза уставились на Сумеречника. Он приподнял палец, вглядываясь в напряженные лица слушателей. – Точно, это демон-куродав! Я его нечистый дух отсюда чую!

Лайсве захотелось встать и выйти. Сумеречники ведь честные и благородные. Нельзя обманывать людей, даже если живот от голода сводит! Но возмутиться она не посмела. Вдруг

селяне решат, что они мошенники, и, не разбираясь, поднимут на вилы? Никто не сможет подтвердить, что они действительно дети лорда Веломри, а не разбойники, присвоившие родовой знак.

– Что же теперь будет? – выдохнула невестка, сложив на груди руки. – Неужто все по Сумеречной реке отправимся?

– Не отправитесь. – Вейас ободряюще подмигнул им и пихнул сестру, заставляя сделать то же самое. – Боги привели нас под крышу этого дома, и теперь мы защитим вас!

Лайсве выглянула в окно. День был ясный и солнечный – ни следа бури или дождя. Брат мой, Ветер, если ты существуешь, то как терпишь весь этот обман? Он не ответил. Вдали от дома, от родового святилища, Лайсве больше не чувствовала с ним связи. А может, Вейас прав, и боги – лишь сказка для простолюдинов, чтобы держать их в узде и использовать? Есть только безмолвная стихия, которой Сумеречники подпитывают свой дар.

– Так вы поможете? – впечатлительная девушка захлопала в ладоши. Старшая хозяйка, наоборот, посмурнела и задумалась.

– Конечно, это наш священный долг! – яркие голубые глаза Вейаса по-кошачьи сощурились, улыбка стала шире. Перед ней ни одна служанка в замке устоять не могла. Вот и невестка зарделась, взгляд отвела и, казалось, даже позабыла, что на запястье обручальный браслет посверкивает.

– Подкараулим куродава, придушим и сожжем, чтобы никакое демонское проклятье на вашу землю не пало, – продолжил брат и мысленно обратился к сестре: *«Не сиди, словно корзину недозревшей клюквы без сахара съела. Подыграй, они ничуть не обеднеют от этого!»*

Уф, мыслечтение!

Лайсве не знала, что он так умеет. Или же Вейас только притворялся бестолковым, чтобы отца позлить? Чем дальше они отдалялись от дома, тем серьезнее и увереннее становился брат, словно с его лица спадала маска детской непосредственности и проступали черты настоящего мужчины. Но иногда, как сейчас, Лайсве боялась: он вырос, а она так и осталась наивным ребенком.

Она выдавила из себя некое подобие улыбки.

– Ох, какую же плату вы за свои хлопоты потребуете? – поинтересовалась старшая хозяйка.

– Что вы, кто награду вперед подвига просит? Вот принесем вам х... – Вейас запнулся. Лайсве закрыла лицо руками. – Куродава, потом и обсудим.

«Прекрати, а? Почему тебе проще поверить в бога Ветра и колдовство полоумной старухи, чем в собственную кровь? Переночуем в курятнике – тепленькая такая стоит, что точно не замерзнем. Хоря этого придушим – только милость сделаем. А без денег нам сейчас нельзя. Если кузен Петрас не согласится помочь, придется возвращаться домой. Тебе-то ничего: с девиц спросу никакого. Выдадут замуж да в степь увезут, а вот меня из ордена наверняка вышвырнут. И никакие отцовские взятки не помогут».

Лайсве отняла руки от лица и снова вымученно улыбнулась.

– Не беспокойтесь, много не возьмем. Вы и так на нас истратились.

Старая хозяйка расслабилась и подобрела.

Отужинав, они отправились ночевать у курятника, где укутались в шерстяные одеяла и бросили жребий, кому спать первым.

Выиграла Лайсве. Она облокотилась спиной о стенку сарая и закрыла глаза, прислушиваясь к доносящемуся изнутри кудахтанью. Вейас походил-походил и пристроился рядом.

– Я только малость отдохну, – сказал он и тут же засопел.

Ухнула сова, зашелся лаем дворовый пес, увидев пробегающую мимо кошачью свадьбу, и от дремы и след исталял. Лайсве поднялась и прошла вокруг курятника, разминая затекшие ноги. В небе висел тонкорогий серп месяца, как никогда ярко мерцали звездные узоры. Пуль-

сировал холодным белым светом наконечник стрелы Охотника – Северная звезда, по которой путешественники и мореходы сверяли курс. Близнецы направлялись прямо к ней, в царство вечной мерзлоты Нордхейма.

Лайсве приобняла себя за плечи. Одиночество казалось холоднее лютых морозов, отчуждение – горче волчьего яда. Может, стоит повернуть назад?

Вейас перекатился на другой бок и снова притих. Нет, брат верно сказал: ее простят, а вот ему пути назад не будет. Лайсве обязана идти с ним до конца – и не как вечно хныкающая и попадающая в неприятности сестра, а как брат и надежный товарищ. Возможно, это и есть ее нетореная тропа, железные башмаки, посохи и каравай. Надо все преодолеть и стать лучше – только так можно обрести свою судьбу.

Из курятника донеслись шорохи, переполошенное кудахтанье. Лайсве подхватила с земли палку и ринулась в сарай. Во тьме сверкнули глаза. Кудахтанье перешло в сдавленный хрип, почти человеческий. Лайсве замахнулась со всей силы и ударила.

Коротко пискнув, тварь с грохотом шмякнулась об стену.

В дверном проеме появился Вейас, освещая пространство лучиной, отстранил сестру и опустился на корточки рядом с поверженным зверем.

– Ну даешь, сестренка, с одного удара прикончила! – он восхищенно присвистнул.

Лайсве тоже присела. На земле еще дергалась пеструшка с разодранным горлом. У стены неподвижно лежала черно-бурое тельце. Вейас подхватил его под мышку и погасил лучину, чтобы тлеющие угли не подпалили разбросанные повсюду пучки соломы и перья.

Демона рассматривали уже на улице. Как и предполагали селяне, супостатом оказался обычный хорек. Жирный, подранный, немного облезлый по бокам и с перепачканными в крови зубами.

– Что теперь будем делать? – поинтересовалась Лайсве. За убийство хоря никто раскешливаться не станет. Да еще и шею намылят, что байками про демона людей пугали.

– Ты пойдешь спать, а я что-нибудь придумаю, – ответил Вей не терпящим возражений тоном, вручил сестре одеяло и направился прочь от селянского двора.

Лайсве все же заставила себя вздремнуть, пока над ухом не начали драть горло петухи. Она встала, подмела перья в курятнике и закопала дохлую птицу, чтобы никто не видел.

Вейас по-прежнему не возвращался.

Лайсве не выдержала и отправилась на его поиски.

Ее повело в сторону сеновала. Она даже не могла объяснить тому причину. Стараясь ступать как можно тише, Лайсве толкнула дверь и заглянула в щель. Пахнуло пряностью сушеного разнотравья. Приглушенные стоны незадачливых любовников обожгли ей уши.

Она едва не вскрикнула. Вот Вейас и нашелся. Какой ужас!

Лайсве хотела тихо притворить за собой дверь, но ржавые петли как нарочно скрипнули.

Через несколько минут вышел Вейас в нижней рубахе. Он нес в руках сверток, от которого пахло горячей выпечкой.

– Не охай. Не совала бы нос, куда не следует, ничего бы не увидела.

– Зачем тебе это понадобилось? – Она поднялась и взяла себя в руки. – У нас же дела. Куродав, забыл? Что станет, если ее муж признает?

– Так он сам и предложил. – Брат пожал плечами. – Наверное, надеется, что я их брак благословлю, или хочет оплату снизить.

– Оплату за что? – нахмурилась Лайсве.

– За демона-куродава, конечно. – Вейас указал на прислоненную к сеновалу жердь. На нее была насажена жуткая тварь: ярко-алая, в зеленоватых и синих разводах, желтые колдовские глаза выпучены, косматая морда ощерена, видны внушительные клыки с запекшейся кровью.

Это чудище – давешний хорек? Что брат с ним сотворил?

– Пришлось схитрить. Но ты бы видела, как селяне перепугались! Чуть ли не ноги мне целовать бросились за спасение.

Лайсве отвернулась. К горлу подступила дурнота.

– Да перестань! Не ты ли первая взялась людей обманывать?

– Я хотела развеселить детей!

– Какая разница?

Как он может такое сравнивать?!

– Нужно нашего демона сжечь побыстрее. Сомневаюсь, что краска на нем долго продержится. А потом позавтракай. – Брат протянул сверток. – Там пирожки с капустой и мясом. Только, умоляю, ни с кем не делись! Голодным и убогим твои подачки не помогут, а если ты упадешь от изнеможения, мы не сумеем оторваться от погони.

– Какой погони? – всполошилась Лайсве.

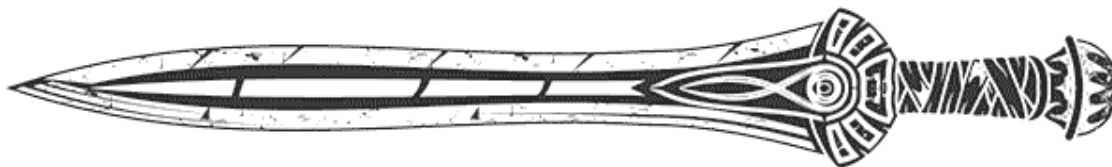
– Слухи ходят. – Вейас замялся и почесал затылок. – Похоже, отец поставил на уши весь орден и послал по нашему следу отряд ищеек во главе с твоим женишком. Вряд ли бы отец стал усердствовать так из-за меня, а вот тебя вознамерился вернуть. Если мы не поторопимся, рискуем попасться.

– Мастер Вейас, почему так долго? Вы обещали! – раздался из-за притворенной двери капризный голос.

– Все будет хорошо. Справимся. – Он подмигнул и ушел ублажать селянку.

Лайсве потопталась на месте, пытаясь унять панику, но ничего путного в голову не приходило. Как там в Кодексе Сумеречников говорилось: «Нужно решать насущные проблемы, а не переживать о том, чего еще не случилось»?

Она взяла шест с куродавом и направилась к ближайшему перекрестку, чтобы скрыть следы обмана.

Языки пламени обглаживали «куродава», обдавая запахом паленой шерсти. Прохожие исподтишка косились на Лайсве, но она старалась их не замечать.

«Я уверена в том, что делаю. В сжигании куродава на перекрестке нет ничего необычного. Сумеречники всегда так поступают, чтобы огорчить людей от злых чар».

Лайсве пробубнила только что придуманное «заклинание» и подбросила в костер пучки травы. Вроде так больше походило на таинство.

«Брат мой, Ветер, даже себя обмануть не получается!»

Когда костер потух, она закопала обугленные косточки, снова бормоча нелепицу и присыпая могилку пылью и подорожником, а затем подобрала с земли сверток и побрела в Гульборг. Стражники у ворот пропустили ее внутрь за пару медек. Никуда не сворачивая с широкой главной улицы, Лайсве вышла на центральную площадь. Посреди рыночных рядов возвышался стройный деревянный храм с круглыми, похожими на луковицы зелеными куполами. Дом Повелительницы Земли и ее тринадцати сыновей и дочерей – богов-покровителей ремесел и земледелия.

Лайсве уселась на ступени, раскрыла сверток с пирожками и попробовала один из них. Кусок встал в горле сухим комом. Студеная вода из фляги кое-как протолкнула его внутрь.

Перед глазами до сих пор мелькала постыдная сцена с участием брата. Все вокруг чувствовали любовь или хотя бы страсть, но только не Лайсве. Ее ни к кому не тянуло, живот

не полнился бабочками – так вроде это чувство описывали в любовных балладах. Но почему именно бабочки? Ведь тогда, получается, в живот набросали склизких мохнатых гусениц. Они поедали потроха, пока не сплели из кишок коконы. Оттуда и вылупились те самые любовные бабочки.

Лайсве усмехнулась и принялась оглядывать собравшийся на торжище люд. Среди пестрой толпы выделялась девочка лет восьми, может, десяти. Невысокая, худенькая, темноволосая и необычно смуглая для этой местности. Одета она была в прохудившийся холщовый балахон, а ноги вместо башмаков укутывали тряпки. Правую руку девочка прятала за спину, а левой держала букетик васильков и предлагала прохожим:

– Возьмите! Всего за одну медьку или кусочек хлеба! Или овсяную лепешку! Или недозрелое яблоко!

Все шарахались от нее, словно та была заразной. Видимо, девочка сильно проголодалась, раз терпела такое. Надо бы поделиться с ней пирожками – так, чтобы Вейас не узнал.

Лайсве оставалось до нее всего несколько шагов, когда девочку кто-то толкнул, и она распласталась на земле. Ее букет затоптали спешившие по делам прохожие. Как бы кроху не постигла та же участь! Лайсве протянула ей руку и помогла подняться.

– Простите. Не стоило. Я такая неуклюжая, – стеснительно пробормотала девочка, пряча глаза.

Может, она из манушей, которые большим табором кочевали по всему Мунгарду? Но мануши глазами обладали ярко-голубыми, а у этой – темные угольки.

– Еще как стоило. Идем!

Лайсве отряхнула ее от пыли и хотела было устроиться возле храма, но на порог снова вышел жрец и покачал головой. Но почему? Сюда пускали всех, даже нищих и больных. Лайсве сделала еще один шаг, но тут уже заупрямилась девочка.

– Нет! Меня побьют палками. Я не хотела ничего дурного, только кусочек хлебушка выменять. Клянусь!

Лайсве присмотрелась внимательнее. Вот почему девочка прятала правую руку. На ней не хватало кисти, а рукав лохмотьями свисал так, чтобы это скрыть. Воровка? Но ведь она была совсем кроха. У Лайсве и красть-то нечего, кроме злосчастных пирожков и затупленного меча. Она улыбнулась как можно ласковее и повела девочку прочь из города.

На опушке леса неслась узкая река с сильным течением. Они искупались на мелководье и выстирали одежду, затем поднялись выше, где берег становился обрывистым и крутым, а дно уходило на большую глубину и сверху даже не проглядывалось.

Девочка в посеревшей от времени нижней рубахе разлеглась на огромных мягких листьях лопуха и принялась уплетать пирожки. Она постоянно давилась и кашляла, откусывая слишком большие куски.

– Не торопись так, а то плохо станет, – предупредила Лайсве с улыбкой.

– Простите! – залепетала она, обсыпая себя крошками. – Я так давно не ела ничего, кроме лебеды и сосновой коры. Хотела цветы на кусок хлеба выменять. Дядька Лирий предупреждал, что нельзя попрошайничать, но я не послушала, вот и... – Говорила она торопливо, с горганным придыханием на некоторых звуках. Ее взгляд бегал, словно она чего-то опасалась.

Лайсве не могла оторвать глаз от ее искаленной руки. Кто же эта девочка?

– Давай лучше знакомиться, – она подбадривающе подмигнула. – Я Лайс... Да, Лайс из Белоземья. Это на юго-востоке. Мы с братом на север едем – лучшей доли искать. Ты тоже с юга?

– Я Айка, из Тегарпони, – она хмуро потупилась.

Это был один из самых больших южных городов в Сальвани, почти на границе с Гундигардом. Дальше и придумать нельзя.

– Мы... скитаемся. Нас отовсюду гонят. – Айка развалилась на огромных листьях лопуха, вытянув руки и ноги в стороны. – Мы ищем благодный край, где нет ни голода, ни нужды, ни холода, ни болезней. Где люди добры, честны и милосердны, а дети не бывают сиротами.

– Так ты сирота?

Айка кивнула, глянула на яркое солнце, и ее глаза наполнились слезами.

– Мне было пять, когда черная лихорадка забрала отца с матерью. Еще у меня был братик, но теперь и его нет.

Лайсве устроилась рядом и всмотрелась в исступленно яркое светило до ряби в глазах.

– А я свою маму никогда не видел. Говорят, она была красивая и добрая. Мне бы хотелось быть, как она...

– Но ты ведь парень, – усмехнулась Айка.

Лайсве напряглась. Взрослый бы давно догадался о ее тайне, но девочка продолжала светло улыбаться.

– К тому же ты и так самый красивый и добрый из всех, кого я встречала. Правда-правда!

Лайсве неуютно передернула плечами. Балахон на ветру уже высох. Она поднялась и принялась его штопать. Прорех оказалось много, и поэтому она начала с тех, в которые можно было просунуть целую ладонь. Айка повернулась набок и, шурясь, заметила:

– Ты похож на Посланника.

– Это демон такой?

– Нет! Божественный посланник. Они прекрасны, как никто из смертных. Они ненадолго спускаются с небес, чтобы принести людям покой и облегчить страдания. А когда наступит конец времен, они приведут в наш мир милостивого Господина, чтобы он сделал всех людей счастливыми. Надеюсь, у них получится.

Лайсве провела рукой по неровно остриженным волосам. Прекрасна, как никто из смертных, смешно, не правда ли? Затосковав, она сменила тему:

– А что случилось с твоей рукой?

Айка помрачнела и принялась баюкать изувеченную конечность, словно успокаивая боль в незатянувшейся ране.

– Если не хочешь...

– Нет, все в порядке. Просто... – Девочка громко всхлипнула, но продолжила: – Это произошло в Тегарпони, когда мой братик был еще жив. Мы спали в сточных канавах. Голодали. Стреляли голубей из рогаток на улицах нижнего города. Однажды братик заболел. Целители из храма Вулкана говорили, что это от грязи и плохой пищи. Он мучился несколько дней и постоянно просил есть. Я украла для него буханку хлеба из пекарни, рядом с которой вкусно пахло теплой едой. Когда вернулась, братик уже отправился на Тихий берег. Меня поймали и отрубили кисть.

– Кисть за буханку хлеба? Это жестоко и несправедливо!

Интересно, а что делали с теми, кто обманывал людей?

– Нет. – Айка снова светло улыбнулась. – Все верно: воровать плохо. И попрошайничать тоже. Так дядя Лирий учит. Он подобрал меня, выходил и взял с собой на поиски благодного края.

Что у них за вера такая? Благодный край, Посланники, спускающиеся с небес, Господин, который запрещал попрошайничать и воровать и должен был принести всем счастье?

Лайсве протянула Айке заштопанный балахон и помогла одеться. Они снова устроились в зарослях лопуха. Лайсве принялась собственным гребнем расчесывать пушистые волосы девочки. Та терпела, даже когда приходилось с силой раздирать колтуны. После они вдвоем растянулись на мягких листьях и махали руками и ногами, как бабочки крыльями. Солнце лениво опускалось за верхушки сосен, опалая их закатным заревом.

– Идем с нами. Будешь нас защищать ото всех и приносить покой, и мы заживем свободные, как птицы! – Айка вложила свою костлявую ладошку в руку Лайсве и доверчиво улыбнулась. Золотисто-рыжие солнечные лучи преобразили ее лицо, смягчив худобу и сделав невероятно красивой.

– Рад бы, но у меня тоже есть братик. Если я его брошу, то ему никто даже буханку хлеба не украдет. И, кажется, он меня уже обыскался, – Лайсве попыталась отшутиться, но девочка расстроено отвернулась.

– Я знала, что ты не согласишься. У тебя другой путь.

Треснули сучья. Кто-то шел к реке по лесной тропинке.

Вейас?

На опушке показался незнакомый босой мужчина в косоворотке и штанах из грубого сукна.

– Дядя Лирий? – спохватилась Айка.

Лайсве поднялась следом и присмотрелась.

Мужчина был невысокий, с заострившимися от худобы скулами. Его правую щеку пробородил застарелый шрам, а карие глаза смотрели настороженно и хмуро. За поясом торчал большой охотничий нож с отполированной до блеска рукоятью. Шел он вначале степенно, но потом сорвался в бег.

Лайсве испуганно замерла.

У него на шее качался сплетенный из ивовых прутьев амулет – круг, перечеркнутый четырехконечной звездой.

В ее голове что-то щелкнуло, с глаз будто спала пелена, и все слова Айки сошлись в целостную картину подобно мозаике. Это были бунтовщики-пресветловерцы. И поэтому их отовсюду гнали.

Пресветловерцы ненавидели Сумеречников. Нужно было бежать, но ее ноги вросли в землю и не двигались, точно как в кошмарном сне.

Мужчина остановился в нескольких шагах от берега.

– Айка!

– Дядюшка Лирий, что с вами? – недоумевала девочка.

– Это колдун, Айка. Беги! – закричал Лирий и выхватил из-за пояса нож. – Предупреждаю: если попробуешь меня заколдовать...

– Да вы что? – Айка замотала головой. – Никакой Лайс не колдун. Он спас меня в городе и угостил пирожками. Он хороший!

– Он тебя заколдовал. Беги! – Лирий шагнул вперед.

Лайсве вытащила из ножен меч и выставила перед собой. Руки предательски дрожали. Она сумеет защититься, должна суметь!

– Не подходите! Я не собирался причинять никому вред. – Она попяtilась к реке, размахивая клинком. Пускай разум возобладает!

– Дядя Лирий, остановитесь!

Айка ухватила его за локоть, но он отмахнулся от нее, как от былинки.

– Вы обираете нас до нитки, калечите за то, что мы пытаемся урвать крохи из награбленного вами, и вешаете, если возмущаемся. Убийцы, душегубы, чума для всего Мунгарда! Каждый ребенок, погибший от голода и холода, на вашей совести!

Лайсве колотило от его злобы, будто сама смерть стояла позади них и ждала, кто не выдержит первым.

– Неправда, – ее голос сорвался на сип, но она изо всех сил старалась говорить уверенно: – Мы защищаем людей от демонов и получаем за это справедливую плату...

В темных глазах мужчины полыхнуло яростное безумие.

– Ложь! Все демоны – ваша морочь! Сдохни, тварь!

– Нет! – вскрикнула Айка.

Сверкнула сталь и скрылась за метнувшейся тенью. Лайсве не разглядела, что случилось. Меч звякнул о землю. В ее руки упало тщедушное тело Айки.

– Нельзя убивать... – отрывисто бормотала она, – Посланников. – Из ее спины торчала рукоять ножа. Кровь пятнала только что выстиранный балахон. – Кто приведет... – слова тонули в натужных хрипах, – господина?

Ее глаза закатились, голова запрокинулась.

– Айка! – грянул отчаянный вопль.

Чей?

Мертвая плоть упала на землю.

Лайсве прыгнула с обрыва.

Глава 9 Влюбленный кузен

1526 г. от заселения Мунгарда.

Докулайская долина, Кундия

Лайсве пыталась выбраться из воды, но соскальзывала с крутого берега, и течение несло ее все дальше. Благо дно было не каменистым, иначе расшиблась бы еще в момент падения. От холода и напряжения ноги сводило судорогой. Она нашла спасение в отполированных водой корнях нависшей над рекой ивы. Лайсве схватилась за них, подтянулась и вскарабкалась на сушу, ободрав ноги об коряги и обжегшись крапивой.

Сердце бешено колотилось, словно хотело выскочить наружу, но даже отдышаться не вышло – страх погнал в чашу через колючий подлесок и бурелом. Деревья стали выше, появились просветы между ними, но Лайсве не обращала внимания.

Хруст сучьев под ногами преследователя нахлестывал ей в спину. Хриплое дыхание жгло затылок. Косматый и злой Лирий обгонял, заступал дорогу и угрожал окровавленным ножом: – Сдохни! Сдохни, тварь! Сдохни за Айку!

Торчащий из земли корень схватил ее за ногу, и Лайсве упала, ударившись головой о сосновый ствол. Тело пронзило болью. Дышалось с трудом. К горлу снова подступила дурнота, а слезы смешались с теплыми струйками крови.

Лирия нигде не было – за ней гналась совесть.

Айка стояла перед ее глазами живая, прятала покалеченную руку за спину, улыбалась и протягивала букет васильков, но стоило Лайсве прикоснуться к ней, как та падала замертво. Пластами слезали кожа и плоть, оголяя кости. Из глазниц выползали жирные личинки, у которых было перекошенное от ярости лицо Лирия. Они тянулись к Лайсве и кричали:

– Это ты убила Айку! Тебе подобные уморили ее брата голодом и отрубили ей руку. Убийца! Умри!

Лайсве пыталась сосредоточиться на чем-то добром и светлом, но мысли снова и снова возвращались к Айке.

Жесткий сосновый ствол врезался в спину. Только он и удерживал ее на тонкой грани реальности. Темная бездна небытия надвигалась, уносила в туманную пустошь. Лайсве бродила по ней, звала кого-то, но отвечало лишь эхо.

Внезапно ее лицо утерли мокрой тряпкой. Пахнуло чем-то несвежим. Она дернула головой, отгоняя дурманной сон, и распахнула глаза.

На нее уставилась косматая бурая морда. Громадная пасть была распахнута, обнажая клыки, а затем раздался протяжный рык.

Лайсве затаила дыхание, не смея шелохнуться.

Медведь принялся слизывать запекшуюся кровь с лица. Сейчас откусит. И будет она без лица, как Айка без руки. А потом Вейас загонит ей нож в спину из жалости.

Нет! Нельзя сходить с ума.

Зверь замер. Бездонные глаза смотрели почти по-человечески.

– О Повелитель Зверей, – забормотала Лайсве, перебирая в памяти нянюшкины сказания. Слова молитвы приходили будто сами собой: – Именем твоей милосердной жены Повелительницы Земли заклинаю: прости, что пролила невинную кровь в твоём лесу. Я искуплю ее кровью демонов и благими деяниями во славу всей земли Мунгардской.

Медведь выпрямился во весь рост и закрыл собой небо. Спина прогнулась. Рев ударил по ее ушам. Передние лапы замолотили по воздуху.

Задерет! Просить бесполезно: чужая стихия не знает пощады.

– Брат мой, Ветер, спаси, умоляю, – зашептала Лайсве дрожащими губами.

Налетел ветер, поднял в воздух прошлогоднюю листву и швырнул в косматую морду. Медведь вскинул голову и уставился в небеса. Неподалеку залаяли собаки. Он неуклюже развернулся и скрылся в густых зарослях маличника.

Лайсве измученно выдохнула. Пустая, словно выеденная скорлупа. Ни одной мысли в голове не осталось, лишь тупая апатия и ломящая боль в окаменелых от напряжения мышцах.

Надвигалось темное беспмятство, но лес не отпускал, будоражил шорохами и запахами. Собаки залаяли совсем рядом, спугнув птицу. Затрещали ветки, будто кто-то ломился через чашу.

Над ухом раздался возглас:

– Она здесь, Вей, быстрее!

– Лайсве! – ее внезапно обняли и встряхнули жесткие руки. – Ты в порядке? Что случилось?

Она прищурилась в лучах яркого солнца.

Кто этот высокий стройный юноша?

– Да ты же промокла до нитки! – Он принялся стягивать с нее одежду.

Лайсве соображала как сонная муха, а двигалась и того нерасторопней. Вместо протеста получилось лишь нечленораздельное мычание. Резкий рывок отозвался такой болью, что она едва не лишилась чувств.

– Оставь ее! – возмутился Вейас.

Лайсве облегченно выдохнула и расслабилась.

– Я хотел помочь! Она сильно ободралась, на затылке шишка с кулак. Надо согреть ее и отвезти к целителю, – оправдывался незнакомец.

Лайсве ему не верила.

– Я брат ее, а ты чужак. Занимайся лучше своими гончими. – Вейас оттолкнул его в сторону.

Снова залаяли собаки, под тяжелыми шагами затрещали сучья.

Почему так громко?

– Тише, родная, – зашептал брат. – Я с тобой, теперь все хорошо.

Он развязал тесемки на ее рубашке, вынул руки из разодранных рукавов и стянул превратившиеся в лохмотья штаны. Когда он случайно задевал ссадины и синяки, Лайсве лишь тихо постанывала. Вознаграждением за пытки стал плотно обернутый вокруг нее плащ, который еще хранил тепло брата.

Лихорадочные мысли постепенно упорядочились.

– Заставила же ты нас поволноваться! Еще повезло, что у Петраса свора гончих имеется, иначе ни в жизнь тебя в этих лесах не сыскали бы. – Вей подхватил ее на руки.

Значит, то был кузен.

Лайсве помнила его сопливым мальчишкой, всего на год старше их с братом. Сейчас он стал такой взрослый и важный.

– Не расскажешь, что случилось?

Лайсве спрятала лицо у брата на плече.

– Ну и ладно. Жива главное. Целитель тебя быстро на ноги поставит, вот увидишь.

– Прости, – в ее горле будто встал ком, царапая изнутри. – Я не хотела добавлять хлопот.

– О чем речь? Ты вдохновляешь на подвиги! – И брат потащил ее к дороге.

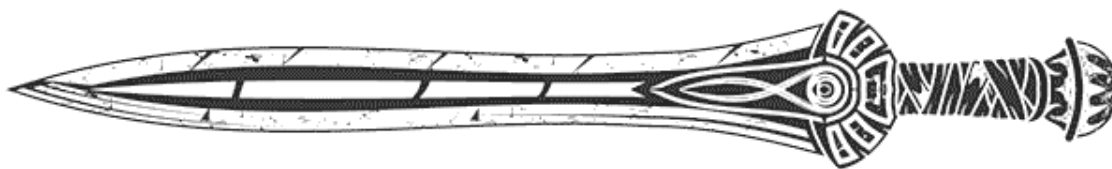
– Что, даже лучше, чем селянки на сеновалах?

Рядом с братом страх отпускал, словно он был ее броней. Надо забыть и не думать, не вспоминать о произошедшем. Никогда больше!

– Селянок в Мунгарде, что грязи, а сестра у меня одна.

Сделалось совсем спокойно. Вей поудобней перехватил Лайсве за талию. В просветах между деревьями показались роющие копытами землю лошади и снующие вокруг них поджарые псы.

– К тому же, возможно, нам не придется ехать в Нордхейм. – Вейас усадил сестру в седло впереди себя и направился вслед за Петрасом.

Лайсве уснула в самом начале пути и очнулась, лишь когда брат снимал ее с лошади. Посреди дремучего бора притаилась двухэтажная усадьба из круглых бревен. Леса Докулайской долины примыкали к замку Будескайск и принадлежали древнейшему роду мертвошептов Гедокшимска – роду кузена.

– Охотничий домик, – пояснил Петрас и распахнул дубовую дверь. – Здесь удобнее, чем в моем замке, и не придется беспокоиться, что кто-то из слуг донесет ищейкам или вашему отцу.

Вейас устроил сестру на приземистой лежанке, покрытой соломенным тюфяком, спеленал шерстяными одеялами и подложил под голову побольше подушек. В камине потрескивали смолистые дрова. Брат взял кочергу и пошевелил их, чтобы разжечь пламя еще сильнее.

Кузен же скрылся в глубине дома. Должно быть, разыскивал следившего за хозяйством слугу.

Вскоре раздалась возбужденные выкрики.

– Я уже не мальчик, а вы не мой наставник, чтобы меня отчитывать. Я хозяин и лорд, все будет по-моему!

Послышался успокаивающий, миролюбивый голос, похожий на тот, каким нянюшка умирала детские истерики близнецов. Наверху затоптали и бегом спустились по лестнице.

Вейас обернулся.

– Я договорился, за Лайсве присмотрят. Перекусим и будем выдвигаться. Нас уже ждут, – обронил Петрас и снова ушел.

– Вы уезжаете? – встревожилась Лайсве.

– Вернемся к ночи. Я обещал Петрасу кое в чем подсобить. – Вейас погладил ее по волосам, напоминая отца. Как он там один? Совсем, видимо, истосковался, раз решил отправить в погоню за ними ищейек. – Не грусти. – Он ущипнул Лайсве за щеку, прям как в детстве, и последовал на кухню за Петрасом.

По лестнице спустился невысокий мужчина в свободных штанах и рубахе из беленого льна. Это и есть обещанный целитель Петраса? Его лицо было плоское и круглое, как блин, смуглое, с узкими раскосыми глазами. Темные, побитые сединой волосы связаны в тонкую косу, спускающуюся до середины лопаток. Он опирался рукой на узловатую клюку с резной медвежьей головой вместо набалдашника. Вспомнив, как хозяин леса облизывал ее лицо, Лайсве передернула плечами. Взгляд у целителя был такой же – цепкий, пронзительный, изучающий.

Он поводил над ней руками, широко растопырив длинные пальцы. Ничего необычного в его жестах не было – так делали все целители, но почему-то Лайсве стало не по себе. Сдавленно закрывав, он опустил ладони.

– Надо вернуть девочку отцу: она очень истощена, – крикнул целитель.

В дверном проеме тут же показался Петрас.

– Юле, мы ведь уже обсудили. – Он оперся плечом о косяк и сложил руки на груди. – Исцели ее. В конце концов, должен же ты свое содержание отрабатывать. Остальное тебя не касается. – Направившись к выходу, кузен позвал Вейаса: – Едем.

Брат вышел следом, дожевывая кусок хлеба и запахивая на груди плащ.

– Удачи, куда бы вы ни шли. – Лайсве протянула к нему руку.

Он полуобернулся и подмигнул ей уже у двери.

– Шустрей! Упустим время, и они уйдут, – забранился с улицы Петрас, и Вейас поспешил за ним.

– Эх, молодость, отцовский погребальный костер еще не остыл, а он уже себя властелином Мунгарда возомнил. – Целитель покачал головой, глядя на дверь, за которой скрылись мальчишки.

Лайсве приподнялась на локтях, чтобы получше рассмотреть его. А вдруг он как Лирий? Выпутавшись из одеял, она забилась в самый угол лежанки у стены. Нет, нельзя так, она не должна бояться каждой тени, иначе точно сойдет с ума.

– Вас зовут Юле? – заговорила Лайсве, чтобы развеять собственный страх. – Необычное имя. Вы не из этих краев?

– Юле-икке, если полностью, – он говорил правильно, только картавил и тянул слова. – Я родился на крайнем севере, у самой Червотчины, в племени оленеводов. Только не осталось их совсем. Тоже молодость из Полночьгорья выгнала, заставила судьбу на чужбине искать. – Он с досадой махнул рукой и ушаркал за дверь на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.